

Василий Потто

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА
1828—1829 гг.

Том 4

Василий Александрович Потто Кавказская война. Том 4. Турецкая война 1828-1829гг.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174804

*Потто В. А. Кавказская война. В 5 томах. Том 4. Турецкая война 1828-1829гг.: Центрполиграф;
М.; 2007*

ISBN 5-9524-23155-3, 5-9524-2108-3

Аннотация

Фундаментальный труд выдающегося военного историка, генерала русской армии В. А. Потто охватывает период Кавказской войны с начала XVI века по 1831год.

Многие годы в разных местах автор собирал разрозненные документы материалы с одной целью – извлечь из забвения и связать в одно стройное повествование драматические и героические события, которые, развиваясь и усиливаясь, определили совершенно особую роль Кавказской войны в нашей истории.

В четвертый том вошли описания событий Турецкой войны 1828-1829 годов.

Содержание

I. ОТ ВОЙНЫ К ВОЙНЕ	4
II. НАСТУПЛЕНИЕ НА КАРС	13
III. ТРЕХДНЕВНАЯ ОСАДА КАРСА	21
IV. ШТУРМ КАРСА	28
V. ВЗЯТИЕ АНАПЫ	38
VI. АХАЛКАЛАКИ И ХЕРТВИС	48
VII. НАСТУПЛЕНИЕ К АХАЛЦИХЕ	58
VIII. РАЗГРОМ ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ТУРЕЦКОГО КОРПУСА	67
IX. ОСАДА АХАЛЦИХЕ	75
X. ШТУРМ АХАЛЦИХЕ	80
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Василий Александрович ПОТТО

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

Том 4. Турецкая война 1828—1829 гг.

І. ОТ ВОЙНЫ К ВОЙНЕ

Еще не замолкли громы персидской войны 1826– 1828 годов, а политические обстоятельства в Европе сложились так, что сделали неизбежным для России столкновение с Турцией. В Петербурге не знали еще о славном мире, заключенном с Персией, а в Кавказский край уже летел курьер с секретными депешами о разрыве с Портой и неотложной необходимости кавказскому корпусу готовиться к новым военным действиям.

Был март 1828 года. Счастливый победитель Персии граф Паскевич Эриванский возвращался из Тавриза в Тифлис. Он ехал через Маранду в то время, как курьер, спешивший к нему навстречу, взял из Эривани направление через Карабаг, и они разминулись. Не застав главнокомандующего в Тавризе, курьер поспешил назад по следам его и нагнал Паскевича 20 марта, уже на первом ночлеге за Эриванью. Прочитав депеши, граф тотчас выехал в Тифлис, послав приказание, чтобы туда же шли все полки, возвращавшиеся из Персии.

Начиналась турецкая война.

При тогдашнем положении дел, известия, привезенные курьером, мучительно тревожили Паскевича. Действующие войска не могли придти из Персии раньше конца апреля, а до тех пор вся пятисотверстная русская граница, простиравшаяся тогда от гурийских берегов Черного моря до Талыни и оттуда, по окраине бывшего Эриванского ханства, до Арабата, лежала открытой перед неприятелем. Малочисленные гарнизоны, разбросанные на огромном пространстве, достаточны были разве только для нужд внутренней службы. Даже четыре пункта, открывавшие неприятелю удобнейшие входы в русские пределы: пост Чахотавский на границе Гурии и Имеретии, Боржомское ущелье со стороны Картли, крепость Цалки в Сомхетии и Гумры в Шурагеле – даже эти важные пункты едва охранялись. В Цалках, например, стояла рота, в Гумрах – две, и эти слабые заслоны, конечно, не могли бы остановить решительного наступления турецкой армии.

Вот подробная ведомость тех сил, которые в этот тревожный момент оставались для защиты края.

В пределах Грузии, для охраны Тифлиса, штаб-квартир и на Алазанской линии, стояло шесть батальонов пехоты (это были третьи резервные батальоны от полков Херсонского, Грузинского, Эриванского, Тифлисского, Ширванского и сорок первого егерского). Из них по одной роте – в Манглисе, в Белом Ключе, в Гори, в Цалках и в Джелал-Оглы; девять рот в Тифлисе и два с половиной батальона на Алазани. Кроме того, две роты Крымского пехотного полка занимали Гумры.

В Армянской области, как пограничной с Турцией и Персией, число войск было несколько более, именно – девять батальонов: в Эривани стояли тридцать девятый егерский полк, батальон сорокового полка и шесть рот Севастопольского; в Эчмиадзине – другой батальон сорокового полка; в Сардар-Абаде – шесть рот Крымского полка и две Севастопольского; в Аббас-Абаде – батальон Тифлисцев, и, наконец, в Нахичевани – две роты от полка Нашебургского.

В самих русских пределах, при их соседстве с Турцией, не было уверенности в полной безопасности. Если массы населения уже научились ценить принесенные русской властью блага внутреннего спокойствия и привыкали к мирной деятельности цивилизующейся

страны, то среди них все еще оставались элементы, жившие преданиями прошлого, способные внести в край смятение и беспорядки.

На самом правом фланге русских владений лежала Абхазия представлявшая в этом смысле наибольшую опасность. Еще в самом начале персидской войны, когда Ермолов сосредоточивал все наличные средства и силы к Тифлису, уже являлась необходимость серьезно подумать об обороне побережья Черного моря. Покинуть Сухумскую бухту и Абхазию значило бы отказаться от последнего влияния на народы восточного Черноморского побережья – влияния, столь важного для жизни всего Закавказья. А между тем, при том состоянии, в котором находилась Сухумская крепость, защищаться в ней было невозможно, и оставалось одно из двух: либо заблаговременно принять меры к ее укреплению, на что требовались деньги и войско, либо теперь же вывести из нее войска и взорвать ее стены.

В Петербурге не ожидали в то время близкого разрыва с Портой, и государь не изъявил согласия на разрушение Сухума, полагая, что “оное причтется к излишней осторожности”. Он приказал для защиты крепости занять ее достаточным гарнизоном, а для прикрытия с моря расположить у берегов Абхазии небольшую часть крейсерской флотилии.

Опасения Ермолова тогда не сбылись: Абхазия во время персидской войны оставалась сравнительно спокойной. Но зато теперь, на случай появления турецкого десанта, Абхазия готовилась к восстанию. Открытая и с моря, и с суши воздействиям турок, страна не могла не относиться сочувственно к их пропаганде, и, действительно, на Сухумский гарнизон скоро начались непрерывные нападения, стеснившие его с течением времени так, что несколько шагов за крепость невозможно было сделать без конвоя.

К Абхазии примыкали Мингрелия, Имеретия и Гурия. Населенные христианами, они, казалось бы, не должны были внушать особых опасений. Действительно, на верность мингрельцев и имеретин можно было положиться вполне, и генерал-адъютант Синягин, посланный позже Паскевичем для обзора этих провинций, писал, что он нашел в них наилучшее расположение к России. Владелец Мингрельский вызвался даже выставить до четырех тысяч вооруженной милиции; имеретины, со своей стороны, собирали земское ополчение. Но положение дел в маленькой Гурии было совершенно иное. Властолюбие тогдашней правительницы ее княгини Софьи угрожало вовлечь страну на скользкий путь предательства и измены; она вела тайные переговоры с турками, даже отправила к ним в аманаты своих детей и получила за то от султана фирман и подарки.

А между тем приморское положение этой ничтожной по пространству страны доставляло ей весьма важное значение. И если бы турки появились только в Гурии – то спокойствие соседней Мингрелии и Имеретии неминуемо было бы нарушено. То же самое должно сказать и о Грузии, составлявшей центр и основание нашего могущества за Кавказом.

Эта многострадальная страна искони веков была театром хищнических набегов со стороны соседей. И если в мирное время буйные лезгины, карапахи и курды, несмотря на присутствие в ней русского войска, ежегодно уводили отсюда многочисленные стада и нередко захватывали в плен самих жителей, то теперь, с объявлением турецкой войны, над ней нависла угроза новых и новых вторжений. Гроза надвигалась на нее со стороны Ахалцыха и Карса и со стороны тех полукочевых племен, которые всегда служили как бы передовыми аванпостами для турок. Сама политическая жизнь страны требовала особенного наблюдения. Еще живы были старики, помнившие своих царей, время относительной своей независимости, и имя царевича Александра, под их влиянием, могло волновать умы пылкой грузинской молодежи.

Далее, за Грузией, лежала Армянская область, соприкасавшаяся с персидской границей. Правда, ослабленная проигранной войной, лишившаяся почти всей своей регулярной армии, Персия, сама по себе, не представляла серьезной опасности, но тем не менее вполне

положиться на спокойствие границы, при известном непостоянстве и легкомыслии персидского правительства, было невозможно.

Затем, среди остальной магометанской части Закавказского края немудрено было ожидать общих волнений. Еще мусульманские провинции, державшиеся Алиевой секты, могли оставаться спокойными; в областях, населенных сунитами, уже замечалось брожение. Особенно колебание умов давало себя чувствовать среди кавказских горцев. Весь Северный Дагестан волновался под влиянием какого-то неведомого религиозно-политического учения; Чечня разбойничала; Кубани вновь грозили замолкшие было в последние годы набег.

Повсюду требовалось войско и войско.

Турция находилась в положении несравненно выгоднейшем. По всей границе ее с Россией, на всех удобных входах в нее расположились сильные крепости, ждавшие только момента, чтобы внести смерть и ужас в ряды дерзких пришельцев, покусившихся нарушить их грозное молчание. Поти, Батум, Кабулеты, Ацхур, Хертвис, Ахалцихе, Ахалкалаки, Карс, Магазберт, Кагызман и Баязет, возвышая к небу вершины своих башен, составляли оплот мусульманского могущества в древней исторической стране, бывшей постоянным театром бедствий и кровопролитий.

Задолго перед тем делались и другие приготовления к войне.

Нужно сказать, что Азиатская Турция в административном делении своем представляла в то время несколько отдельных областей, управляемых пашами. По границам России, начиная от Черного моря до Персии, лежали пашалыки: Трапезундский, Ахалцихский, Карсский и Баязетский, а за ними – Арзерумский, Ванский и Мушский. Последние шесть пашалыков составляли так называемую Турецкую Армению, а Трапезундский, Диарбекирский, Сивасский, Такатский и Моссульский образовывали Анатолию. Все эти одиннадцать областей подчинялись одному общему правителю в лице сераскира Арзерумского, которому вверялось бесконтрольное владычество над Арменией и Анатолией. Достоинство это почиталось в Турецкой империи одним из важнейших, и сераскир Арзерумский облакался полной деспотической властью: он ведал всеми войсками и администрацией края, учреждал налоги и подати, сменял и назначал начальников, выносил смертные приговоры.

Но эта, по-видимому, строго проведенная централизующая власть далеко не достигала своих целей. Дело в том, что каждый пашалык делился на санджаки, а санджаками управляли беки, упорно стремившиеся удержать некогда принадлежавшую им самостоятельность. Беки поставлены были в зависимость от пашей, которым предоставлялось право назначать и сменять их по личному усмотрению, но право это в огромном большинстве случаев оставалось чисто номинальным. Обыкновенно бек, глава воинственного поколения, вовсе не повиновался паше. Происходя от древнего знатного рода, искони наследственно пользовавшегося в санджаке деспотической властью, он со стороны соплеменного ему населения признавался единственным законным владыкой, пользовался его безграничным и безусловным повиновением и в конце концов был сильнее паши, которому беки оставляли, таким образом, только его почетный титул. Эти порядки, напоминавшие феодальные отношения, выросшие на исторической почве, охранялись со стороны беков всеми силами, и нередко правительственные войска, посылаемые для усмирения непокорных, были бессильны сломить сопротивление. Особенной известностью в этом смысле пользовались в Карсском пашалыке санджаки Магазбертский и Гечеванский, владельцы которых жили в укрепленных замках, вернее, в сильных крепостях, построенных на неприступных скалах. Турецкие паши уже и не пытались подчинять своей власти подобных беков, доставлявших постоянные беспокойства Турции своими наездами то на соседей, то на русские границы, которые они переходили открыто для грабежа и разбоя. Случалось не раз, что на жалобы русских властей, требовавших прекращения подобных беспорядков, паша с чисто восточной

логикой, не знающей ничего выше грубой силы, отвечал, что виновный в беспорядках бек слишком силен, чтобы можно было с ним справиться.

Нужно было принять меры, чтобы на случай войны восстановить в стране порядок и единство действий. И вот Константинопольский двор, сосредоточивая всевозможные средства в азиатской Турции для предстоящей борьбы, понял необходимость назначить высшим правителем ее наиболее доверенного, опытного и искусного сановника. В Арзерум отправлен был трехбунчужный паша Галиб, которому не только отданы были под непосредственное начальство одиннадцать пашалыков, обыкновенно составлявшие Арзерумский сераскириат, но и верховное право заимствовать из всех азиатских владений Порты то число войск и те средства, какие по местным обстоятельствам он сам признает необходимыми для успешного хода войны.

Новый сераскир пользовался большим доверием в Константинополе и имел на то неотъемлемое право. Галиб долго жил в Париже посланником блистательной Порты при императоре Наполеоне I, участвовал как рейс-эфенди при заключении с Россией Бухарестского мира и был, наконец, некоторое время великим визирем. Принадлежа к сословию янычар, Галиб-паша, как рассказывают, первый подал мысль о необходимости их преобразования. Он даже послан был в Арзерум с поручением исполнить фирман султана и успел покончить с янычарами без кровопролития, принудив их одним убеждением покориться воле падишаха и вступить в состав новых войск. Словом, дипломатические и государственные способности Галиб-паши не подлежали сомнению. К сожалению, это был человек, не обнаруживший военных дарований и не имевший даже военной опытности. Султан, отдавая в его распоряжение весь ход военных действий в азиатской Турции, рассчитывал главным образом на его глубокий ум, столь важный в эти минуты для управления обширным краем, а в помощь ему, в качестве вождя действующих войск, назначен был человек, закаленный в боях, — Киос Магомет-паша, некогда сражавшийся в Египте против Наполеона и потом участвовавший в четырех европейских кампаниях против русских, сербов и греков. От сочетания этих двух выдающихся умов ожидалось наилучшие результаты.

Действительно, энергичный Галиб-паша деятельно принялся за приготовления к войне и в короткое время сделал чрезвычайно много. Пограничные турецкие твердыни, начинавшие дряхлеть столько же от лет, сколько от обычной беспечности азиатских правителей, теперь получили иной вид. Повсюду кипели крепостные работы, строились укрепленные лагеря, свозились орудия, порох, запасы. Гарнизоны всюду были усилены. К марту 1828 года, когда русская армия только что начала свое обратное движение из покоренного Тавриза, все пути в турецкие владения из Закавказья были уже заняты наблюдательными партиями турецкой конницы, а в окрестностях Гумров по Арпачаю, где сходятся важнейшие пути из России и Персии, расположился особый кавалерийский отряд в тысячу всадников, под начальством магазбертского владельца Шериф-аги, отважного начальника карапахов. Пограничные жители, не исключая мусульман, удалены были на сто верст от границ; у армян, из опасения измены, отобрано было оружие. В то же время главные турецкие силы формировались в Арзеруме, Там собирался сорокатысячный корпус и находился сам Киос Магомет-паша. Не ограничиваясь собственными средствами и зная расположение умов среди магометан Закавказья, турки отправили туда эмиссаров и старались возжечь пламя мятежа в самих русских владениях.

Первоначальный план их был чрезвычайно обширен. Им было известно, что русские войска еще не возвратились из Персии, что в Гумрах для наблюдения границы стоит лишь незначительный отряд пехоты и что Паскевич не в состоянии предпринять наступательных действий в скором времени. Все эти обстоятельства давали им право рассчитывать, что они успеют вторгнуться в русские пределы прежде, чем русские войска будут готовы к действиям. Главное наступление предполагалось на Гумры. Уничтожив стоявший там сла-

бый русский отряд и овладев этим важным стратегическим пунктом, им нетрудно было бы потоком разлиться по всему Закавказью и даже овладеть Тифлисом. С другой стороны, они мечтали поднять не только все мусульманское население края, но возмутить Гурию, Мингрелию и Имеретию и, овладев важнейшими приморскими пунктами, лишить Закавказье всякой помощи со стороны Черного моря. С этой целью они вошли уже в сношения с некоторыми более значительными беками старого Эриванского ханства, надеясь, при их посредстве, сплотить татар против русских; в то же время внести смуту в Имеретию и в пограничные с нею земли брались царевичи Александр Грузинский и Вахтанг Имеретинский.

В таком положении были дела, когда Паскевич, вернувшись в Тифлис, должен был изыскивать средства отвратить, а если возможно, то и предупредить вражеское нашествие. К счастью, турки медлили и дали ему возможность совершенно изменить положение дел, так что, в конце концов, преимущество явилось на стороне России.

Чтобы выиграть время, Паскевич распустил слух, что за Кавказом не только не делается никаких приготовлений, но нет еще и повеления в этом смысле. Турки, со своей стороны, с намерением обмануть русского главнокомандующего относительно своих намерений, употребляли такую же хитрость, и Карсский паша, желая выказать полное миролюбие, дозволил даже русским пограничным жителям вывезти хлеб, купленный ими незадолго перед тем в Карсе. Войска, действовавшие в Персии, между тем все подходили и располагались по границам – частью в Армянской области, а частью в Самхетии, Бомбаке и Шурагеле. Одна Картли оставалась еще беззащитной. Сюда ожидали прибытия гренадерской бригады, но она позже всех выступила из Тавриза, и Паскевич беспокойно, по часам, рассчитывал время, когда могут подойти гренадеры.

До срока еще оставалось десять или двенадцать дней, как вдруг к Паскевичу явился комендант с докладом, что полки уже вступают в город. Великая энергия русского солдата сказалась в этом удивительном походе. Получив на пути приказание Паскевича идти в Тифлис, войска, ничего не знавшие о новой предстоящей войне, увидели в этом распоряжении простую заботливость начальства о размещении их на спокойных стоянках по своим штаб-квартирам. Никому не приходило в голову, что полки должны вернуть домой только затем, чтобы переменить одежду, забрать патроны и, с одних полей битв – битв с мало воинственными, нестойкими персиянами – перейти на другой театр действий, где ждала их борьба с народом многочисленным, храбрым и стойким. Под самым приятным впечатлением, в ожидании близкого отдыха, солдаты и офицеры только и думали поскорее добраться до места. От Асландуза полки шли отдельно, не имея общего начальника, даже полковые командиры их, вызванные в Тифлис, сдали команду старшим штаб-офицерам.

И вот, стараясь перещеголять друг друга в скорости марша, полки пошли без маршрутов, измеряя переходы уже не верстами, а силой и выносливостью кавказского солдата. Стояла прекрасная весна; войска располагались ночевать под открытым небом, не теряя времени на расстановку и укладку палаток. Вместо десяти дневок они сделали четыре; два перехода соединяли в один и спали одним глазом, чтобы не прозевать раннего выступления соседей в поход. Двигаясь этим изумительным маршем, гренадерская бригада пришла в Тифлис двенадцатью днями раньше, чем ее ожидал Паскевич.

“Грузинский полк – рассказывает один участник похода – должен был по маршруту вступить в Тифлис днем ранее нашего Херсонского полка, но так как ночлеги полков были обыкновенно вблизи один от другого, то наш старый вояка Гофман, дравшийся еще под Кремсом с французами, перехитрил своего товарища, ведшего грузинцев, и на последнем переходе обогнал его, чтобы, пораньше придя в Тифлис, выхлопотать дозволение пройти без церемонии прямо на Авлабар в казармы. Когда посланный за приказаниями офицер явился к коменданту, тот поехал вместе с ним к главнокомандующему. Паскевич был обрадован неожиданным приходом гренадер и приказал, чтобы оба полка вступили в город вместе

и остановились на базарной площади, а не перед домом главнокомандующего, как всегда бывало. Началась у нас страшная суматоха, так как велено было быть в мундирах, стали чиститься, подбеливать амуницию, зашивать прорехи, и в смущении мы ожидали гонки за свою некрасивую наружность. В двенадцать часов, когда мы явились на базарную площадь, залитую народом, и стали колоннами, мы с удивлением увидели митрополита с крестом и духовенство: вслед за тем приехал Паскевич; отслужили молебен; Паскевич объехал кругом колонны, в середину которых было припрятано все крепко обносившееся, изъявил войскам благодарность и велел идти с музыкою в казармы. А между тем лазутчики поскакали за границу и в горы с вестями о приходе солдат из Персии: “Там их и шайтан не побрал.” Тут только мы услышали, что Паскевич собирается идти под Ахалцихе”...

С ранним прибытием войск из Персии положение Паскевича значительно облегчалось. С другой стороны, самое направление его деятельности уже довольно точно определялось предписаниями из Петербурга. По общему плану войны, начертанному государем и сообщенному Паскевичу еще с первым курьером, встретившим его близ Эривани, перед войсками Кавказского корпуса лежали две задачи: 1) отвлечь турецкие силы с Дуная и 2) овладеть в азиатской Турции местами, необходимыми для округления и обеспечения русских границ. Для достижения этих целей полагалось достаточным покорить два пашалыка – Карсский и Ахалцихский – и взять две приморские крепости – Поти и Анапу. Дальнейшие предприятия, по крайней ограниченности средств, предполагались слишком обширными и даже “безнужными”.

Но в то время, как ставились перед Паскевичем эти задачи, для Петербурга еще не был решен вопрос о мире с Персией, и потому, естественно, должны были существовать и два плана для предстоящих действий.

В случае продолжения персидской войны, против турок, конечно, нельзя было употребить значительных сил, тем не менее государь требовал здесь действий наступательных, “ибо, – как писал граф Дибич Паскевичу – лучшее средство для обороны с малыми силами против азиатских народов, без сомнения, есть решительное на них нападение”. Исходя из этой точки зрения, государь полагал, что быстрое движение на Карс и взятие его обеспечит русские границы лучше, чем неподвижное выжидание самим нападений неприятеля. Что касается Персии, если бы она не согласилась на мир и по взятии Хоя, Мараги, Ардебилля, Астрабада, Гиляна и Мазендерана, то государь предписывал образовать из всех покоренных областей независимые ханства и ограничиться в них лишь строгой обороной. Вместе с тем, при первых известиях об открытии военных действий на Дунае, генерал Красовский с войсками, расположенными в Эриванской области, и с остальными полками двадцатой дивизии, которые должны были к тому времени уже вернуться из-за Аракса, быстро наступает на Карс, в то время как генерал-адъютант Синягин с войсками, находившимися в Грузии (третьи батальоны шести Кавказских полков), овладевает Ахалкалаками. По взятии этих двух крепостей, оба отряда соединяются под общей командой генерала Красовского и приступают к осаде Ахалциха.

На второй случай, то есть, если бы мир с Персией был заключен, главный штаб уведомил Паскевича, что умеренность предположений побуждает государя уменьшить состав Кавказского корпуса, и потому войска, прибывшие на Кавказ по случаю персидской войны – Сводный гвардейский полк, двадцатая пехотная и вторая уланская дивизии, вместе с шестью донскими казачьими полками, – должны быть немедленно возвращены в Россию. Впрочем, по выходе этих войск из Грузии, Паскевичу, в случае крайней необходимости, разрешалось задержать их на Кавказской линии в виде резерва и даже употребить для взятия Анапы.

Оба эти плана страдали тем, что основаны были, очевидно, на недостаточно верных сведениях о средствах, которыми могла располагать Порта в азиатской Турции, и потому на практике должны были встретить громадные затруднения. По счастью, первый план уни-

чтожался теперь сам собою. Но и относительно второго Паскевич спешил возразить, что за отправлением в Россию двадцатой пехотной дивизии, корпус его будет гораздо слабее числом, чем при Ермолове при самом открытии персидской кампании, тогда как теперь прибавились еще две новые области, которые для своей охраны потребуют не менее шести батальонов; что из уланской дивизии необходимо оставить хоть одну бригаду, так как Нижегородский полк не в состоянии выводить в строй более пятисот человек, и что, наконец, для овладения Анапой свободных войск решительно не имеется.

С тем же курьером, который привез ему известие о предстоящей войне и планы ее, Паскевич отправил свое донесение и в апреле, ранее, чем возвратились войска из Персии, получил на него ответ. Ему разрешалось оставить в составе Кавказского корпуса двадцатую пехотную дивизию, Навагинский же и гвардейский полки предписано немедленно возвратить – первый на линию, а второй – в европейскую Россию. В Россию же возвращалась и вторая уланская дивизия, выделив из своего состава один четырехэскадронный полк (по одному эскадрону от каждого полка), который и должен был поступить в состав действующего корпуса. Что же касается Анапы, то для взятия ее предназначалась особая бригада из войск, расположенных в России.

Таким образом в распоряжении Паскевича оставалось теперь за Кавказом всего пятьдесят один батальон пехоты, одиннадцать эскадронов кавалерии, семнадцать казачьих полков и сто сорок четыре орудия. Но большая часть их, именно: тридцать шесть батальонов, три эскадрона и десять казачьих полков, при восьмидесяти шести орудиям – оставалась или в персидских пределах, или занимала важнейшие пункты Закавказского края, а именно:

1) в Персии – в Хое и Урмии, – впредь до уплаты персиянами контрибуций, остался отряд генерал-майора Панкратова, пехотные полки; Кабардинский, Нашебургский и Козловский – всего шесть батальонов, два казачьих полка и шестнадцать орудий;

2) в Черноморском районе – в Абхазии, Гурии, Мингрелии и Имеретии, под начальством генерал-майора Гессе, – Мингрельский пехотный и сорок четвертый егерский полки в полном составе, один донской казачий полк и четырнадцать орудий;

3) на границе Картли и Ахалцихского пашалыка для прикрытия Боржомского ущелья стоял отряд генерал-майора Попова из двух батальонов Херсонских гренадер, казачьего полка и четырех орудий;

4) для содержания караулов в Тифлисе, для охраны штаб-квартир, путей сообщения и, наконец, Военно-Грузинской дороги оставлены были; шесть рот сорок первого егерского полка и по одному батальону от полков Херсонского гренадерского, Эриванского, Кабардинского и Тифлисского пехотного, три Донских казачьих полка и четыре орудия;

5) на Алазанской линии: батальон Грузинского полка, батальон Ширванцев, три эскадрона Нижегородских драгун (один из них запасный), три сотни Донских казаков и десять орудий;

6) в Эриванской области, под начальством генерал-майора князя Чавчавадзе, расположены были два батальона Севастопольского полка, шесть рот сорок первого егерского, один казачий полк и восемь орудий;

7) в Нахичевани, под командой генерал-майора Мерлини, – два батальона Тифлисского полка, при двух орудиях;

8) в бывших мусульманских ханствах – в Карабаге, Шеке, Ширвани и Талышах – два батальона Тенгинского полка, батальон Апшеронцев, батальон сорок второго егерского полка, морской Каспийский батальон, казачий полк и шестнадцать орудий;

9) в Дагестане: три батальона Куринского полка, два батальона Апшеронского, три сотни Донских казаков и двенадцать орудий.

Всего тридцать шесть батальонов, три эскадрона, десять казачьих полков и семьдесят шесть орудий.

Собственно же в наступательных действиях против турок могли принять участие только пятнадцать батальонов пехоты, восемь эскадронов кавалерии, семь казачьих полков и пятьдесят восемь орудий, не считая осадных. Боевая сила этого корпуса не превышала пятнадцати тысяч человек, но зато это были войска, испытанные в трудах и лишениях, покрытые славой недавних побед, предводимые вождем, одно имя которого устрашало врагов.

Располагая теперь армией, способной внести огонь и меч в неприятельскую землю, Паскевич прежде должен был позаботиться о материальных средствах для нее, и на этот предмет ушел весь май. Прикрыв, насколько было возможно, границы, он спешил воспользоваться бездействием турок, чтобы организовать продовольственную часть действующего корпуса. Персидская война показала на деле, как мало можно было надеяться на местные средства азиатских земель, а между тем трехлетняя кампания истощила почти все военные запасы Закавказья. Транспорты расстроились, магазины опустели. Хлеб пришлось закупать в Крыму или подвозить морем из Астрахани. Для доставки его к войскам законтрактовано было на первый раз пятьсот наемных арб и три тысячи выюков. Казенные транспорты Паскевич ограничил до минимума, а впоследствии и вовсе их уничтожил. Опыт указал ему, что наемные обозы несравненно удобнее и выгоднее, нежели казенные: они не требовали ни забот о фуражном довольствии, ни пополнения убыли, ни назначения в помощь к ним особым командам от полков, что при казенных перевозках являлось неизбежным. В персидскую войну расход нижних чинов на этот предмет простирался нередко до трех тысяч человек, что для корпуса, и без того малочисленного, составляло ущерб слишком важный. Правда, с первого взгляда могло показаться, что издержки на наемный транспорт, простиравшиеся в месяц до сорока тысяч рублей, слишком велики (за каждую арбу, запряженную парой волов, платили по сорок и даже пятьдесят рублей в месяц, а черводарам – по восемнадцать рублей за четыре выучные лошади, но зато эти транспорты подражались только на срок, держались от начала до конца кампании и распускались вместе с расположением войск на зимние квартиры.

В общем, казна, по точному исчислению Паскевича, выигрывала от этой меры ежегодно не менее полумиллиона рублей.

Разработке коммуникационных путей и устройству военных дорог, естественно, должно было предшествовать подробное определение того направления, по которому произойдут военные действия, и выбор того пункта, к которому должны сосредоточиваться войска и все их боевые и жизненные средства. На первый взгляд казалось, что выгоднее всего открыть кампанию походом на Ахалцихе. Действительно, быстрое покорение его дало бы весьма значительный перевес в начинавшейся войне по тому влиянию, которое имела эта сильная крепость на обширную часть азиатской Турции, населенной преимущественно воинственными племенами аджарцев и лазов. Но с другой стороны, если бы только русский корпус пошел на Ахалцихе турки, оставшиеся в Карсе, конечно, воспользовались бы слабой охраной границ на всем протяжении Карсского пашалыка, и прежде чем разбросанные на ней ничтожные русские отряды могли сосредоточиться, они стояли бы уже у ворот Тифлиса. Напротив, с движением на Карс, никакие покушения неприятеля со стороны Ахалцихе не представляли бы особых опасностей. Дикие Боржомские теснины не позволили бы туркам провести артиллерию, а без нее все дело с их стороны должно бы было ограничиться только набегами летучих отрядов. Да и в случае движения сюда большого турецкого корпуса, все усилия его сокрушились бы перед твердым отпором самого незначительного числа русского войска.

Такое положение Карса само указывало уже на важность его стратегического значения, тем более что с его падением Ахалцихе оказался бы отрезанным от главного центра страны – Арзерума, и операционный неприятельский базис был бы разорван. Русская армия становилась тогда в центре круга, откуда действия ее во все стороны были бы совершенно

свободны. Итак, в мае, когда вопрос о движении на Карс был решен окончательно, Гумры естественно должны были получить значение главного операционного пункта, на который опирались бы действующие войска и где сосредоточивались бы все жизненные и боевые припасы. Являлась необходимость поэтому обеспечить и сделать удобными пути сообщения этого пункта с Тифлисом. Главная, сколько-нибудь разработанная дорога пролегла через высокие горные хребты Акзабиюк и Безобдал. При движении в Персию войска уже испытывали всю трудность перевалов через эти возносящиеся до облаков громады, и потому Паскевич приказал сделать новую дорогу через Башкичет и Мокрые горы. И вот, в продолжение одного месяца, в стране, где еще лежали снега, через три высоких горных хребта, по которым до тех пор едва пролегли выючные тропы, и через болота, усеянные родниками, три батальона русских солдат проложили дорогу, устроили мосты, плотины и отводные каналы. По этому пути бесконечной вереницей тянулись в Гумры арбы и шли выючные караваны из отдаленного Зардоба, из Карабага, с Лорийской степи и, наконец, из самого Тифлиса. В то же время другие два батальона усиленно разрабатывали дорогу из Эривани, откуда ожидалось движение осадной артиллерии.

Турки знали об этих приготовлениях и только недоумевали, почему русские войска не переходят в наступление. Еще не готовый к войне, сераскир приказал Карскому паше отправить в Грузию особого чиновника под предлогом некоторых объяснений, а в сущности, выведать то, что делается в Тифлисе. В середине мая чиновник этот явился в Гумры, а оттуда его повезли окольными путями, по местам, где было больше собрано войска. В Тифлисе Паскевич приказал показать ему даже маневры. Учился лейб-гвардии Сводный полк и в заключение маневра бросился на штурм древнего Метехского замка. Быстрота, с которой солдаты взобрались на скалу, почти неприступную, поразила турецкого посланника, и у него вырвалось невольное восклицание: “Так они возьмут и Карс!” В Тифлисе его продержали несколько дней и отпустили с предварением о близком вступлении русских войск в азиатские владения Турции.

Действующий корпус уже собирался в Гумрах.

II. НАСТУПЛЕНИЕ НА КАРС

В конце мая 1828 года к селению Гумры, лежавшему на реке Арпачай в Шурагельской области, как к сборному пункту, со всех сторон сходились русские полки, назначавшиеся в состав действующего корпуса в азиатской Турции.

Еще недавно Гумры были довольно богатым городком, населенным полутысячью армянских и татарских семейств, из которых многие вели заграничную торговлю с Карсом. Вторжение Гассан-хана в самом начале персидской войны разом уничтожило все благосостояние. Татары ушли тогда к туркам в Парс, армяне – в Джелал-Оглы, и городок опустел. Русские войска не смогли защитить частное имущество – и оно сделалось добычей грабителей; самое селение превращено было в груды развалин. Грозное время, однако, миновало; Гумры начали кое-как восстанавливаться из развалин и были обнесены даже каменной стеною с бастионами. Но за стенами и бастионами оставались все те же следы опустошения, и в 1828 году лишь пятьдесят армянских семейств жили в возобновленном форштадте. Это было все население городка. Теперь обычная тишина его сменилась шумным движением, и полки приходили сюда за полками.

Девятого июня в Гумры прибыл Паскевич, сопровождаемый начальником своего штаба бароном Остен-Сакеном и обер-квартирмейстером корпуса полковником Вальховским. Войска встретили вождя с доверием и общим восторгом.

Несколько дней, проведенных Паскевичем в Гумрах, не были потеряны даром. Посланные за границу лазутчики возвратились с вестями, что все жители Карсского пашалыка обезоружены и что до самого Карса деревни оставлены жителями. Новости эти не представляли ничего хорошего. Действия в опустошенном краю должны были встретить неожиданно большие затруднения, и Паскевичу приходилось иметь дело прежде всего с самим населением. Чтобы поколебать неприязненность, внушенную народу турецким правительством, Паскевич прибег к своему обычному средству – прокламациям. “Ополчаясь за дело правое и вступая в землю вашу, – говорилось в них, – мы не нарушим спокойствие мирных поселян, не коснемся их собственности. Войска государя нашего будут сражаться только с теми, кто дерзнет им противиться. Пребывайте безбоязненно в домах ваших, и вы не почувствуете тяжести войны. Так поступали мы в побежденной Персии, и персияне с удивлением превозносят великодушные русских”.

В то же время глава магометанского духовенства в Закавказских провинциях Мир-Фетта-Сеид, бывший муджтехид Тавриза, обратился к жителям с воззванием религиозного характера. Он писал, что Бог устами пророка заповедал народу повиновение добродетели и могуществу, а действия императора русского есть благодать и милосердие. “Я служитель Бога, потомок святых имамов, спешу вразумить вас, – говорилось в одном из воззваний, – да не подвергнусь сам гневу Божьему! Принесите покорность Государю Великому, и тем, исполнив заповедь Корана, спасите себя от гибели”.

Между тем никаких точных сведений о неприятеле в руках Паскевича не было. Носились темные слухи, что где-то, за далеким Саганлугским хребтом, собираются турецкие силы, но все попытки разгадать план и намерения турецкого сераскира оставались тщетными. Эта таинственность заставляла Паскевича предполагать, что туркам, напротив, известно все, что делается в русском корпусе, и в одном из своих донесений он горько упрекает в этом “нескромность эчмиадзинского духовенства”. Это было, однако, едва ли справедливо; турки знали о русских еще менее, чем русские о турках. Паскевич, по крайней мере, мог быть уверен, что до самых стен Карса он не встретит турецкой армии; турки же не знали даже и того, что русские войска стоят в Гумрах и не сегодня-завтра двинутся к Карсу.

Действительное положение дел у неприятеля было следующее.

Высылая главные силы к Дунаю, султан еще в апреле предписал Галиб-паше со всей азиатской армией громить насколько возможно русские владения за Кавказом. В Арзеруме был собран по этому поводу большой военный совет, решивший сосредоточить к Карсу шестидесятитысячную армию, под начальством Киос Магомет-паши, и действовать оттуда по двум направлениям – через Эривань и Гумры. Паша ахалцихский в то же время должен был вторгнуться в Имеретию и, таким образом, концентрическим движением со всех сторон подойти к Тифлису. План этот немедленно был сообщен начальникам всех пограничных турецких крепостей, а в Грузию были посланы лазутчики из Ахалцихе, Карса и Арзерума. Но лазутчики доставили сераскиру совершенно ложные сведения; они, сами введенные в заблуждение слухами, говорили, что в русских владениях свирепствует голод, что войска расстроены персидской войною и сам главнокомандующий одержим тяжелой болезнью. Последнее из этих известий было справедливо, но только отчасти. Граф Паскевич действительно страдал тогда от простуды и ушиба ноги, но болезнь эта не внушала никаких серьезных опасений и не помешала ему 5 июня выехать из Тифлиса для командования армией.

А сераскир безусловно поверил обманчивым слухам. “Душа моя полна радости,— писал он уже в начале июня паше, начальствовавшему в Карсе,— враг наш, генерал Паскевич, на краю гроба. Да поразит его пророк холодом смерти и да померкнет счастливая звезда этого страшного гяура, в войне непобедимого. Теперь мы легче совершим предприятие наше; спешите сообщить мне о ваших действиях”. Карсский паша, между тем, имел в своих руках более точные сведения. Он знал, что от Тифлиса к Гумрам деятельно прокладывается большая дорога, что ежедневно по ней движутся полки, и справедливо заключал, что собственной резиденции его грозит большая опасность. Опровергая вымышленные лазутчиками показания, Эмин-паша настаивал на том, чтобы как можно поспешнее обратить все наличные силы для встречи и отпора Паскевича, и предлагал, со своей стороны, пока послать четырехтысячную конницу, под предводительством отважного карапаха Шерифаги, к Арпачаю. В случае наступления русских, конница эта должна была пропустить их мимо себя и, уклоняясь от боя, нападать в тыла у них на транспорты и парки. Это было, по мнению Эмин-паши, единственное средство задержать наступление русских и дать возможность Киос-паше подоспеть на выручку Карса.

Но пока турецкие курьеры скакали с депешами из Арзерума в Карс и обратно из Карса в Арзерум, русские войска уже перешли границу.

Войска выступили в поход 14 июня. С восходом солнца на возвышенном берегу Арпачая, там, где ныне стоит Александропольская крепость, выстроился весь действующий корпус. В восемь часов утра приехал Паскевич. В походной церкви Эриванского полка отслужено было напутственное молебствие, и войска, мимо Паскевича, тронулись к Арпачайской переправе. Казачья бригада Сергеева первая перешла заповедную речку и громким “ура!” приветствовала турецкую землю. За нею двинулись остальные полки.

Вся пехота действующего корпуса, под общим начальством генерал-лейтенанта князя Вадбольского, была разделена на три бригады.

В первой бригаде, генерала Муравьева (впоследствии Карский) были полки:

Эриванский карабинерный – 1393 человека

Грузинский гренадерский – 1118 человек.

При них, Кавказской гренадерской артиллерийской бригады:

Батарейная рота – 8 орудий

Вторая легкая рота – 6 орудий.

Вторая бригада Берхмана состояла из полков:

Крымского пехотного – 962 человека

Егерских: тридцать девятого – 801 человек

сорокового – 709 человек.

Здесь находились двадцатой артиллерийской бригады:

Батарейная рота – 6 орудий

Вторая легкая рота – 6 орудий.

В третьей бригаде, генерал-майора Коралькова;

Ширванский пехотный – 1337 человек

Сорок второй егерский – 1410 человек

Восьмой пионерный батальон – 741 человек.

При них, двадцать первой артиллерийской бригады:

Батарейная рота – 8 орудий

Горных орудий – 4

Всего было пятнадцать батальонов пехоты, восемь тысяч пятьсот шестьдесят человек и сорок полевых и горных орудий. Кавалерия, под начальством генерал-майора Гаевского, состояла из полков:

Нижегородского драгунского – 460 всадников

Сводного уланского – 675 всадников.

Казачи, под начальством своего походного атамана генерал-майора Леонова, также разделены были на три бригады.

Первая бригада, полковника Победнова:

Донские полки Иловайского – 112 коней

Извайлова – 319 коней

Вторая бригада полковника Сергеева:

Донские полки Леонова – 321 конь

Сергеева – 322 коня

Третья бригада, генерал-майора Завадовского:

Донской полк Карпова – 245 коней

Четвертый конный Черноморский – 313 коней

При кавалерии состояло:

Донская конно-артиллерийская

рота № 3 – 12 орудий

Конно-линейная казачья

полурота № 5 – 6 орудий.

Итого: кавалерии восемь полков, две тысячи семьсот шестьдесят семь коней и восемнадцать конных орудий. Сверх того, особо при главной квартире, находились:

Сборный линейный казачий полк 403 человека

Грузино-татарская конница – 176 человек.

Это были две новые части, производившие, по словам современника, необыкновенное впечатление богатством азиатской одежды, ловкостью всадников и подвижностью их коней.

Не все войска перешли границу, однако; 14 июня гренадерская бригада Муравьева еще осталась в Гумрах и должна была следовать вторым эшелоном вместе с осадной артиллерией, третий эшелон образовывали артиллерийские парки, двигавшиеся из Эривани под прикрытием Крымского полка и Черноморских казаков.

Таким образом, в первый момент туркам противопоставлялось только девять батальонов пехоты, всего до пяти тысяч штыков и до двух тысяч четырехсот всадников. Но эти войска были увенчаны свежими лаврами, и не было сомнения, что слава ожидала их впереди – у истоков Евфрата и на полях Анатолии, в местах, прославленных преданиями глубокой древности.

От Гумров до Карса, через селения Тихнис, Пелдырван и Мешко, считается шестьдесят пять верст. Дорога была отличная, и многочисленные обозы следовали, по словам Муравьева, “в порядке удивительном, превосходящем всякое ожидание”. Две тысячи арб,

две с половиной тысячи вьюков и целые табуны рогатого скота, скученные вместе, шли одной общей колонной, окруженные, как рамой, русскими войсками: впереди – конница, по сторонам – батальоны пехоты. Густая пыль, вздымаемая обозами, стояла на семиверстном пространстве неподвижным облаком и закрывала колонну. Издали казалось, что движется огромное войско.

Первый ночлег корпус имел около Тихниси, на полях, прославленных победою графа Гудовича 18 июня 1807 года. На следующий день, с утра, стали показываться неприятельские пикеты, быстро снимавшиеся при приближении русского авангарда. К вечеру войска переправились через Карс-Чай у Джемушлинского брода и ночевали у Пелдырвана, на знаменитом впоследствии Кюрюк-Даринском поле. Здесь к корпусу присоединился и Муравьев с гренадерской бригадой, а вместе с ним прибыли двенадцать осадных орудий. Семнадцатого числа корпус перешел в Мешко.

С горы, лежавшей в двух или трех верстах от русского лагеря и занятой передовыми казачьими пикетами, уже вдали был виден Карс. По прямому направлению до него было верст пятнадцать или шестнадцать. И здесь-то суждено было раздаться первым выстрелам и пролиться первой крови в начинающуюся войну. Когда уже смеркалось, по линии аванпостов вдруг загорелась перестрелка. В лагере ударили тревогу, и весь корпус стал в ружье. Но дело скоро объяснилось. Человек тридцать конных турок, выехавших из Карса, внезапно бросились на казачий пикет – один казак был мгновенно изрублен, другой схвачен в плен. Ни один из соседних пикетов не успел дать вовремя помощь атакованным, и турки безнаказанно ускакали обратно в крепость.

Отважность этой конницы, решившейся на большое расстояние удалиться от крепости, подтверждала полученные сведения, что гарнизон Карса многочислен и составлен из хороших войск, да сверх того с часу на час туда могли подойти турецкая армия из Арзерума и лазы из Ахалцихе. Было известно, что в самый день выступления русских из Гумров, карсский паша, видя близкую опасность, отправил несколько гонцов к Киос Магомет-паше с просьбой о помощи. Турецкий главнокомандующий стоял в то время по ту сторону Саганлугских гор, ожидая последних подкреплений и транспортов со снарядами. Он не был еще готов к движению и не спешил, рассчитывая через несколько дней всеми своими силами атаковать русских одновременно с карсским гарнизоном, который выйдет в поле. Киос Магомет известил Эмин-пашу, что будет под Карсом 23 июня, и, между прочим, писал: “Войска твои храбры, Карс неодолим, русские малочисленны. Умей одушевить гарнизон. Мужайся, доколе я прибуду”. А сераскир, узнав об опасности, угрожавшей Карсу, тотчас послал ахалцихским лазам вторичное приказание спешить к нему со стороны Ардагана, а трапезундскому паше – сосредоточить сильные резервы на реке Чорохе. Но ни тот, ни другие не успели дать своевременной помощи, и когда через несколько дней Киос-паша, окончив свои распоряжения, двинулся наконец вперед, Карс уже был взят русскими.

Рекогносцировка, произведенная из селения Мешко, утвердила Паскевича в мысли, занимавшей еще в Гумрах, начать атаку Карса не со стороны Карадагских высот, а стать на его сообщениях с Арзерумом и, таким образом, отрезать всякую помощь, которую сераскир захотел бы дать осажденным.

С этой целью 18 числа действующий корпус сошел с большой дороги, идущей из Гумров, и двинулся влево по дуге в расстоянии восьми или девяти верст от крепости. Шел сильный дождь, дороги размылись, и движение колесных обозов сделалось весьма затруднительным. Вся русская конница, при которой находился сам Паскевич, двигалась ближе всех к крепости и одним поворотом направо могла изготавиться к бою, если бы турки сделали вылазку. Но неприятель только следил с высокой крепостной стены за движением русского войска по обширной открытой равнине, а нападать не осмеливался. “Переход сей,– говорил

Муравьев в своих записках, – был более похож на триумфальное шествие, в коем однако же колесницы заменялись грузинскими арбами”.

Уже вечерело, когда войска подошли наконец к Азаткеву и стали невдалеке от большой арзерумской дороги. В трех верстах отсюда лежало крепостное предместье, и в неясных очертаниях сгущавшихся сумерек виднелись грозные твердыни Карсской цитадели.

Еще на пути, подходя к Азаткеву, авангард имел незначительную стычку. Казаки, спустившиеся в овраг, внезапно наткнулись на турецких фуражиров и нескольких из них изрубили, а нескольких взяли в плен. Пленные эти объявили Паскевичу, что в Карсе с часу на час ожидают помощи из Арзерума и что жители решили защищаться вместе с войсками. Паскевич отправил их обратно в Карс и приказал Влангали, дипломатическому чиновнику, состоявшему при главной квартире, отправить вместе с ними особое письмо на имя Муфтия, главы карсского духовенства. “У стен ваших, – писал Влангали в этом письме, – стоит непобедимый вождь российский с непобедимым воинством, тот самый вождь, от могущественной руки которого пали твердыни Персии: Аббас-Абад, Сардарь-Абад, Эривань; по слову которого преклонили колени Тавриз, Хой, Урмия и Ардебиль. Сколь могуществен он во брани, столько же великодушен к покорным”.

Какое действие произвела прокламация, осталось неизвестным – ответа не последовало.

Наступило 19 июня. Рано утром, часов в шесть, войска поднялись из Азаткева и двинулись дальше. Вагенбург переходил на арзерумскую дорогу и, чтобы не ослаблять состава действующего корпуса, для прикрытия его отделены были от каждого пехотного полка по одной роте, по два орудия от батарейных рот и по пятьдесят всадников от каждого казачьего полка, что вместе составило полтора батальона пехоты, двести пятьдесят казаков и десять орудий – из них четыре конные. Остальные войска, под личным предводительством графа Паскевича, двигались к Карсу, чтобы произвести рекогносцировку, а если удастся выманить гарнизон в открытое поле – дать полевое сражение. Они шли в том самом боевом порядке, который Паскевич раз с таким успехом употребил уже под Елизаветполем: впереди – донской Сергеева полк с шестью конными орудиями, поддерживаемый пионерным батальоном; за ними наступала пехота в две линии: в первой – сороковой и сорок второй егерские полки, имея между собою двенадцать батарейных орудий, во второй – Ширванский полк и тридцать девятый егерский, в третьей линии шла вся кавалерия, имея при себе донскую батарею; резерв составляла гренадерская бригада.

С последней возвышенности, склонявшейся к крепости пологим скатом, туркам ясно обозначилась русская боевая линия. С кургана, где стоял главнокомандующий, видно было, как растворились крепостные ворота и неприятельская конница, выехавшая из них в числе четырех-пяти тысяч, стала на равнине, прорезанной болотистым ручьем, через который мост был заранее уничтожен. Когда пионерный батальон подошел к переправе, на том берегу ручья уже кипела перестрелка. Делибаши, последние остатки некогда страшной турецкой конницы, столкнулись с казаками Сергеева и потеснили их. Главнокомандующий, внимательно следивший за неприятелем, тотчас приказал своему конвою скакать на помощь. Линейный полк, грузины и татарская конница вовремя поддержали донцов; рассыпавшись в лаву, несмотря на свою малочисленность, они стойко держались на месте, не позволяя обойти себя с флангов. Линейцы перестреливались с чудесной кавказской джигитовкой. Но эти ученики суровых адыгов не любили долго жечь пороха там, где можно было покончить все одним решительным ударом. И вот, едва турецкая цепь, разгоряченная боем, отделилась от своих резервов, линейцы выхватили шашки и, с гиком ринувшись вперед, смешались с неприятелем. Минута – и делибаши, что значит обрекшие себя на смерть, скакали назад, ища уже не смерти, а спасения от нее в бегстве. Масса турецкой конницы двинулась к ним на выручку.

Между тем, построившись в боевой порядок, к месту боя подходила русская пехота. Перед ней обрисовался уже громадный вал, прикрывавший юго-восточное предместье Карса, которое пленные называли Байрам-Паша. Там еще продолжались работы городскими жителями; а на валу стояли войска, реяли знамена и группами разъезжали турецкие военачальники.

Как только пехота перешла ручей, с крепостных башен загремели орудия; русская артиллерия стала им отвечать. Колонны остановились. Два донские казачьи полка (Сергеева и Леонова), поддержанные Нижегородским полком, развернулись на правом, а три (бригада Победнова и казачий полк Карпова) – на левом фланге боевого порядка. Сводный уланский полк остался в резерве.

Масса развернувшейся русской кавалерии озадачила турок, но не надолго. Большая часть конницы их потянулась вправо, то есть к нашему левому флангу, а меньшая стремительно понеслась прямо на бригаду Сергеева, стараясь охватить ее с тыла.

Паскевич приказал казакам подаваться назад, чтобы заставить турок как можно дальше отойти от Карса, а между тем барону Остен-Сакену велено было взять из резерва Сводный уланский полк и отрезать неприятелю всякий путь к отступлению. В то же время пионерный батальон выдвинулся вперед почти к подошве Карадага, чтобы не допустить атакованную конницу укрыться в предместье Байрам-Паша.

Уланы только что размундштучили лошадей, готовясь навесить им торбы, как прискакал ординарец с приказанием идти на рысях к боевой линии. Мундштучить снова было некогда – и полк поскакал на трензельках... Турки заметили опасность и повернули назад, но было уже поздно. Стройно, как на ученье, развернув свои эскадроны, несся Сводный уланский полк, шумя флюгерами наклоненных пик, и под огнем крепостных орудий ударил во фланг неприятелю; казаки Сергеева рубили его с тыла; линейцы, с подполковником Верзил иным, и грузины, с князем Бековичем-Черкасским, прискакавшие сюда с левого фланга, отрезали его от Карса. Вся неприятельская линия, сбитая со своего направления, кинулась вправо, прямо под огонь пионерного батальона, и, не имея другого выхода, она проскакала вдоль фронта, преследуемая конницей, поражаемая градом пуль и картечью. Сколько неприятель потерял в этом месте убитыми и ранеными – неизвестно; наша конница привела сорок пленных и между ними нескольких офицеров. Полагают, что барон Остен-Сакен слишком поспешил выдвинуть улан, если бы он выдержал и позволил туркам еще более скакать за казаками, то неприятель был бы отрезан от Карса уже не горстью линейцев, а целым уланским полком, и поражение его было бы еще значительнее. Преследование продолжалось почти до самых стен городского предместья. “Размундштученные лошади улан, – рассказывает Остен-Сакен, – не слушали трензелей, и полк рассыпался. Я приказал трубить сбор, но уланы не скоро справились со своими лошадьми, и блистательный удар мог бы обратиться во вред нам, если бы турки не потеряли голову”.

Действительно, вместо того, чтобы непосредственно помочь бегущим, турецкие резервы устремили все свои силы на левый фланг русской позиции. Там стоял генерал Завадовский с тремя донскими полками. Старый запорожский казак, всю свою жизнь проводивший в боях, он сразу искусным маневром навел турецкую конницу на огонь казацкой артиллерии и, после картечного залпа, ударил в пики... Поражение турок на левом фланге вышло еще сильнее, нежели на правом.

Сражаясь на глазах целого корпуса, русская конница покрыла себя в этот день славой: в подвижности она не уступала турецкой, а в решимости к удару холодным оружием превосходила ее. Не участвовали в бою одни Нижегородские драгуны – гроза персидских наездников; Паскевич берег их для решительной минуты, и они до конца простояли в резерве. Сводный уланский полк, под командой полковника Анрепа, в первый раз бывший в деле,

дрался с замечательной храбростью. Успех поднял дух полка, и во все время войны он сражался уже всегда с блестящим успехом.

Пехота вовсе не принимала участия в деле и, составив ружья в козлы, спокойно отдыхала, в ожидании приказа идти вперед. Сам Паскевич находился во время боя в первой линии и завтракал, как говорит Муравьев, под неприятельскими выстрелами. С турецких башен долго еще и после сражения гремели выстрелы, но русская артиллерия мало-помалу замолкла. Начальник артиллерии генерал Гилленшмит, проезжая по линии, приказывал батареям прекращать огонь. Паскевич вспылил и сделал ему резкий выговор, напомнив, что в присутствии главнокомандующего никто распоряжаться не может. Пальбу опять начали. Но Гилленшмит, «не выходя из границ уважения», начал доказывать, что снарядов мало и что их нужно беречь для более важного случая. Паскевич наконец согласился, и артиллерийский огонь с русской стороны был прекращен.

“Удивительно,— говорит Муравьев, хорошо знавший Паскевича,— что случай сей не имел никакого влияния на службу Гилленшмита, и он успел удержаться в хороших отношениях с нашим начальником”.

Впрочем, отзывы Муравьева относительно Паскевича вообще слишком резки, если не сказать пристрастны. Описывая дело 19 июня, он склонен относиться отрицательно ко всем его распоряжениям. “С каким намерением,— говорит он,— было предпринято это общее движение, я не понимаю. Крепость мы разом взять не могли; на полевое сражение не могло быть надежды; для рекогносцировки не нужно было выводить весь корпус, дабы прикрыть движение обозов, достаточно было части войск, тогда как другая могла бы идти и занять новый лагерь. Поэтому,— продолжает он,— движение сие предпринято было без всякой цели, как и многие подобные движения Паскевича... По крайней мере из этой рекогносцировки мы больше ничего не узнали, как то, что в крепости находится достаточное число орудий, но мы никак не выбрали и не утвердили места, с которого нам надо было начать осаду, ибо на сие, как кажется, было обращено малое внимание”.

Но если и признать, что в словах Муравьева есть доля правды, то, во всяком случае, нельзя отвергать, что день этот имел огромное влияние на дух карсского гарнизона, который с тех пор так и не мог оправиться. Из города поражение турецкой конницы было видно, как на ладони, и, смотря на гибель своей кавалерии, замечая в то же время спокойную уверенность отдохнувшей русской пехоты, турки должны были испытывать угнетающее чувство.

Еще большее впечатление день 19 июня произвел на умы окрестных армян. Согнанные турками с родных пепелищ в начале войны, напуганные слухами о многочисленности турок, они ожидали неминуемой гибели русских войск, едва последние подойдут под стены турецкой твердыни. И вот, когда разнеслась молва о разгроме турецкой конницы под самыми стенами Карса, настроение жителей мгновенно переменялось. 20 числа уже явились к Паскевичу армянские старшины с просьбой о позволении вернуться им в покинутые деревни. Их обласкали и даже навстречу возвращавшимся армянам отправили часть русского войска, которая должна была прикрыть их движение. Тогда возвратилось до семисот пятидесяти армянских семейств, и пустынный край стал оживляться.

“По отношению к русской пехоте,— замечает историк этой войны Ушаков,— сражение 19 числа замечательно было также тем, что она впервые шла против турок, построенная в колонны. Румянцев, как известно, первый отбросил рогатки и начал строить войска в каре, чтобы доставить им большую подвижность. Паскевич, еще во время персидской войны, отбросил каре и первый решился заменить их колоннами. Теперь эту же тактику, испытанную им в боях с азиатами, он перенес и на турок¹.

¹ “Граф Каменский в 1810 году под Шумлой и Батином также употребил колонны, но это не было постоянной системой, но и тот же Каменский в других случаях сражался кареями.

Потери русской кавалерии в бою 19 июня были ничтожны: убито двенадцать и ранено до сорока человек, в последнем числе – три офицера.

В то время, когда совершались рассказанные события, пришло известие, что вагенбург уже подходит к селению Кичик-Кев, куда должен был прибыть на ночлег и весь действующий корпус. Главнокомандующий тотчас отрядил в ту сторону полковника Ренненкампа с батальоном егерей сорокового полка, с казачьим полком Карпова и двумя горными орудиями. Ренненкампу приказано было занять место для лагеря и укрепиться на высотах противоположного берега Карс-Чая. На марше Ренненкамф был также атакован кавалерией, но нескольких выстрелов из горного единорога было достаточно, чтобы очистить путь, и вагенбург под его прикрытием благополучно прибыл на место в первом часу пополудни. Пока устраивали лагерь, две роты сорокового полка перешли Карс-Чай и, утвердившись на заречной высоте, короновали ее небольшим редутом на четыре орудия. Вылазка из крепости, с целью воспрепятствовать этим работам, была отражена огнем двух горных единорогов и батареей, стрелявшей из лагеря.

В пять часов пополудни, когда лагерь уже был устроен, весь корпус, оставив на позиции только гренадерскую бригаду Муравьева, отошел к Кичик-Кеву. Муравьев простоял перед крепостью до самого вечера – и до самого вечера продолжалась редкая неприятельская пальба. Наконец отступил и Муравьев; неприятель его не преследовал.

На следующий день, в восемь часов утра, люди всех полков, стоявших в лагере, вызваны были на линию. Граф Паскевич верхом объезжал войска приветствовать храбрых своих сподвижников с первой победой, предтечей будущих славных подвигов, и особенно благодарил кавалерию за молодецкое дело. Он слышал общую радость, видел порывы к новым трудам, видел доверие к самому себе, а с этим доверием кавказского солдата не трудно было решиться на осаду и штурм неприступного Карса.

III. ТРЕХДНЕВНАЯ ОСАДА КАРСА

Деревня Кичик-Кев, около которой 19 июня 1828 года расположилась русская действующая армия, стояла на правом берегу Карс-Чая. Давно покинутая жителями, деревня представляла собою грудку жалких развалин, лепившихся по небольшим высотам, омываемым в этом месте рекою.

Карс-чай поворачивает отсюда к северо-востоку и, пройдя таким образом две-три версты, образует прихотливый изгиб и затем снова зигзагами устремляется к северу. По обеим сторонам изгиба и лежала крепость Карс с ее предместьями. Теперешние укрепления Карса с его передовыми далеко выдвинутыми фортами занимают сравнительно огромную площадь, в самом центре которой помещаются старая крепость и ее форштадты, а окраины обнимают собою все те места, которыми могли свободно воспользоваться войска Паскевича. Но и в 1828 году, при тогдашнем артиллерийском и ружейном огне, крепость эта представляла твердыню первоклассную.

Отроги Саганлугского хребта, прихотливо перевиваясь между собою, плотно подступают по левому берегу реки с севера и северо-запада к самому Карсу, образуя ряд кряжей и плато с заметными на них вершинами. Это так называемые Чахмахские и Шорахские высоты. С южной и восточной стороны Карс более открыт, так как высоты здесь несколько отодвигаются. Сильный по своей природе, Карс еще был усилен рядом искусственных фортов и укреплений, то примыкавших к городу, то отступавших от него.

Собственно крепость представляла неправильный четырехугольник, обнесенный высокими двойными стенами, которые фланкировались множеством выдающихся башен, приспособленных к обстреливанию дальним огнем всей лежащей впереди них местности. Самые стены, доходившие от двух до четырех саженей высоты, были сложены из огромных каменных плит и увенчаны зубцами, между которыми располагались орудия.

Внутри крепости, в северо-западном углу ее, на высокой скале Карын-Кала, возвышалась неприступная цитадель, унизанная в три яруса пушками. Она состояла из трех совершенно отдельных частей, спускавшихся тремя уступами к городу, имела все строения каменные, покрытые накатником и землей, и, по силе своей обороны, являлась пунктом поистине неприступным. Подступы к цитадели были возможны только с востока и юга, то есть со стороны самого города; с севера же и запада скалистый обрыв реки устраняет всякую мысль о возможности подъема. Карс-Чай протекает здесь, вдоль всей северной стороны крепости, среди скал, на глубине сорока и более саженей, и эта расселина обрамлена почти отвесными берегами. Для добывания воды из этой пропасти цитадель имела к Карс-Чаю крытый ход под каменными сводами, с крутой лестницей в триста ступеней, настолько узкой, что два встретившиеся на ней человека с трудом могли разойтись. Вверху этот ход запирался железной подъемной дверью, ключи от которой в военное время хранились у коменданта.

С трех сторон к крепостным стенам примыкали три большие форштадта. К югу, к стороне русского лагеря, простиралось обширное главное предместье, Орта-Кени, защищенное, помимо каменной стены, двумя бастионами, из которых один, Юсуф-паша, сильно укрепленный, расположен был на юго-восточном выдающемся углу форштадта.

К востоку тянулось другое предместье, Байрам-паша, доходившее уже до самой горы Карадага, на вершине которой стоял сильный редут на четырнадцать орудий, обстреливавших подступы к крепости. Редут носил имя также Карадагского и состоял из двух деревянных срубов, наполненных внутри землей и камнями. Не лишнее сказать, что название горы Карадаг приписывают имени какого-то святого, бывшего знаменосцем у магометан, его гробница сохранилась поныне на самой вершине ее, там, где в позднейшее время у турок стояла батарея Зиарет, что, собственно, и значит “место поклонения”.

Той грозной линии укреплений, которая впоследствии, начинаясь у Зиарета, оканчивалась с одной стороны знаменитой Араб-Табией, упиравшейся в крутой обрыв правого берега Карс-Чая, а с другой соединяла Карадаг с самой крепостью, тогда еще не было. От Карадагского редута тянулась на запад, по направлению к обрыву, лишь небольшая стена, сложенная также из деревянных срубов и имевшая не более двухсот шестидесяти пяти сажений протяжения.

Между предместьями Орта-Кени и Байрам-Паша простирался пустырь, прямым углом вдававшийся в город и обнаруживавший юго-восточный угол самой крепости. Но все это пространство, занятое по бокам кладбищами, представляло собою болото, находящееся под перекрестным огнем, делавшим подступ с этой стороны почти немислимым. Тем не менее, довершая треугольник, по гипотенузе его, тянулся земляной вал, связывавший между собою оба эти предместья.

Наконец, на западе, на левом берегу Карс-Чая, лежало предместье армянское. Эти заречные жилища, неширокой полосой разбросанные по утесистым возвышениям, защищались отдельными каменными стенками с бойницами. Древний замок Темир-Паша, лежавший впереди форштадта, против его середины, составлял главнейшую опору заречных укреплений, командуя не только всеми предместьями, но даже и южной стеной крепости. Перед армянским форштадтом, на полугоре, простиралось большое турецкое кладбище.

Далее к югу, как бы продолжая укрепления армянского предместья, между этим последним и кладбищем расположился турецкий укрепленный лагерь, поставленный, однако, уже после занятия русским корпусом позиции у Кичик-Кева. А к северу, на утесистых высотах, там, где впоследствии возник грозный форт Лек, и начиналась так называемая английская линия устроены были каменные шанцы. Все эти укрепления, в их общей связи, представляли для нападающих неимоверные трудности.

Стратегическое значение Карса понимали уже самые древние его обитатели, и, чтобы удержать его за собой, здесь отчаянно боролись разнообразные народности. Самое первоначальное название города – Карас-Калак, Город дверей – указывает на значение, какое он имел в эпоху чужеземных нашествий на Грузию и Армению. Некогда, во времена династии Багратидов, Карс был столицей армянского царства; потом, переходя то к персам, то к византийцам, то к туркам-сельджукам, он окончательно остался во власти последних, и нынешняя крепость построена была султаном Амуратом III, с именем которого связаны в Азии все памятники военного могущества турок. Грозные твердыни Карса устояли под ударами великого завоевателя Надир-шаха, который, разбив под стенами его стотысячную турецкую армию, бесполезно истощал усилия для покорения крепости. Еще доселе на высотах перед городом видны следы укреплений, прикрывавших некогда грозный стан персиян, которые, после неудачной четырехмесячной осады, вынуждены были, наконец, отступить.

Таковы были твердыни, перед которыми стояло теперь русское войско. Имея перед собою с одной стороны крепость, Паскевич должен был ожидать с другой нападения армии Киос Магомет-паши. Лазутчики один за другим являлись к нему с вестями, что двадцатитысячная турецкая армия вышла из Арзерума и с часу на час может появиться из-за Саганлугских гор. Необходимо было поставить действующий корпус так, чтобы сделать его способным ответить на нападение с двух фронтов.

Положение при Кичик-Кеве представляло для этого большие выгоды. Несколько южнее деревни, но совсем близко, пролегла дорога из Арзерума, тянувшаяся широкой лентой из-за реки; главный пункт переправы – прочный каменный мост, замечательный своей глубокой древностью, видевший, по преданиям знаменитое отступление Ксенофонта с десятью тысячами греков, – лежал в каких-нибудь ста пятидесяти саженьях от русского лагеря. Отсюда превосходно обстреливалась и другая дорога, проложенная как раз по ту сторону речки, по которой также можно было проникнуть в Карс.

Вот в этом-то месте и расположился весь русский лагерь в одно большое каре, задний фас которого, образуемый полками гренадерской бригады, примыкал к самой реке и был обращен тылом к крепости, а лицом к Арзеруму. В середине стояла корпусная квартира и располагалась кавалерия. Осадные орудия, транспорты, парки и маркитанты со своими духанами поставлены были несколько поодаль. Небольшой редут, переброшенный на ту сторону речки и наскоро сложенный из дикого камня, прикрывал левый фланг русской позиции; тыл ее был обеспечен рекою, на правом фланге также возводился редут, а фронт был прикрыт четырьмя люнетами. Возвышенный, оканчивавшийся скалистым обрывом берег Карс-Чая открывал далекую перспективу к стороне Саганлугских гор и давал возможность издали видеть приближение турецкой силы, а в то же время он мог служить и прекрасной оборонительной позицией в случае, если бы боевой фронт пришлось обратить в ту сторону. В таком расположении можно было не только встретить, но и отразить с успехом нападение Киос-паши, не снимая осады.

Муравьев справедливо замечает в своих записках, что помощь со стороны сераскира могла бы подойти иными, окольными дорогами; но и он не отвергает того подавляющего нравственного влияния, которое должно было иметь на дух гарнизона это смелое движение русского корпуса, ставшего на главных сообщениях крепости с целью лишить Карс свободного прилива свежих подкреплений из Арзерума.

Положение русского лагеря было весьма удобно и по отношению к самому Карсу. Насколько было известно, по собранным сведениям, осаду крепости можно было вести только с одной юго-западной стороны ее, так как к югу от крепости, по всему протяжению правого берега Карс-Чая, стлалась открытая, низменная равнина, находившаяся под тройным перекрестным огнем турецкой артиллерии, а значительные болота между предместьями Орта-Кепи и Байрам-Паша, неприступный Карадаг и, наконец, высокие утесы реки, огибающей цитадель, представляли неодолимые препятствия для осадных работ с востока и севера. По ту же сторону Карс-Чая, против западного фаса крепости, одни выше других тянулись горные высоты, командовавшие не только окрестностями, но и самим городом; осадные батареи, поставленные на этих высотах, могли свободно афилировать все укрепления Карса, а волнистая местность позволяла осаждающим приблизиться к ним на самое короткое расстояние. Неприятель сознавал слабую сторону своей обороны и потому-то, как только русский корпус занял позицию у Кичик-Кева, он, на левом берегу Карс-Чая, впереди Армянского предместья, поставил свой укрепленный лагерь.

Весь вечер, 19 июня, с крепости продолжалась пальба. На темных стенах ее то и дело вспыхивали огни, сопровождаемые громом пушечных выстрелов. Турецкие орудия, благодаря чрезмерной длине своей, били далеко, и ядра их, как свидетельствует Муравьев, долетали даже до русского лагеря. Но на них мало обращали внимания: все хорошо понимали, что после поражения, понесенного турецкой конницей, неприятель не отважится на ночную вылазку. Ночь, действительно, прошла спокойно.

20 июня, едва забрезжил свет, весь сорок второй егерский полк выступил к селению Мешко, лежащему по дороге в Гумры, откуда ожидали прибытия последних транспортов, следовавших под прикрытием Крымского полка и Черноморских казаков. В Мешко егеря ночевали, а на следующий день, 21 числа, уже в составе целой бригады благополучно провели обозы мимо самой крепости. Впрочем, туркам уже было не до мелких нападений на русские транспорты, начиналась осада крепости.

20 июня, с самого утра в лагере кипела необычная деятельность: осадную артиллерию ставили на лафеты; рабочие команды, посланные в парки, принимали лопаты, мотыги и кирки; войска готовились к походу. Предполагалось сделать усиленную рекогносцировку крепости с юго-западной стороны ее и окончательно выбрать места, с которых следовало начать осадные работы. А чтобы скрыть настоящее намерение и отвлечь внимание турок,

Паскевич решил сделать демонстрацию против северного фаса крепости. В два часа пополудни войска выступили под личным предводительством главнокомандующего. Нужно было ждать сильной вылазки со стороны турок, и потому Паскевич, зная, какое впечатление должна произвести на них первая встреча с русской пехотой, взял с собою лучшие боевые силы. Пошла гренадерская бригада с Ширванским пехотным полком, линейные казаки и Донской полк Карпова, столько раз уже отличавшийся в боях с персиянами. Невдалеке от лагеря отряд переправился на левый берег Карс-Чая по арбяному мосту и едва стал подниматься на высоты, где еще виднелись развалины старинных укреплений, оставшихся после Надир-шаха, как турки открыли по нем орудийный огонь из цитадели. Отряд остановился. Часть неприятельских конных стрелков, издали следившая за движением русских, тотчас была усилена турецкой пехотой, вышедшей из укрепленного лагеря; она засела на береговых утесах Карс-Чая и, наскоро устроив каменные шанцы, выслала вперед пешую цепь. Скоро на помощь к ней из города выступили еще один или два батальона, которые с распушенными знаменами прошли через Армянское предместье к тем же утесам. В передовой цепи завязалась слабая перестрелка. Паскевич, лежа на бурке, спокойно разговаривал с некоторыми генералами. Начальник штаба барон Остен-Сакен несколько раз подъезжал к нему, прося позволения подвинуть войска вперед, чтобы заставить неприятеля выйти из шанцев и разбить его в поле. Но Паскевич не соглашался; по-видимому, он вовсе не хотел завязывать серьезного дела и намеревался ограничиться на этот раз одной демонстрацией. Между тем приближался вечер; уже темнело; Сакен снова и настоятельно просил сделать по крайней мере обозрение крепости. Паскевич дал наконец разрешение, но с тем, чтобы не подвигать вперед пехоты. Сакен взял с собою несколько казаков и в сопровождении Муравьева, Вальховского и Ренненкампа выехал к турецким позициям. Турки встретили его выстрелами, и между конными патрулями их стали показываться пешие стрелки – турецкая цепь наступала. Сакен вернулся назад и доложил, что подъехать к крепости невозможно, не сбив наперед неприятельских застрельщиков. Тогда Паскевич решился выдвинуть вперед роту Эриванского полка, которой велено было оттеснить неприятеля. На пути лежал большой овраг, и едва эриванская цепь, под командой молодого прапорщика князя Эристова, спустилась вниз, как в то же мгновение была атакована турками. Штыковой удар неприятеля был так энергичен, что стрелки в беспорядке отступили, и турки почти по пятам их добежали до самой роты. Но испытанные в боях эриванцы не сдавались. Рота, под командой храброго своего командира штабс-капитана Музайко, дала залп – и неприятель был отброшен. Цепь заняла свое прежнее место. Очевидно было, что рота не могла прогнать неприятеля, а туркам необходимо было дать хороший урок, чтобы отучить их от подобных попыток, и потому Паскевич приказал овладеть утесом, на котором, в наскоро сложенных шанцах, уже собралось до двух тысяч турок. Посланы были еще две роты эриванцев, сотни линейных казаков и два казачьи орудия, под общей командой генерал-майора Муравьева.

Ознакомившись с местностью, Муравьев повел роту штабс-капитана Музайко в обход неприятельских шанцев, а обе прибывшие роты, под командой полковника Кошутина, приготовились по сигналу штурмовать укрепление с фронта. Ночь уже наступала, и с каждой минутой темнело все более. Едва началось обходное движение, как Муравьеву дали знать (известие впоследствии оказалось ложным) что на фланге его со стороны Арзерума показались передовые войска Киос Магомет-паши. Но Муравьев рассчитал, что укрепление может быть взято прежде, чем эти новые войска подспеют к бою, и только ускорил марш. Часов в девять вечера эриванцы обошли завалы, рота развернулась, и барабан ударил атаку. Сигнал услышали в отряде Кошутина, и войска с двух сторон двинулись на приступ. Сотня линейцев, спешившись, шла в передовой цепи; два орудия картечным огнем помогали штурмующим. Ночная темнота скрывала движение русских войск, и турки едва успели дать два-три неверные залпа, как Музайко со своей ротой взобрался на скалистый утес и сбросил их в лож-

бину. Шанцы, состоявшие из невысокой стенки, сложенной на самом краю обрыва, были взяты с потерей трех человек ранеными. Неприятель укрылся в башне Темир-Паша, защищавшей вход в Армянское предместье, и оттуда открыл огонь; но эриванцы залегли за стеной, и выстрелы не наносили им вреда. Муравьев, между тем, передав командование отрядом полковнику Фридериксу, отправился с докладом к Паскевичу, который все еще стоял на горе возле старых укреплений Надир-шаха.

Взятие шанцев было первым столкновением турецкой пехоты с русской, и главнокомандующий, естественно, интересовался мнением Муравьева о том, как сражаются турки. “Нельзя сказать, — отвечал ему Муравьев, — чтобы турки защищались стойко, но, во всяком случае они будут драться несравненно упорнее, чем персияне”.

Часов в одиннадцать ночи Паскевич возвратился в лагерь с линейным казачьим полком, а весь отряд, остался на левом берегу Карс-Чая, под общим начальством Муравьева, которому велено было приступить к осадным работам. Муравьев прежде всего пришел к убеждению, что удерживать за собою шанцы было невозможно, так как турки с рассветом, опомнившись, конечно сосредоточили бы сюда весь огонь крепостной артиллерии и выслали бы новые значительные силы. Приходилось довольствоваться приобретенным нравственным перевесом, и потому, как только забрезжил свет, Фридериксу послано было приказание отступить на прежнюю позицию. Неприятель по следам его опять занял шанцы и на этот раз укрепил их сильнее.

Пока бой на северных утесах привлекал внимание турок в ту сторону, пионерные офицеры подпоручик Богданович и прапорщик Пущин, по-прежнему остававшийся лицом приближенным к Паскевичу², выбрали место для заложения первой батареи. Эта батарея, приходившаяся как раз напротив правого фланга неприятельского укрепленного лагеря, собственно говоря, не была осадной, а имела назначением только покровительствовать будущим русским работам. Ширванский полк в ту же ночь приступил к постройке ее, и к свету 21 числа четыре батарейные орудия Кавказской артиллерийской бригады стояли уже на местах и открыли огонь. Но батарея оказалась построенной на слишком далеком расстоянии, и ядра ее едва-едва достигали неприятельского лагеря. Тогда Муравьев поставил на ближнюю высоту два легких казачьих, орудия, и их снаряды стали ложиться в турецких палатках. Шансы уравнились. Шесть турецких пушек, выдвинутых из лагеря, не могли состязаться с казачьим взводом, и огонь их мало-помалу умолк. Муравьев, свидетель этого артиллерийского боя, с особенной похвалой говорит о казачьем есауле Зубкове, командовавшем этим взводом. Нужно сказать, что вообще Кавказская артиллерия стяжала себе справедливую известность в персидскую войну; но пальму первенства перед всеми батареями, как говорит Муравьев, нужно было отдать конно-артиллерийской линейной казачьей роте, отличавшейся особым проворством и лучшими породами лошадей, которые были привычны к горам и не знали препятствий. Зубков к тому же был выдающийся офицер, постоянно отличавшийся во всю войну отважными и смелыми действиями, он всегда сам наводил орудия, не любил диоптров и заменял их своими двумя указательными пальцами, которые ставил на тарель орудия, и ядро, пущенное с его батареи, редко миновало цель.

До полудня 21 июня отряд Муравьева простоял на позиции. Изредка, когда он объезжал свою линию, турки, привыкшие отличать его по большому рыжему коню в серебряном уборе, открывали огонь и провожали картечью. То здесь, то там гремел одиночный пушечный выстрел, закипала внизу ружейная перестрелка и тотчас же смолкала. Обе стороны стояли в полной готовности, но не хотели бесцельно тратить ни людей, ни пороха. Только одиночные турецкие смельчаки, все в белом, спускались с крепостных высот в долину, против

² За оказанные услуги в персидскую войну Пущин (декабрист) был произведен из унтер-офицеров в прапорщики с оставлением в Кавказском пионерном батальоне.

цепи Грузинского полка, залегшей в камнях, и, махая саблями, вызывали солдат на единоборство; их осыпали пулями, и они, разразившись потоками брани, скрывались.

В полдень на смену Муравьеву пришла бригада генерала Берхмана, и гренадеры возвратились в лагерь. Там шли деятельные приготовления к осаде. Времени терять было невозможно, ежечасное ожидание Киос Магомет-паши побуждало спешить. И ожидание это было не напрасно: гром пушечных выстрелов, уже три дня наполнявший окрестности Карса, поселил повсюду грозные слухи, которые не могли миновать турецкого главнокомандующего и должны были побудить его торопиться с наступлением. Между тем из русского лагеря в течение двух дней производились непрерывные рекогносцировки. Паскевич лично указал места для заложения трех новых батарей. Из них вторая и третья, каждая на четыре батарейные орудия, возводились на левом берегу Карс-Чая, против фронта неприятельского лагеря; четвертая батарея, из двенадцати батарейных орудий и четырех двухпудовых мортир, должна была расположиться на высотах правого берега, против южного форштадта Орта-Кепи, таким образом, чтобы поочередно то анфилировать турецкий лагерь, то громить угловые Орта-Кепинские башни, то направлять огонь по крепостным строениям. Так должна была образоваться первая параллель, начальником которой назначен был полковник Бурцев, впоследствии тесно связавший свое имя со славой турецкой войны 1828-1829 годов.

Самую постройку батарей решено было произвести с 22 на 23 июня с тем, чтобы поутру при первой возможности овладеть под их прикрытием высотами укрепленного лагеря и заложить там рикошетную батарею. Так предполагали устроить вторую параллель, и день 25 июня уже назначен был в мыслях графа Паскевича днем штурма Карса. Это был день рождения императора Николая Павловича, и Паскевич, среди общего празднества России, желал поздравить государя с трофеями и завоеванием первого оплота азиатской Турции.

С вечера 22 июня войска распределены были по работам. Из числа батарей, главной, важнейшей по своему назначению, была четвертая батарея. Но так как на самом месте, где предполагали разбить ее, стоял неприятельский пост, то, чтобы скрыть от него намерение, до самых сумерек его не тревожили. Но едва стало темнеть, как пионерный прапорщик Пущин с десятью солдатами скрытно пробрался под береговыми утесами реки и внезапно очутился перед пикетом. Турки тотчас отступили без выстрела. Пущин прошел дальше и, пренебрегая опасностью, грозившей ему от рыскавших кругом турецких разъездов, не только осмотрел местность для батареи, но даже разбил ее колышками. Муравьев, бывший свидетелем этого подвига, представил Пущина к ордену св. Георгия 4-ой степени; но этот крест Пущину, как выслужившемуся декабристу, суждено было получить за свое отличие только почти тридцать лет спустя после описанного события.

Было лето 1857 года. Император Александр Николаевич находился в Киссингене. Однажды утром, сидя в тенистой аллее вместе с князем Горчаковым, государь заметил проходившего мимо человека преклонных лет, почтительно снявшего перед ним шляпу. На вопрос: “Кто это?” – Горчаков назвал Михаила Ивановича Пущина и рассказал государю грустную повесть его жизни. Некогда командир гвардейского конно-пионерного дивизиона и любимец великого князя Николая Павловича, он имел несчастье попасть в катастрофу 14 декабря. Пущин лично не участвовал в заговоре, но он не выдал никого из участников, которых знал лично, и был разжалован в солдаты. Выдающиеся способности его, беспредельная храбрость и честная служба в солдатской шинели скоро пробили ему дорогу и сделали его правой рукой Паскевича. Ряд подвигов в персидскую войну доставил Пущину офицерский чин, но не дал Георгиевского креста, который он неоднократно заслуживал своей храбростью. Много раз Паскевич представлял его к этому высокому знаку военного отличия, но император Николай Павлович всякий раз отклонял представление.

Выслушав рассказ Горчакова, государь с тем благодушием, которое так отличало его высокую царственную душу, принял живое участие в старике и повелел капитулу разыскать

дело о представлении Пущина к Георгию 4-й степени. Дело, пролежавшее тридцать лет под архивной пылью, было найдено, и Пушин получил давно заслуженную награду.

Но возвратимся к тому моменту, когда под руководством Пущина только что воздвигались еще осадные батареи против Карса.

Чтобы отвлечь внимание турок от осадных работ, кавалерийская бригада генерала Раевского в ту же ночь должна была произвести фальшивую атаку на Карадагские высоты; а батальон ширванцев, с полковником Бородиным, – на северо-западе, против тех неприятельских шанцев, которые 20 июня уже раз были взяты Муравьевым. Как обе эти колонны, так и гренадерская бригада, назначенная для постройки четвертой батареи, выступили из лагеря почти одновременно. Движение производилось с такой осторожностью, что Муравьев приказал даже снять белые чехлы с фуражек, чтобы не привлечь ими внимание турок. Скоро пушечный выстрел с Карадага дал знать, однако, что неприятель заметил Раевского. Встревоженный паша выслал навстречу ему часть своей кавалерии, которая скоро вернулась назад с известием, что русская конница идет мимо восточных укреплений, в обход Карадага, а пехота заходит в тыл цитадели. Не успели поставить гарнизон в ружье, как вдруг загремели русские барабаны, зазвучали трубы, заиграла музыка, отовсюду раздавалось “ура!”, скоро потонувшее в гуле пушечных и ружейных залпов. Через минуту все смолкло. Тогда загремел Карадаг, и пушечная пальба, направлявшаяся преимущественно на звук кавалерийских труб, не прекращалась до самого утра. Между тем гонцы прискакали с известием, что русские войска уже атакуют северную сторону крепости – это ширванцы, с полковником Бородиным, пошли на приступ к каменным шанцам. “Турки боялись вторично потерять этот важный пункт, и резервы их, поспешно двинутые из города, сделали сильную вылазку. Ширванцы остановились и медленно стали подаваться назад. Турки, воодушевленные мнимым успехом, быстро пошли вперед и вдруг попали под огонь искусно скрытой Бородиным батареи, почти в упор обдавшей их картечью. Внезапность эта заставила турок обратиться назад. Напрасно несколько раз после того они пытались перейти в наступление – ширванцы каждый раз подводили их под картечь орудий, непрерывно менявших позиции, и каждый раз турки отступали с громадным уроном. Канонада и беглый ружейный огонь не умолкали всю ночь.

А тем временем работы по возведению двух батарей на левом берегу Карс-Чая быстро подвигались вперед. На правом дела шли менее успешно; одно неожиданное обстоятельство значительно замедлило там постройку четвертой батареи. Случилось, что войска в темноте сбили колышки, поставленные Пущиным для обозначения различных частей батареи, и восстановить их опять ночью, чтобы дать правильное направление амбразурам, было делом весьма нелегким. Грунт к томи же оказался скалистым, а так как окрестности Карса на далекое пространство были совершенно безлесны, то и не из чего было вязать ни туров, ни фашии, и потому бруствер пришлось возвышать посредством мешков с землей, которую носили из ближних оврагов.

Стук инструментов между тем обратил внимание турок на работы четвертой батареи. С башен Орта-Кепи прогремело несколько ружейных выстрелов, две-три раза сыпнула оттуда картечь. К счастью, цепь, высланная вперед для прикрытия рабочих, залегла между камнями и не отвечала ни единым выстрелом. Турки убедились, по-видимому, что против них нет никого, и скоро успокоились.

В свету все батареи были готовы, и с восходом солнца двадцать шесть орудий могли открыть огонь по укрепленному лагерю. Это было только первым подготовительным шагом к страшному делу штурма первоклассной крепости. И никому не могло прийти в голову, что наступающий день будет днем падения Карса.

IV. ШТУРМ КАРСА

*Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя...*

Лермонтов

День 23 июня 1828 года занимает в истории русских подвигов совершенно особое место, выходящее из ряда даже необыкновенного и приближающееся к невероятному. Перед малочисленной армией, почти не руководимой определенными приказами вождя, а ведомой лишь исключительно силой духа, перед которой нет недостижимого, пала неприступная крепость, видевшая много раз грозных завоевателей у стен своих, но никогда – в стенах.

Трехдневная осада подготовила еще слишком незначительные средства для приступа, чтобы можно было рассчитывать на успех его. Четыре батареи против угла южного форштадта, прикрытого укрепленным вражеским лагерем, образуя лишь первую осадную параллель, не могли дать и мысли о возможности кровавого штурма... И распоряжений о нем не было. Но борьба, случайно загоревшаяся на незначительном пространстве, вовлекая постепенно все новые и новые части русской армии в битву, быстро принявшую колоссальные размеры, сломила всякое сопротивление турок, охваченных паникой перед нечеловеческим презрением к смерти, которым дышал каждый русский солдат. Не получая никаких указаний, отдельные полки, батальоны и роты, предводимые испытанными в боях начальниками, сами знали, что делать, и солдаты, умирая, желали только победы оставшимся в живых. И Карс, самые стены которого, казалось, были объаты ужасом, склонился перед победителями недостижимыми вершинами своих башен.

Вот как случилось это невероятное, славное дело падения Карса.

К утру 23 июня русские войска стояли под крепостью на следующих позициях.

С запада, на левом берегу Карс-Чая, на высотах против укрепленного турецкого лагеря и армянского предместья:

На батарее №1 – батальон тридцать девятого егерского полка,

На батарее №2 – Крымский пехотный полк,

На батарее №3 – сорок второй егерский полк.

Высоты напротив цитадели, где были неприятельские шанцы, занимал батальон ширванцев, производивший ночную атаку.

Все эти войска находились под общей командой генерал-майора Королькова, и тут же присутствовал начальник всей пехоты генерал-лейтенант князь Вадбольский.

На правом берегу Карс-Чая, под начальством генерал-майора Муравьева:

В резерве – Грузинский гренадерский полк,

На батарее №4 – Эриванский карабинерный полк,

Против Карадага – сводная кавалерийская бригада.

В общем резерве в лагере оставались весь сороковой егерский полк и по батальону от полков Ширванского и тридцать девятого егерского, при двадцать шести орудиях; эти войска сторожили арзерумскую дорогу, защищали лагерь и по первому требованию могли поддержать ту или другую часть осадного корпуса.

С первыми лучами восходящего солнца со всех русских батарей началась канонада по турецкому лагерю. Возвышенность перед армянским предместьем, где стояли палатки, моментально была засыпана гранатами, и лагерные батареи, взятые под перекрестный огонь, замолкли. В ответ на это сильнейший огонь со всех ярусов цитадели, из крепости и с башен

предместий обратился на главную четвертую батарею. Шестнадцать русских орудий с трудом могли отвечать на эту адскую канонаду. “Вряд ли мне случилось во всю мою службу быть в сильнейшем огне, чем в этот день,— говорил Муравьев, участник Бородина, Лейпцига и Парижа.— Продолжись такая пальба еще два часа, и батарея была бы скрыта до основания”. К счастью, обстоятельства внезапно переменились — в это самое время загорелось жаркое дело на левом берегу Кара-Чая.

Когда батареи турецкого лагеря замолкли, часть неприятельской пехоты спустилась с укрепленной высоты армянского форштадта, заняла кладбище, лежавшее на полугоре, и стала оттуда поражать на выбор русских солдат, занимавших траншеи. Командир четвертой роты тридцать девятого егерского полка поручил Лабинцев, стоявший в передовой цепи, решил без приказа двинуться вперед, чтобы выбить неприятеля из его укрытий на кладбище. Пули и картечь посыпались на егерей. Но Лабинцев задался мыслью во что бы то ни стало не только овладеть кладбищем, но даже батареей, венчавшей гребень возвышенности, и бросился на приступ. Турки почти в упор дали залп и, не успев вторично зарядить своих ружей, встретили нападавших штыками и ятаганами. Произошла рукопашная свалка. Новые толпы турок бешено принесли сюда из лагеря, и егеря, несмотря на всю свою храбрость, были отброшены. В эту опасную минуту Лабинцев не потерял присутствия духа: он снова сомкнул свою роту, воодушевил ее короткой речью и впереди всех опять бросился в сечу.

Из траншей между тем увидели опасное положение передовой цепи и послали помощь. Первыми подоспели на место свалки с третьей батареей три роты сорок второго егерского полка, с храбрейшим подполковником Миклашевским, и вместе с ротой Лабинцева ворвались на кладбище. Овладеть кладбищем было, однако, нелегко. Частые могильные камни и памятники давали неприятелю возможность держаться отчаянно, и каждый шаг надо было брать с боя, каждую могилу отнимать штыками. “Казалось,— говорит один очевидец,— турки, благоговей к памяти почивших, хотели охранить спокойствие гробов, и прах соотечественников воодушевлял их новой отвагой”.

Но и мужество русских солдат, предводимых Миклашевским и Лабинцевым, не имело пределов. Неприятель, наконец, был выбит с кладбища, и солдаты, преследуя бегущих, бросились вверх по горе, к укрепленному лагерю. Это был опасный шаг; положение становилось слишком серьезным. Напрасно некоторые офицеры хотели остановить порыв зарвавшихся храбрецов. “Стойте, братцы! Остановитесь! — кричали они.— Дальше не надо! Это только фальшивая атака!”

“Никак не возможно, ваше благородие,— отвечал на бегу один из солдат,— нам уже не впервой иметь дело с нехристом. Пока его по зубам не треснешь, он никак этой самой фальшивой атаки понять не может”.

Солдаты были страшно возбуждены; “Ура!” гремело. Рота Лабинцева и вторая рота сорок второго полка, капитана Черноглазова, наседа на бежавших турок, вместе с ними вскопили в укрепленный лагерь, и часть палаток, пять знамен и два орудия тотчас перешли в их руки. Лабинцев при этом был сильно контужен, Черноглазов получил три раны пулями в левый бок, в шею и грудь, все навывлет.

Таким образом занятие укрепленных высот, то, чего едва надеялись достигнуть в течение лишь нескольких дней, неожиданно осуществилось в два-три часа; теперь для всех стало ясно, что если передовой батальон будет поддержан, то внешние укрепления Карса могут быть взяты. Начальник пехоты князь Вадбольский тотчас решил воспользоваться внезапным оборотом сражения и быстро продолжать наступление, чтобы овладеть всем заречным Армянским форштадтом.

Князь Вадбольский был уже человек старый, добрый и очень любимый солдатами; он видел опасное положение Миклашевского, видел, что новые густые толпы пехоты идут

на него из прилежащих форштадтов, и приказал полковнику Реуту, известному защитнику Шуши, спешить на помощь с пятью остальными ротами егерей и удержать за собою отнятую у турок позицию.

Батальон Реута не мог, однако, подоспеть вовремя. Двигаясь вправо от третьей батареи, чтобы выйти во фланг неприятелю, ему пришлось с большими усилиями взбираться на громадный утес. А в это время неприятель в превосходных силах вышел уже из предместья и ударил по отбитому лагерю. “До двух тысяч турок, – рассказывает Муравьев, – с холодным оружием в руках и со страшным криком неслись на Миклашевского”. С главной батареи тотчас открыли по ним огонь через речку. Но картечь и гранаты не могли остановить удара. Зарвавшийся батальон мгновенно был опрокинут, и турки погнали его назад к кладбищу. Человек тридцать с самим Миклашевским были между тем отрезаны. Окруженные врагами, они прижались к скале и отбивались отчаянно. В то же время часть турок, кинувшаяся влево, атаковала и колонну Реута. Поднимаясь на утес, егеря не могли их встретить сомкнутым фронтом, и головной взвод сразу был опрокинут. Весь левый русский фланг пришел в замешательство. Тогда Вадбольский, по настоянию начальника траншей полковника Бурцева, быстро собрал остальные роты егерской бригады, еще стоявшие на батареях, и лично повел их в битву. Но он был еще на пути, а батальон Реута уже оправился и снова полез на скалы, где над головой его стоял разъяренный и победоносный враг. Еще минута – и егеря на самом краю утеса вступили в рукопашный бой.

Все перипетии кровавой борьбы были прекрасно видны с четвертой батареей. “Я был свидетелем боя, – рассказывает Муравьев, – уже давно вышедшего из обыкновения в войсках: люди смешались толпами, как рисуют их на картинах; наши солдаты кололи штыками, турки рубили саблями”.

В это самое время на главную батарею прискакал сам Паскевич, встревоженный сильной канонадой и боем, начавшимся без предварительных распоряжений и приказаний. Остановившись на левом фланге батареи, на самом открытом месте, где каменистая почва не позволяла возвысить бруствера, он ясно видел все, что делалось за рекою: и массы нападающих турок, и опрокинутый отряд Миклашевского, и отчаянный бой, шедший на скалах у Реута – всю эту поразительную картину беспощадной борьбы не на жизнь, а на смерть. Неприятельские снаряды осыпали главнокомандующего. Почти возле него ядро оторвало руку молодому офицеру Эриванского полка князю Ратиеву, многие из свиты его были убиты или ранены. Паскевич ни на что не обращал внимания; он сошел с коня и некоторое время, как говорит Муравьев, “оставался в положении человека, изумленного нечаянностью, не знающего, что предпринять, ожидающего чьего бы то ни было совета или предложения”. Муравьев подошел к нему. Паскевич вспыхнул и вместо благодарности, которую тот ожидал за то, что в течение четырех часов удерживал свою батарею под сильнейшим огнем целой крепости, разразился резкими и незаслуженными упреками; он говорил о каких-то интригах, грозил предать виновных суду... “Мне нечего было отвечать на это, – добавляет Муравьев, – ибо я знал только свою батарею и не имел никакого участия в молодецкой атаке, произведенной за рекой Вадбольским и Бурцевым. Я отошел в сторону”.

А положение дел становилось все более и более опасным. Нужно было решиться на что-нибудь, и решиться немедленно, так как поражение левого фланга могло стать губительным для всего малочисленного русского корпуса. Командир Грузинского полка граф Симонич, герой персидской войны, подошел к Паскевичу и просил позволения взять часть своего полка и идти на помощь Вадбольскому. Муравьев, со своей стороны поддержал это предложение. “Хорошо, но вы отвечаете за все головою”, – сказал Паскевич Муравьеву.

Три роты Грузинского полка, под личной командой Симонича, быстро спустились к реке, чтобы соединиться с егерями. Бой происходил всего в каких-нибудь двух или трех сотнях саженой от батареи, но егеря были отделены от нее непроходимой в этом месте рекою,

и Симонич, не найдя переправы, должен был повернуть на мост, чтобы выйти к заречному форштадту окольной и дальней дорогой. Гренадеры пошли форсированным маршем. Между тем обстоятельства на месте сражения быстро изменились на глазах самого Паскевича.

Рассказывают, что когда опрокинутый батальон Миклашевского бросился к кладбищу, перед бегущими солдатами внезапно появился священник Крымского пехотного полка Андрей Белицкий и преградил им дорогу. Он был в епитрахили и, высоко подняв над головою животворящий крест, крикнул громовым голосом: “Дети! Остановитесь! Неужели вы оставите здесь и меня и крест распятого Господа? Если мы не русские, не христиане – бегите. Я один сумею умереть за вас!” Солдаты остановились. Офицеры воспользовались этой минутой, привели их в порядок, повернули назад и бросились на турок. Через несколько минут Миклашевский, уже погибавший с горстью храбрых людей, был выручен.

Егеря соединились с колонной Реута, а тут подоспел и князь Вадбольский со своими резервами. Тогда на высотах, занятых укрепленным турецким лагерем, произошла последняя отчаянная схватка. Турки и русские смешались в одну общую массу. Камни, ружейный и пистолетный огонь, штыки, кинжалы и сабли – все было пущено в ход для взаимного поражения. Кровавая резня длилась с четверть часа. Необычайное мужество солдат и офицеров восторжествовало наконец над диким фанатизмом неприятеля: турки бросились бежать по направлению к форштадту, солдаты их преследовали. Кучи набросанных по дороге камней, новый ряд шанцев, новое кладбище, затем начинающиеся строения – все, на каждом шагу, давало туркам возможность обороняться; но им не давали времени опомниться. И Вадбольский на их плечах ворвался в Армянское предместье.

Полковник Бурцев с ротой тридцать девятого полка тотчас отделился от колонны и кинулся влево к северо-западной башне Темир-паша, которой принадлежала важнейшая роль в обороне заречного форштадта. Грозно возвышались ее каменные стены. Напрасно с самого утра громили их русские батареи – ядра отскакивали от них, как мячи, и множество их лежало кругом расколотыми. Самая башня, как сказано выше, командовала не только форштадтом, но превышала крепостные стены и даже равнялась с цитаделью, и взять ее было делом первостепенной важности. Встреченная почти в упор ружейным огнем, рота Бурцева ударила в штыки, ворвалась в башню и, после жестокого и короткого боя, овладела ею. Бурцев тотчас поставил на ней два орудия второй легкой роты двадцатой артиллерийской бригады и принялся картечью очищать улицы предместья.

Почти одновременно со взятием Темир-паши, начальник артиллерии генерал-майор Гилленшмит, двигавшийся с артиллерией по следам князя Вадбольского, занял покинутые высоты укрепленного турецкого лагеря и там, где впоследствии возникло укрепление Чим-Табия, поставил батарею из двух казачьих и четырех батарейных орудий кавказской гренадерской артиллерийской бригады. В то же время полковник Бородин, с ширванским батальоном, вытеснил неприятеля из каменных шанцев против цитадели и на высоком утесе устроил еще батарею на два орудия. Так, совершенно случайно, образовалась вторая параллель, и три батареи (Бурцева, Гилленшмита и Бородина), уже с самого близкого расстояния, принялись громить и цитадель и город, чтобы тем препятствовать движению резервов.

В Армянском предместье продолжалась, между тем, кровавая битва. Егеря теснили неприятеля из дома в дом, из улицы в улицу, обозначая свой путь вражьими трупами. Ни многочисленность, ни твердая защита не спасали турок; они потеряли девять знамен и вынуждены были наконец уступить предместье до самого верхнего моста. Поражение их при отступлении было так велико, что в одной из улиц неприятель, будучи схвачен на штыки с обеих сторон, совершенно загородил путь своими трупами. Но и русским недешево досталась эта кровавая схватка: только в одном этом месте было убито и ранено тринадцать офицеров.

Теснимый повсюду, неприятель занял наконец последний отдаленнейший квартал предместья, примыкавший уже к самой реке. Егеря, истощенные боем, вероятно, встретили бы здесь отчаянный, быть может, гибельный для себя отпор, и они остановились. Князь Вадбольский понял, что сделать более того, что было сделано в этот день, люди не могли: им не доставало физических сил, и нужен был хоть кратковременный отдых. С другой стороны, этим отдыхом могли воспользоваться турки, чтобы подвести резервы, и тогда переменчивый жребий сражения, пожалуй, мог бы опять перейти на их сторону.

К счастью, как раз в эту критическую минуту подоспели свежие силы.

Это был Крымский пехотный полк, выведенный из траншей, со второй батареи, генерал-майором Корольковым. Он занял те высоты, на которых стояли ширванцы, а ширванский батальон, оставив свою батарею под прикрытием крымцев, быстро спустился с высот к атакованному кварталу и встретился здесь с тремя грузинскими ротами, которые как раз в это время привел сюда граф Симонич. Два свежие батальона, сменив усталых егерей, единодушно, без предварительного соглашения, пошли на штурм и смелым натиском в штыки очистили последнюю часть заречного форштадта до самых берегов Карс-Чая. Теперь только одна глубокая трещина, на дне которой шумела река, отделяла войска от неприятельского города. К счастью, в этой части форштадта был прочный каменный мост. Ширванские стрелки быстро перебежали его и засели в обывательских домах, раскинутых по крутизнам при подошве самых стен цитадели и крепости. Под, их прикрытием весь батальон ширванцев перешел через мост, среди общего замешательства и ужаса турок; гренадеры и егеря проникли сюда же по двум другим мостам, которые турки также не успели уничтожить. Вся западная часть крепостной стены, со стороны арзерумской дороги, была теперь плотно обложена русскими войсками.

Внезапный поворот сражения на левом фланге, блистательные успехи Вадбольского, гром батарей, поселявший смятение в городе, наконец мужество, каким были проникнуты войска, – воодушевили и самого Паскевича. Минута взывала к дальнейшим предприятиям. Начальник штаба барон Остен-Сакен подъехал к главнокомандующему, предлагая ему продолжать сражение с тем, чтобы тотчас взять ближайшее, южное предместье Орт-Кепи, овладеть затем Карадагом и, таким образом, отнять у турок все внешние их укрепления.

Паскевич согласился.

С главной батареи тотчас выдвинут был батальон эриванцев и две роты Грузинского полка, под личным начальством барона Остен-Сакена. Под картечным огнем колонна эта дошла до предместья, защищенного с фронта двумя бастионами, вернее – башнями, соединенными между собой невысокой стенкой со рвом. Левый бастион моментально был взят подполковником Кошутиным, причем рота штабс-капитана Музайко овладела тремя турецкими пушками. Между тем часть Эриванского батальона, имея во главе самого командира полка барона Фридерикса, перебралась через стенку, на которой развевалось семь турецких знамен, и ворвалась в предместье. В штыковой схватке, последовавшей за этим, подпоручик Литвинов и прапорщик Давыдов взяли с боя каждый по знамени; вторая рота, с подпоручиком Еллисуйским, взяла их четыре; третья рота – одно. Вся передовая часть предместья была занята эриванцами. Держался еще только один правый бастион, носивший название Юсуф-Паша. Оттуда по штурмующим действовала картечью турецкая пушка и наносила им весьма ощутимый вред. Чтобы сломить сопротивление бастиона, барон Остен-Сакен приказал подвести две пушки, которые с самого близкого расстояния открыли по нему огонь. В то же время, заметив смятение в его гарнизоне, обер-квартирмейстер полковник Вольховский с двадцатью грузинцами бросился на приступ – и башня была взята с пушкой и двумя знаменами. Из пушки тотчас стали стрелять по городу.

Когда оба бастиона были уже в русских руках, двенадцать батарейных орудий, взятых по приказанию Паскевича с четвертой батареи, поставлены были правее Юсуф-Паши,

позади болота, и принялись обстреливать цитадель. Под их покровительством гренадеры совершенно очистили занятое предместье. Город в трех местах был зажжен гранатами; против дома паши взлетели на воздух три неприятельских зарядных ящика.

Очередь была за Карадагом.

Еще в то время, как в улицах Орт-Кепи кипела рукопашная схватка, Паскевич отправил на подкрепление Остен-Сакену три роты Эриванского полка, под личной командой генерала Муравьева. На главной батарее, где все еще был Паскевич, остались только четыре мортиры и под их прикрытием сводный батальон из трех рот Грузинского полка и одной Эриванской. Все остальные войска уже были введены в дело.

Муравьев подошел к Орт-Кепи в то время, когда бой в улицах уже затих. Тогда он, усиленный еще ротой грузинцев из отряда Остен-Сакена, немедленно повел свои войска в последнее восточное предместье Байрам-Паши, по занятии которого он должен был штурмовать Карадаг, где сгруппировались все выбитые с передовых позиций турецкие войска и строились новые батареи. Идти приходилось по открытому месту и под огнем всей крепостной артиллерии; к счастью, большинство снарядов переносилось через голову, не причиняя большого урона. Очевидно, турки подверглись тогда уже полной деморализации, и потому предместье Байрам-Паши, лежащее на полугоре, было занято без особого сопротивления. Муравьев оставил в нем одну карабинерную роту поручика Ляшевского, приказав ему удерживать предместье в случае вылазки из крепости, а с остальными ротами двинулся на Карадаг.

От самого предместья Байрам-Паши пришлось подниматься без всяких дорог, по крутым тропинкам, на высокую скалистую гору, увенчанную редутом. Войска двигались тем не менее с барабанным боем и грозным “ура”. Град неприятельских снарядов и пуль летел в них и с карадагского редута, и с ближних шанцев, и с крепостных бастioned. Но это были уже замиравшие отголоски карсского штурма. Смелое наступление Муравьева поразило турок, и грозная позиция была оставлена ими без боя. Турки бежали с такой поспешностью, что когда к редуту подошел батальон, на бруствере его еще развевалось покинутое знамя – оно было сорвано каким-то казаком, а четыре орудия, найденные в редуте, тотчас были обращены на крепость. Вбегая на редут, солдаты проходили через небольшой оставленный турками лагерь; палатки стояли на самой дороге, но ни один гренадер не заглянул в них поживиться добычей – так сильно было стремление солдат скорее захватить орудия и знамя. “Отличительная черта войск Кавказского корпуса, в коих славолубие превышает чувства корысти”, – замечает по этому поводу Муравьев.

Все передовые укрепления Карса теперь были взяты, и русские батареи громили уже крепость. Стрелки, скрывавшиеся в ближайших домах городских предместий, поддержанные общим движением колонн, смело устремились на крепость, пробрались по плоским кровлям зданий под самые стены и мгновенно охватили их с востока, юга и запада.

Наступила решительная минута.

Единодушно, как бы по данному сигналу, войска, не видевшие друг друга из-за большого расстояния, без всякого приказанья разом пошли на крепость. Их встретили беспорядочным пушечным и ружейным огнем, но это не могло уже вырвать победу у войск, воодушевление которых было доведено до величайшей степени. Один из эриванцев (со стороны Орт-Кепи), первый вскочивший на стену, был поражен смертельной пулей и, падая крикнул: “Прощайте, братцы! Да только город возьмите!” Два эриванские унтер-офицера, из роты поручика Ляшевского, первыми спрыгнувшие со стены, чтобы отбить восточные ворота, разом были убиты разорвавшейся над их головами русской же гранатой. Их сменили другие смельчаки – и ворота были отворены. То же происходило со стороны Армянского квартала, откуда врывались колонны Бородина, графа Симонича и князя Вадбольского. Повсюду, как оказалось после, повторялись одни и те же сцены. Армяне помогали русским солдатам

взбираться на стены, солдаты поодиночке спрыгивали вниз и бежали отворять ворота. Это был ряд истинных подвигов, и не один десяток отважных заплатил за них своей жизнью. Скоро все ближайшие бастионы и башни с двадцатью пятью орудиями были взяты, и вся крепость, за исключением только одной цитадели, перешла в руки русских. Все это сделалось так быстро, при таком поражающем единодушии войск, что турки потеряли голову и не понимали, что вокруг них происходит. Конница их бежала из города, паша с большей частью гарнизона заперся в цитадели; остальные войска и народ метались по городу, оглашая воздух криками и мольбой о пощаде.

Но вот на высоких стенах цитадели разом взвились два белые знамени – и все умолкло. Крепость сдавалась. Депутация, вышедшая к русским войскам, была отправлена к Паскевичу. Главнокомандующий тотчас распорядился прекратить огонь, и через полковника князя Бековича-Черкасского предъявил коменданту следующие условия: 1) паша признает себя военнопленным и 2) войска, укрывшиеся в цитадели, безотлагательно сложат оружие.

Чтобы ускорить развязку и вынудить пашу немедленно исполнить решительное требование, двадцать орудий, вызванные из Кичик-Кевского лагеря, были подняты на северо-восточные высоты, и русские батареи кольцом опоясали крепость. Полки, между тем, подвигались с разных сторон и с музыкой и песнями подходили к самым стенам цитадели. Рассказывают, что в середине города один из русских отрядов случайно встретился с тысячной турецкой конницей, которая стояла в тесных улицах шпалерами и, прижавшись к домам, беспрепятственно пропускала проходившие перед нею войска. С одной стороны – чувство страха, с другой – дисциплина удержали спокойствие, и русский отряд с торжествующим видом двигался мимо озадаченного врага к цитадели. Паша колебался, однако, принять тяжелые условия капитуляции и просил два часа отсрочки. Кадий и муфтий, два первенствующие лица карсского духовенства, отправились к Паскевичу на главную батарею и возвратились оттуда в сопровождении полковников Лемана и Лазарева, которые везли категорический ответ главнокомандующего: “Пощада повинным. Смерть непокорным. Час – на размышление”.

Проходили часы томительного ожидания, и русские войска теряли терпение. Несколько раз то опускался, то поднимался снова турецкий флаг на цитадели. Остен-Сакен, в сопровождении князя Бековича-Черкасского и нескольких офицеров, выехал в Эриванский полк. Штабс-капитан Потебня, офицер решительный, соскочил с коня и, подойдя к воротам цитадели, принялся стучать, требуя чтобы их отворили для “визиря русского сардаря”. Ворота отворили. Сакен, войдя в цитадель, отправился прямо к паше и нашел его в маленьком домике, окруженным первейшими сановниками города, которые и были главной причиной медленности переговоров. Собственно говоря, представители города были правы: цитадель, имея крытый ход к реке, достаточное количество запасов и множество орудий, могла еще продержаться долго, а между тем Киос Магомет-паша со своим двадцатитысячным корпусом уже находился всего в одном небольшом переходе от Карса. Русские разъезды действительно видели передовые турецкие партии в пяти или шести верстах от лагеря. Но те же самые обстоятельства побуждали и Паскевича к последним решительным и энергичным действиям.

Положение Сакена было чрезвычайно опасное, но он (как выражается Муравьев) имел душу не робкую и с победоносным видом потребовал капитуляции”. В то же время в русских войсках, скучавших от бездействия, поднялся шум. “Сдавайтесь же, а то полезем!” – кричали ширванцы. Угроза, поддержанная рядом сверкавших штыков и фитилями, курившимися у пушек, сломила колебание паши – он подписал капитуляцию. Сам паша, со всем своим штабом и теми войсками, которые захвачены были в плен во время боя, признавались военнопленными; а те, которые успели укрыться в цитадели, сдавали оружие и распускались по домам под честное слово не служить против нас в эту кампанию.

В десять часов утра батальон Грузинского полка вступил в цитадель и занял в ней караулы, остальные русские войска выведены были из города.

Картина крепости переменилась.

По узким, извилистым улицам города и предместий, с разных сторон, с барабанным боем двигались роты, спешившие занимать караулы; везде ходили конные разъезды улан, введенных в город для восстановления порядка. Жителей в первое время нигде не было видно, и только в глухих переулках, кое-где на плоских кровлях домов показывались пестрые кучи женщин. Кругом крепости и ее форштадтов почти вплотную придвинуты были батареи полевых орудий, за ними в колоннах стояла пехота. Лагерь со всеми обозами оставался на прежнем месте, на арзерумской дороге, с малым прикрытием. Войска держались наготове, чтобы выйти в поле и встретить турецкий корпус, если бы с его стороны было какое-либо покушение на лагерь и крепость.

На одном возвышении, саженьях в трехстах от покоренной крепости, за бруствером мортирной батареи развевались разноцветные турецкие знамена – кровавые трофеи, добытые при штурме. Там находился Паскевич. От этого возвышения в крепость и из крепости к мортирной батарее то и дело скакали ординарцы, адъютанты и казаки. Из Карса выходили толпы турецких солдат – это пленные, препровождаемые в русский лагерь. Проехал, наконец, верхом и сам двухбунчужный паша, окруженный нарядной толпой своих офицеров. Прибыв на батарею, он слез с коня и, тихо приблизившись к главнокомандующему, подал ему свою саблю.

Церемония сдачи Карса окончилась. Было три часа пополудни, накрапывал дождик. Паскевич сел на коня и, минуя шумные толпы турецких войск, все еще выходивших из крепости, поехал к воротам цитадели; за ним везли турецкие знамена. При самом въезде в цитадель его ожидал священник Крымского пехотного полка отец Андрей, который после славного подвига, совершенного им в армянском предместье, не оставлял войска во все время боя, то ободряя солдат, то помогая раненым, то напутствуя умирающих. Он встретил Паскевича приветственной речью и преподнес ему букет белых роз, сорванных им в саду турецкого коменданта. Проехав цитадель, Паскевич остановился на самой высокой батарее и приказал водрузить возле себя Георгиевское знамя Грузинского гренадерского полка. Здесь он принимал поздравления, благодарил начальников и при этом обнял Муравьева и Сакена. Он долго всматривался вдаль, туда, где черной полоской едва-едва виднелся разбитый турецкими ядрами бруствер четвертой батареи, с которой началось все дело, и, обратясь к Муравьеву, сказал: “Кто бы мог подумать, и воображали ли турки, что от этой черной полоски решится участь карсской твердыни”.

В сумерках Паскевич переехал в город и остановился в доме турецкого паши. Здесь он получил известие, что Киос Магомет-паша, узнав взятии Карса, отступил к Ардагану. В ту же ночь курьер поскакал Петербург и повез императору следующее короткое донесение:

“Знамена Вашего Императорского Величества развеваются на стенах Карса, взятого штурмом сего числа в восемь часов поутру”.

“Из рапорта моего Государю,— писал он вслед за тем барону Дибичу,— Вы увидите нечаянность одержанной победы, храбрость солдат, неустрашимость офицеров и распорядительность начальников. В чаду той победы я не могу еще опомниться, чтобы описать все подробно. Саблю паши и пистолеты его, взятые на батарее, осмеливаюсь поднести Его Императорскому Величеству; оружие же одного из знатнейших под ним предводителей покорнейше прошу Вас принять от меня на память”.

Так пала одна из важнейших твердынь азиатской Турции. Счастливому и невероятно быстрому исходу штурма более всего способствовала своевременность взаимной поддержки частей, не ожидавших на то особых приказаний, и энергия тех более или менее крупных

начальников, которые не затруднялись принимать на свою ответственность все, что касалось чести и славы русского оружия.

Трофеями карсского штурма были: сто пятьдесят одно орудие, тридцать три знамени, повелительный жезл карсского пашы и тысяча триста пятьдесят человек пленных, в числе которых находился сам карсский паша Магмет-Эмин, со всем своим штабом.

Приступ похитил из рядов русского корпуса до четырехсот храбрых солдат. Из числа офицеров убит поручик Штоквич, отец знаменитого защитника Баязета в 1877 году. Умер от раны и Эриванского полка прапорщик князь Ратиев, которому, как сказано выше, ядро оторвало руку около самого Паскевича в тот момент, когда Муравьев отдавал ему какое-то приказание на батарее.

Ратиев имел силу сам, без посторонней помощи, дойти до перевязочного пункта, но там сделали ему неудачную ампутацию, и у него открылась гангрена. Чтобы уладить последние минуты страдальца, Муравьев привез ему солдатский Георгиевский крест, заслуженный им еще юнкером, во время персидской войны. Ратиев взял крест, поцеловал его, положил себе на грудь – и умер. Кроме Ратиева тяжело были ранены двенадцать офицеров, и некоторые по несколько раз. В егерских ротах, штурмовавших турецкий лагерь, почти все офицеры выбыли из строя.

Карс, взятый штурмом, вопреки военным обычаям того времени, не был отдан на разграбление. Жителям объявлена была полная амнистия, и 24 числа главнокомандующий обратился к ним со следующей прокламацией.

“Твердыня Карсская пала перед победоносным оружием русских. Права войны предоставляли наказывать жителей города, взятого штурмом, но правила Русского Императора чужды всякого мщения. Именем великого Монарха я изъявляю прощение гражданам и призываю всех обитателей пашалыка Карсского под высокое покровительство России, обещая им нерушимость богослужения, обычаев и собственности... Я не потребую от вас новой подати, но приложу заботы, чтобы облегчить и ту, которая доселе лежала на вас. Да не огорчает над вами правление победителей”.

Начальником Карсского пашалыка назначен был полковник князь Бекович-Черкасский, судебная власть оставлена по-прежнему в руках мусульманского духовенства, а полицейская – в руках туземных чиновников, подчиненных только надзору русских офицеров. Доверие к новому правлению установилось сразу, и народ обратился к своим обычным занятиям: лавки открылись, учредились базары, отрывалось закопанное в землю имущество, и “празднолюбие мусульман нашло себе обильную пищу в рассказах о минувших битвах”, как замечает один из повествователей Карсского штурма.

На следующий день, 25 июня, под стенами Карса отслужено было благодарственное молебствие за победу. Весь действующий корпус был выстроен на том самом месте, где стояла главная батарея Муравьева. Едва провозглашено было многолетие, как в ту же минуту поднялся русский императорский флаг над Карсской цитаделью, и крепость приветствовала его единодушным залпом из всех турецких орудий, а полевая артиллерия вторила ей сто одним пушечным выстрелом. Затем войска проходили перед главнокомандующим церемониальным маршем. Паскевич весело здоровался с каждым взводом и всех поздравлял с победой. Но заветное “Спасибо, ребята!” говорилось лишь тем, которые были в жарком деле на штурме.

Когда проходили батареи, боровшиеся с цитаделью Карса, Паскевич приветствовал их словами: “Спасибо вам, друзья мои, спасибо!” И солдаты ценили и понимали эти различия.

“Взгляните, храбрые товарищи, – говорил Паскевич в приказе по корпусу, – на тот утес, где ныне развевается знамя Империи, на то место, от которого сильное воинство Надиршаха, после долговременной осады, отступило; вспомните о числе своем и вознесите теплую молитву к Господу Богу за дарованную вам знаменитую победу”.

Государь, желая сохранить в потомстве Паскевича память об этом событии, предоставил ему выбрать для себя два орудия из числа взятых на стенах цитадели. Сакену пожалован был орден св. Георгия 3-ей степени, а Муравьеву, Вольховскому, Фридериксу, Бурцеву, Лабинцеву и Черноглазову тот же орден 4-й степени. Турки, со своей стороны, сумели отдать справедливость русским войскам, их беззаветной храбрости и покорности долгу. “Вы взяли Карс,— говорили потом жители его,— но мы не стыдимся. Кто устоит против вас!”

V. ВЗЯТИЕ АНАПЫ

В то время, как на главном театре войны Паскевич только еще готовился к походу, вдали, на берегах Черного моря, совершилось другое событие, весьма важное для дальнейших судеб войны в Азиатской Турции, – перед русскими войсками пала Анапа, этот оплот турецкого влияния на черкесов, а через них и на другие племена, населявшие Кавказские горы.

Серьезное стратегическое значение Анапы обуславливалось самым ее географическим положением у моря. По отношению к черноморской кордонной линии, она была тем же, чем Ахалцихе на границе Грузии, то есть источником вечных тревог и поддержкой черкесских набегов. При таких условиях Анапа могла не только мешать сношениям европейской России с Закавказьем по Черному морю, но, распространяя свое влияние далеко внутрь страны, до волновавшихся Абхазии и Гурии, создать по обе стороны Кавказа, в тылу действующей армии, неисчислимы затруднения. Оставить ее в руках турок, во время войны с этой державой, значило иметь за своими плечами постоянную угрозу. Недаром султан, в одном из своих фирманов, прямо называл Анапу ключом азиатских берегов Черного моря. И вот, чтобы разобщить два мусульманских народа, взаимно поддерживавших друг друга, нужно было держать в руках этот ключ, и взятие Анапы, при каждой войне с Турцией, входило в число важнейших стратегических соображений.

Турки, со своей стороны, хорошо понимали значение Анапы, дававшее им возможность, не расходуя наличные боевые силы, распространять военные действия на огромном пространстве, охватывавшем все северо-восточное побережье Черного моря и Прикубанье, и потому крепко держали ее в своих руках. В Стамбуле не без основания рассчитывали, что достаточно только подогревать в черкесах религиозный фанатизм, чтобы держать эту страну в постоянном возбуждении против России. И они не жалели денег, осыпали черкесов подарками, снабжали их порохом, артиллерийскими орудиями, ружьями, а вместе с тем и проповедниками. Для черкесов Анапа служила представительницей мусульманского могущества и была в одно и то же время и арсеналом, и “весью” Аллаха, своего рода Римом, откуда в их землю шли один за другим апостолы магометанства. Случилось однажды, что из Анапы отправлено было сразу до трехсот мулл и дервишей. Красноречивым проповедникам не доставало, однако, весьма важной вещи – знания черкесского языка, и религиозная пропаганда их осталась поистине гласом, вопиющим в пустыне. Современники этой эпохи рассказывают, что и дервиши и муллы очутились под конец в весьма критическом положении, рискуя даже умереть с голоду. Но зато на сцену выступили немедленно другие интересы, сблизившие черкесов с миссионерами, быть может, прочнее, чем это могли сделать религиозные наставления. Чтобы выйти из своего неприятного положения, немые проповедники принялись за торговлю юным черкесским населением, и этот род просвещения превосходно был понят жадными до барышей черкесами. Красивые женщины и мальчики, поодиночке и целыми партиями, находили отличный сбыт в Анапе. Закипела бойкая торговля – и отдать теперь такое сокровище, как Анапа, неверным, которые прежде всего наложили бы свою руку именно на эту торговлю, уже было невыгодно ни горцам, ни туркам. Они обещали друг другу взаимную помощь. И вот в то время, как поднималась над горизонтом грозная туча войны, турецкое правительство поручило французским инженерам усилить оборонительные верки Анапы, удвоило в ней гарнизон и, вместо слабого Гассан-паши, назначило ее комендантом известного своей храбростью Чатыр-Осман-оглы. Нужно сказать, однако, что храбрость была единственной добродетелью нового начальника – его предшественник был гораздо умнее и деятельнее.

Русское правительство, со своей стороны, готовилось овладеть Анапой. И уже в то время, когда призрак войны еще только вставал в далекой перспективе, князю Меншикову, при возвращении его из Персии в 1826 году, поручено было, между прочим, собрать по возможности точные сведения о силе Анапских укреплений. К сожалению, отношения между Россией и закубанскими горцами тогда были настолько обострены, что пришлось отказаться от мысли узнать через них хоть что-нибудь об Анапе. Сохранилась, однако, одна любопытная переписка, свидетельствующая об этих стремлениях русского правительства. Нужно припомнить, что все время с 1807 по 1812 год, когда Анапа находилась в русских руках, комендантом ее был генерал-майор Бухгольц, женатый на черкесской княжне и через нее имевший в горах большие родственные связи. К нему-то – он был тогда комендантом в Керч-Ениколе – и обратился в 1827 году князь Меншиков. Письмо его, к сожалению, не застало Бухгольца в живых, и за него ответила жена его. Вот что писала она.

“Разбирая бумаги покойного мужа, касающиеся сдачи им Анапы, я нашла подробный план крепости, который при сем и посылаю. А так как я находилась в Анапе вместе с моим мужем, то знаю лично, что крепость эта была вооруженная, но, по приказанию мужа, когда ее сдавали Порте в 1812 году, разрушены были главные укрепления и самые контрфорсы ослаблены, а орудия свезены на флот. По настояниям паши оставлено было в то время там лишь несколько самых дурных пушек с негодными лафетами. Подробное описание Анапы, как я полагаю, погибло во время кораблекрушения, которое постигло судно, ибо ехавший на нем священник с семейством, вся канцелярия и все наше имущество утонули.

Будучи сама уроженкой Черкесии, я поныне сохраняю родственные связи, доверие и приверженность к себе натахайцев, шапсугов и абадзехов, имею родственницу даже в самой Анапе. И если бы сведения эти требовались раньше, то имела бы случай и твердо убеждена в этом, то могла бы достать вам вид настоящих укреплений Анапы и все средства ее, так как крепость находится теперь в сильно оборонительном положении. Всегда желала я доставить родине моей покровительство монарха и для этой цели имела на родственников моих непосредственное влияние, с твердостью удерживаю и поныне средства подкреплять мое намерение, сопряженное с искренним желанием отвлекать народ сей от его заблуждений”.

Чем кончилась эта интересная переписка и вообще, были ли успешны тогда попытки Меншикова собрать сведения об Анапских укреплениях – неизвестно.

Но вот наступил 1828 год; разрыв с Турцией стал уже совершившимся фактом, и Анапа вскоре должна была испытать на себе силу русского оружия.

В азиатской Турции военные действия еще не начинались, и даже вторая армия, графа Витгенштейна, еще только собиралась на Пруте, а к восточным берегам Черного моря уже снаряжена была морская экспедиция и шли сухим путем русские батальоны. Взятие Анапы должно было быть одним из первых чувствительных ударов Порте. Император Николай Павлович сознавал трудности, с которыми была сопряжена осада сильной крепости, поддерживаемой извне многочисленным горским народом, и на покорение Анапы послал десантный отряд, сопровождаемый флотом для морской блокады и бомбардирования крепости.

По отдаленному положению от театра военных действий, предположенных в азиатской Турции, и по совершенному недостатку войск на Кавказе, Анапа включена была в черту действий Дунайской армии; поэтому из Екатеринославской губернии передвинута была в Севастополь егерская бригада седьмой пехотной дивизии, назначавшаяся для десанта, а со стороны Кавказа должны были участвовать в предприятии только Таманский гарнизонный полк и четыре полка черноморских казаков.

Эскадра, под начальством вице-адмирала Грейга, с десантом сухопутных войск, вышла из Севастополя к кавказским берегам 21 апреля. В то же самое время к Анапе двигались и со стороны черноморской линии два конные, восьмой и девятый, и два пешие, пятый и восьмой, казачьи полки с конной батареей, предводимые самим войсковым атаманом Бес-

кровным, По пути к ним должны были присоединиться шесть рот Таманского полка, рота Нашебургского и четыре орудия. Весь этот отряд поступал в команду флигель-адъютанта полковника Василия Алексеевича Перовского³, который быстрым движением к Анапе должен был очистить край от неприятельских шаек и обеспечить высадку десанта.

Бескровный шел впереди, и перед его отрядом скоро показались признаки близости неприятельской крепости: 28 апреля черноморские пластуны наткнулись на турецкий караул, стоявший на противоположной косе Бугаза, и сняли его – четырнадцать человек, беспечно занимавшихся рыбной ловлею, были перебиты или взяты в плен; на следующий день на один из русских секретов, уже по ту сторону Бугаза, наехало два неприятельских всадника – и оба были захвачены, один из них оказался турок, другой черкес, 30 апреля – новое столкновение: в то время, как атаман Бескровный с частью своих казаков перешел брод и двинулся к косе Джимитей, показалась черкесская партия. По мере приближения отряда она отступала к горам и, наконец, зажгла несколько домов на Джимитее. Бескровный остановился, не доходя деревни, и занял разоренное укрепление, которое казаки наскоро исправили. Партия, однако, не ушла; она весь день кружилась возле казаков, и только 2 мая, когда к Бескровному присоединился весь отряд Перовского, черкесы исчезли. Погода тогда ненастная, шел сильный дождь с порывистым северо-восточным ветром, и обозы, тянувшиеся всю ночь, прибыли на Джимитейскую косу только под утро.

Между тем, после бурного плаванья, 2 же мая, на горизонте показалась и эскадра Грейга с десантными войсками. Она подошла к Анапе и стала на якорь. Как главный начальник экспедиции, Грейг немедленно отправил к анапскому паше парламентаря с требованием сдачи крепости. Паша отказался. “Вы предлагаете мне невозможное, – сказал он русскому офицеру, – начальник ваш исполняет то, что велел ему его Государь, а я не изменю своему. Судьба должна решить, кому владеть Анапой”. Оставалось одно – приступить к осаде крепости.

Анапа, построенная в северо-западной оконечности земли черкесов, на мысе, глубоко вдавшемся в море, с трех сторон омывалась водою. Прямо, к западу, расстилалось открытое море, уходя в безграничный простор. К северо-востоку береговой изгиб мыса образовывал залив, пересекаемый небольшой косой, а между заливом и мысом, на котором стояла Анапа, вливается в море речка Бугур. К югу, почти прямой линией, далеко от Анапы тянулся берег, а на восток от нее лежала плоская равнина, обрамленная горами, из-за которых ежеминутно могли появиться черкесы. На этой же плоскости и должны были совершиться все перипетии осадной войны.

Оставив на Джимитейской косе, для прикрытия своих сообщений с Бугазом, роту Таманского полка с двумя орудиями и частью казаков, Перовский 3 мая подошел к Анапе и занял тесное пространство по реке Бугуру, между берегом моря и обширным болотом, отделявшим его от гор.

На море все эти дни свирепствовала сильная буря, препятствовавшая высадке десанта, и отряд Перовского, силою в девятьсот человек, должен был стоять один против сильной крепости. Видя, что шторм не позволяет соединиться русским войскам и что корабли за мелководьем не могут приблизиться к берегу даже настолько, чтобы вредить крепости огнем морской артиллерии, турки в продолжение трех дней делали непрерывные вылазки. Перовский, окруживший свою позицию целым рядом небольших полевых укреплений, держался стойко, но вечером 5 мая он тем не менее должен был условными сигналами потребовать помощи. Попытка свезти на берег десант была сделана, но, несмотря на все усилия, только сорок человек были сняты с лодок – остальные ночевали в море. К счастью, под утро ветер несколько утих, и 6 мая тринадцатый и четырнадцатый егерские полки, с восемью орудиями

³ Впоследствии известный генерал-губернатор Оренбургского края.

батареи роты седьмой артиллерийской бригады, под командой генерал-адъютанта князя Меншикова, вышли на берег. Турки попробовали разом атаковать десант и отряд Перовского, чтобы помешать их соединению, но попали под огонь кораблей – и отступили. Отряды соединились и тотчас устроили пристань и телеграф для сообщений и переговоров с флотом. Меншиков принял команду над всеми войсками, Перовский назначен был начальником штаба осадного корпуса.

7 мая началось бомбардирование крепости. Три дня громили стены ее морские орудия с флота, а в это время и на суше, на правом берегу Бугура, на плоской песчаной косе, вдающейся в залив, воздвигалась демантир-батарея. Случилось, что в то время, как батарея уже достраивалась, Меншиков получил сведение об одном обстоятельстве, грозившем большой опасностью для осаждающих. Ему сообщили, что при самом устье реки, впереди батареи, находится брод, которым неприятель легко может воспользоваться для внезапного ночного нападения и захвата пушек. Последнее ему было тем легче, что днем с углового бастиона, стоявшего от батареи только на расстоянии картечного выстрела, не могло укрыться ни одного движения русских; Меншиков немедленно один отправился к указанному месту, чтобы лично убедиться в степени опасности. Более четверти часа пробыл он под сильным орудийным огнем, осматривая берега и течение Бугура, и, вернувшись, приказал посылать на ночь на самую оконечность косы взвод егерей. Весь русский отряд видел холодное мужество своего начальника и беспокойно следил за ним, когда он проезжал по берегам Бугура, осыпаемый неприятельскими снарядами, – это сразу приобрело ему любовь и доверие войска.

10 мая батарея была готова – и два корабельные тридцатишестифунтовые орудия и мортира большого калибра открыли огонь по угловому бастиону крепости. На эту батарею возлагались наибольшие надежды. Нужно сказать, что бомбардирование крепости с моря мало причиняло ей вреда, так как мелководье не позволяло кораблям и фрегатам подходить к ней на близкое расстояние. Меншиков не хотел вести осаду с открытой, наиболее доступной полевой стороны крепости, где стены были не так высоки, рвы менее глубоки. Оттуда некогда атаковал Анапу Гудович. Меншиков, напротив, выбрал северный фас, укрепленный сильнее других, но зато представлявший ту выгоду, что, сбив орудия с двух угловых бастионов, войска уже безопасно приближались к крепости, так как эти же самые бастионы закрывали бы их от выстрелов с других укреплений. Сверх того, доставка с флота больших корабельных орудий и громоздких снарядов была удобнее на этом пункте, нежели на других, куда приходилось бы перетаскивать их на руках солдат. Батарея на косе занимала, таким образом, самый выгодный пункт, соответствующий всем этим целям. А чтобы доставить войскам возможность переходить в наступление и вести траншейные работы к атакованному бастиону, через Бугур наведен был мост и доступ к нему неприятеля загражден редут, в котором расположились две переброшенные за реку егерские роты.

План Меншикова, верно задуманный, представлял одну слабую сторону. Войска, скупленные к устьям Бугура, оставляли открытой плоскость, весьма удобную для сношений крепости с черкесами, которые могли свободно проводить в нее и подкрепления и жизненные припасы. А занять эту плоскость войсками значило растянуть и без того немногочисленный отряд в длинную осадную линию, что, впоследствии, как увидим, пришлось, однако, сделать.

Турки, по-видимому, понимали свою выгоду и попытались задержать русских на той стороне Бугура. В ту же ночь, как только егеря заняли заречный редут, неприятель сделал сильную вылазку, а крепость открыла огонь со всех своих батарей, стремясь разрушить мост и тем остановить переправу русских резервов на помощь к атакованным. Егеря, однако, выдержали нападение и одни, без резервов, отбросили турок.

Тогда на следующий день последовало новое нападение на русскую позицию, но уже с тыла, со стороны Бугаза. Действовала черкесская конница, спустившаяся с гор, и действовала, видимо, с целью отвлечь от реки в ту сторону большую часть русского войска. Там, прикрывая лагерь, стояли черноморские казаки, на помощь к ним подоспел батальон тринадцатого егерского полка, и горцы, после жаркой схватки, были отбиты. Потери русских в этом деле были бы ничтожны, если бы человек тридцать, еще неопытных в кавказской войне егерей не зарвались в погоне за горцами, они слишком отделились от своего батальона и на его глазах были окружены и изрублены. Трудно сказать, какую потерю понесли черкесы, но в числе убитых был их владетельный князь Сатуг-Ханаш-Ибн-Цака, известный по всей Кубани своими набегами. Он был сражен в рукопашной схватке одним из егерей, которому князь Меншиков тут же подарил сто рублей и пожаловал знак отличия военного ордена.

На этот раз черкесы были отражены удачно, но за будущее было трудно ручаться; они легко могли появиться еще в больших силах и прорваться до лагеря. И вот, чтобы избежать на будущее время подобных опасных случаев, пришлось в тылу, со стороны Бугаза, между болотом и морем протянуть линию ретраншементов, а левее ее, на возвышении, командовавшем всей окрестной местностью и недоступном для черкесов по причине болот, поставить отдельное укрепление. В то же время стало очевидным, что пока не прерваны сообщения крепости с черкесами, невозможно было рассчитывать на успех осады, и потому, несмотря на малочисленность своего отряда, Меншиков решил образовать особую подвижную колонну, которая охраняла бы всю плоскость к югу от Бугура. Два батальона, один от тринадцатого, другой от четырнадцатого егерских полков, при четырех орудиях, перешли Бугур и расположились на равнине, укрепившись двойными редантами, способными защищаться на два фронта. Со стороны реки поставлен был, кроме того, полевой редут, вооруженный двумя орудиями. В этой позиции, готовый отражать и черкесов с гор, и турок из крепости, отряд, сверх того, имел назначение охранять осадные работы, которые велись от предмостного редута к угловому бастиону Анапы. И с этого момента все усилия и горцев, и турок направляются к тому, чтобы восстановить прерванное между ними сообщение.

Осадные работы начались 12 числа, в день нападения черкесов на тыл русской позиции. Но едва заложена была первая полупараллель, как встретились уже препятствия. Со стороны Анапы велись контрапроши, и 15 мая работы столкнулись. В траншеях стояла тогда рота четырнадцатого егерского полка. Командир ее, капитан Туркин, вызвал ночью шестьдесят охотников и бросился с ними на турок. Тщетно турки пытались защищаться, егеря вытеснили их из окопов и разрушили работы.

Теперь явилась возможность к открытию и второй полупараллели.

Осада крепости становилась все энергичнее и энергичнее. Канонирские лодки, бомбарды и другие суда черноморской флотилии, которым мелководье не мешало подходить близко к берегу, неумолчно громили приморские укрепления. Три турецкие кочермы, из числа десяти, стоявших на якоре под пушками крепости, были потоплены, три взяты на аборт и отведены на рейд, остальные четыре уже ничего не смели предпринимать против русских крейсеров. С суши разрушения крепости также постепенно увеличивались, а блокада становилась все теснее. Войска, расположенные вне лагеря, в поле, только днем имели ружья в козлах, а ночью одна шеренга отдыхала, а другая, в непрерывном ожидании нападения горцев, стояла в полной боевой готовности, и захватить их врасплох было нельзя. Положение Анапы принимало характер почти безнадежный, и только еще слабая надежда на помощь со стороны черкесов кое-как поддерживала дух гарнизона. Не все, конечно, пути были заняты русскими пикетами, и находились смельчаки, которые по ночам пробирались и из крепости в горы, и с гор в крепость. Путем этих опасных сношений черкесы и турки условились, наконец, между собою об одновременном нападении на русскую подвижную колонну. И вот, утром 18 мая, турецкая пехота сделала сильную вылазку, и в то же время показались горцы.

Первый батальон тринадцатого полка, ближайший к крепости, стал отступать к полемому редуту, но редут уже стоял в огне: черкесы со всех сторон атаковали расположенный в нем батальон четырнадцатого полка. Ворваться в редут они, однако, не могли и были отброшены с большой потерей.

Тогда толпы их устремились к Анапе, чтобы соединиться с турецким гарнизоном, но отступавший батальон, поддержанный двумя вышедшими из редута ротами, преградил им дорогу, а две остальные роты четырнадцатого полка зашли горцам в тыл и поставили их под перекрестный огонь. Черкесы в беспорядке отхлынули назад и с ближних высот следили, чем кончится дело у турок. А турки были не в лучшем положении. Покинутые горцами, далеко отошедшие от крепости, они очутились лицом к лицу с егерями, которые стремительным ударом в штыки смяли их и обратили в бегство, а тут подоспели черноморские казаки, и преследование продолжалось до самых стен крепости. Турки потеряли при этом одно полевое орудие, “храбро защищаемое, но еще мужественнее, как доносил князь Меншиков, отбитое флигель-адъютантом графом Толстым, бросившимся на него с двадцатью казаками”. Убитые и раненые остались на поле сражения; в числе их был и предводитель горцев владетельный князь Темрюк, погибший вместе с лучшими своими узденями. Богатый панцирь его, доставшийся егерям второй роты тринадцатого полка, как трофей отправлен был государю. Героем этого дня был граф Толстой со своими казаками, и, по приказанию Меншикова, имя его в ночь на 19 мая служило отзывом для храброго отряда. Как ни счастливо для нас было дело 18 мая, оно показало, однако, возможность прорыва черкесов в Анапу, и войска, стоявшие на левом берегу Бугура, были усилены. Боевой фронт их, обращенный лицом к горам и тылом к Анапе, протянулся через всю равнину, так что правый фланг начинался у морского берега, южнее Анапы, а левый упирался в Бугур в том месте, где на правом берегу его лежали болота. На этом пространстве войска расположились следующим образом: на правом фланге стоял первый батальон тринадцатого егерского полка в двухротных кареях, имея при каждом из них по одному орудью; в центре – две роты таманцев, а на левом фланге – батальон егерей четырнадцатого полка, также при двух легких орудиях. Предосторожность эта оказалась очень уместной. Носились слухи, что большой отряд горцев находится в сборе, и войска стояли настороже. Действительно, на рассвете, 28 мая, четыре тысячи конных черкесов внезапно появились перед русской позицией. Две роты таманского полка не выдержали натиска, черкесы врубались в каре и в беспорядке с огромной потерей отбросили его на егерей. Две роты тринадцатого полка, вторая и третья, предводимые командиром седьмой артиллерийской бригады полковником Савочкиным, капитаном Докудовским и поручиком Мусницким, остановили бешеный натиск неприятеля и помогли таманцам спасти свою пушку, но зато сами они попали под удар всей массы черкесской конницы. Завязался упорный рукопашный бой. Атака следовала за атакой, удар за ударом. Несколько раз врубались черкесы в каре и несколько раз выбрасываемы были из него штыками. Воодушевляемые своими офицерами, молодые солдаты ни на одну минуту не позволили расстроить фронт и нарушить порядок, от которого зависело спасение: рубили одних – другие смыкали ряды, и горцы повсюду встречали сплошную стену нависших штыков. Менее чем в полчаса рота Мусницкого потеряла из ста двадцати пятьдесят три человека изрубленными и, несмотря на непомерную убыль, все-таки удержалась на месте. Ни одна из ближайших частей не могла между тем подойти на помощь: остальные две роты того же батальона, занимавшие правую оконечность линии, и две роты четырнадцатого полка, по первым выстрелам подоспевшие сюда из лагеря, удерживали в это время натиск турецкого отряда, вышедшего из крепости. Но турок было много, и егеря, подавляемые превосходством сил, медленно отходили назад, оспаривая каждый шаг у неприятеля. Трудно сказать, чем бы кончился кровавый день, если бы первый батальон четырнадцатого полка, еще не принимавший участия в деле, не двинулся с левого фланга и внезапно не появился бы в тылу

у черкесов. Заметив это движение, угрожавшее отрезать им отступление в горы, горцы тотчас прекратили бой и, подобрав убитых, ускакали, увезя с собой и свои орудия. Турки опять остались одни. Тогда каре полковника Савочкина и две роты таманцев, освободясь от стремительного натиска горцев и обеспеченные с тыла батальоном егерей, устремились на турок; отступавшие колонны также перешли в наступление; шестая рота четырнадцатого егерского полка сразу отбила турецкую пушку, и неприятель поспешно стал отступать. Но укрыться в Анапе удалось только тем, кто бежал шибче других и менее других думал о сопротивлении.

Дело в том, что в момент, когда неприятель повернул назад, из траншей выскочила четвертая рота четырнадцатого полка и, вместе с конными полками черноморских казаков, прискакавшими сюда с атаманом Бескровным, отрезала его от крепости. Тогда произошла страшная сцена. Часть уходившей артиллерии моментально захвачена была казаками, множество турок было изрублено, а человек семьсот из них загнаны были на высокий утес, высившийся над морской бездной, и беспощадно сброшены в море.

Кровавая схватка эта памятна одним эпизодом, который должен быть сохранен в потомстве как пример необычайного самоотвержения и привязанности к начальнику русского солдата. Когда турки прижаты были к круче, командир четвертой роты штабс-капитан Томиловский схватился на самом краю обрыва с турецким офицером. Долго боролись они, наконец Томиловский подтолкнул своего противника к круче, но потерял равновесие, и сам увлечен был в бездну. По счастью, небольшая скала, выдававшаяся из отвесной стены берега, задержала его падение. Томиловский жестоко расшибся, но успел удержаться и повис над бездной. Между тем турецкий гарнизон, желая спасти хоть часть своих товарищей, выслал из крепости вдоль берега, прикрытого крутизной, небольшой отряд, который снизу мог обстреливать край обрыва. Турки увидели русского офицера, висевшего над бездной, открыли огонь и прострелили ему ногу. Изнемогая от раны, Томиловский уже готовился к смерти, которая казалась ему неизбежной, как вдруг услышал над своей головой шорох и шум скатывавшихся вниз камней. Двое солдат четвертой роты, несмотря на явную смерть, грозившую им при малейшей неосторожности, спускались к нему, цепляясь за выдававшиеся камни. Но вот перед ним голый утес – дальше ползти нет никакой возможности. Солдаты, осыпавшие снизу градом турецких пуль, кое-как утвердились на камне и протянули Томиловскому ружья. Раненый Томиловский не мог встать на ноги. От чрезмерного усилия поднять его один из солдат потерял равновесие и упал в пропасть. Другой, видя, что один не в силах спасти начальника, вернулся наверх, позвал другого товарища и вместе с ним вторично начал спускаться с утеса. Томиловский кричал им, чтобы они не подвергали себя почти верной смерти, приказывал им удалиться и оставить его на произвол судьбы. Но солдаты молча и настойчиво делали свое дело. Вот они уже на последнем уступе. Связав вместе несколько поясов, снятых с убитых турок, они бросили конец Томиловскому и, после долгих усилий, втащили его наверх. Рота окружила своего командира и торжественно, на руках, понесла его в лагерь. Томиловский держал в руках богатую турецкую саблю, добытую им от своего противника, – трофей, который он не бросил даже тогда, когда, израненный и истомленный, висел над страшной бездной. Рана Томиловского была смертельна, и он через несколько дней скончался. Имена героев-егерей, с таким самоотвержением спасавших командира, к сожалению, забыты.

Победа 28 мая сделала падение Анапы неизбежным. Тотчас после боя, на самом обрыве морского берега, там, где произошла кровавая катастрофа, поставлено было большое укрепление, названное, в честь черноморского атамана Алексея Даниловича Бескровного, Алексеевским, а от этого укрепления до главных осадных работ протянуты были ложементы, куда на ночь вступали роты. Крепость была совершенно окружена. А чтобы отнять у турок и последнее средство сообщаться с горцами по узкой песчаной полосе, лежавшей между подошвой береговых утесов и морем, поставили особый пост и вооружили его фальконетом.

Спуститься с прибрежных высот к морю возможно было только на веревках, поэтому на пост вызывались охотники, которых спускали вниз на канатах вместе с трехдневным продовольствием и запасом патронов. По прошествии этого времени их поднимали наверх, а новых таким же порядком спускали на их место. Чтобы в случае надобности подать посту необходимую помощь, в недалеком расстоянии от него постоянно стояли в море два вооруженные катера. При таких условиях сообщения с горцами действительно затруднены были до крайности. Да горцам было и не до турок. Атаман Бескровный со своими конными и пешими полками ходил в это время в горы, предавая огню и мечу попутные аулы. Тревога распространилась по ближним и дальним ущельям, и черкесы, спасая свое имущество и семьи, покинули Анапу на произвол судьбы.

Так шли дела до 10 июня, когда осадные работы подвинулись к самому гласису и начали спускаться в ров двойной сапой. Крепость давно уже лежала в развалинах: зубцы на стенах ее были сбиты, башни опрокинуты; брешь была так велика, что по взятии крепости казаки свободно проезжали через нее верхом. Но турки еще не сдавались, и, чтобы сломить наконец их упорство, князь Меншиков решил штурмовать Анапу. 10 июня сделаны были все нужные для этого распоряжения: штурмовые колонны назначены, в войска розданы лестницы, крюки и фашины. Еще полчаса – и колонны пошли бы на приступ, но в это время паша, сделав все, что было в его силах, вступил в переговоры. Они длились два дня, и наконец 12 июня анапский гарнизон сдался. Комендант крепости знаменитый Чатыр-Осман-оглы и все женатые турки, по условию, получили свободу и вернулись на родину.

В тот же день, 12 июня, батальон тринадцатого егерского полка прошел через брешь в город и занял крепостные бастионы. Ровно в полдень на стенах Анапы, обращенных к морю, взвился флаг начальника морского штаба – впервые со времени его учреждения. Флот салютовал ему; крепость отвечала флоту громом турецких орудий.

Падение Анапы совершилось. Энергия, выказанная при этом русскими войсками, вызывает невольное удивление, и князь Меншиков в письме к государю не находит слов, чтобы выразить похвалу егерским полкам, “которые, будучи составлены из людей молодых, впервые делавших кампанию, не уступали в хладнокровии и мужестве старым, испытанным воинам”. Но эта энергия выразилась и не в одних только чисто военных действиях. Быть может, еще большее удивление вызывает безропотное перенесение страшных трудов и лишений, с которыми сопряжена была вечно тревожная стоянка перед крепостью. Во все время осады войска бивуакировали под палящими лучами солнца, не имея ни палаток, ни одного деревца, под тенью которого можно бы было укрыться. Только один начальник отряда князь Меншиков имел у себя ставку, да недалеко от пристани разбито было несколько больших наметов из корабельных парусов для подвижного лазарета. Вне лагеря солдаты почти половину времени стояли под ружьем, и труды их были так велики, что Меншиков вынужден был позаботиться об облегчении их одежды: тяжелые кивера, мундиры, ранцы и портупей со штыковыми ножнами – все это сложено было в лагере, и солдаты выходили в строй в шинелях и фуражках, имея при себе только ружье да патронные сумки. А между тем, при этих тяжких условиях жизни, солдаты питались чрезвычайно плохо. В течение всей осады люди не видели свежей говядины и варили одну кашницу, иногда с солониной, а иногда пустую. Дров не было, и солдаты дрожали по ночам от холода, не имея возможности раскладывать костров. Правда, приморские горы были покрыты мелким кустарником, но его стерегли черкесы, и посылать туда за дровами людей было бы крайне рискованно. К счастью еще, вся болотистая низменность, прилегающая к лагерю, густо заросла камышом, который солдаты и употребляли для варки пищи: не будь этого камыша – не на чем было бы даже сварить себе кашницу.

В пресной воде чувствовался также большой недостаток, потому что в Бугуре вода была болотистая, а в колодцах, которые пытались рыть, – солоноватая. Вследствие всех этих

условий в отряде развилась страшная цинга, и более двухсот человек пришлось отправить в Севастополь.

Несколько в лучшем положении находился флот, но зато на его долю выпала не менее тяжкая и сложная задача блокирования крепости с моря. Без его содействия невозможно было овладеть Анапой; он отрезал крепости все сообщения с морем, перехватывал неприятельские суда и в течение осады забрал более тысячи пленников. Моряки не были к тому же праздными зрителями того, что делалось на суше, и команды матросов, высаживаясь на берег, наравне с егерями работали в траншеях.

Русские потеряли в боях более двухсот семидесяти человек убитыми и ранеными, не считая офицеров, о которых в официальном журнале, веденном во время осады, сведений не сохранилось; упоминается только, что 6 июня, во время сильного огня с турецких верков, контужен был ядром атаман Бескровный.

Ценой всех этих жертв и усилий русские взяли в Анапе четыре тысячи пленных, двадцать девять знамен и восемьдесят пять орудий. Но главный результат, конечно, заключался не в этих частных приобретениях. С окончательным покорением Анапы к России навсегда переходило господство над восточным побережьем Черного моря, и крепость уже никогда более не возвращалась Турции. Таким образом разрушилось гнездо, где постоянно зрели возмущения и созидались заговоры против русской власти. И хотя последствия показали, что с покорением Анапы еще не решался вопрос об умиротворении черкесов, набеги которых с тех пор приняли особенно кровавый характер, тем не менее устранение на них турецкого влияния, быть может, предотвратило еще большие ужасы, которые не имели бы тогда для России характера только чисто местных и внутренних смут.

Весть о покорении Анапы доставлена была государю уже за Дунаем, в лагере при Карасу, куда флигель-адъютант граф Толстой привез ключи и флаг покоренной крепости. Государь пожаловал Грейгу чин адмирала; Меншикову – орден св. Георгия 3-ей степени и чин вице-адмирала; Перовский и Бескровный произведены были в генералы, и последнему из них дан орден св. Георгия 4-ой степени. Всем полкам, как егерским, так и казачьим, участвовавшим в экспедиции, пожалованы были знамена с надписью “За взятие Анапы”.

Более двух недель эскадра простояла после того под Анапой. Наконец, 3 июля, десантные войска снова сели на корабли, и егерская бригада отправилась к Варне, чтобы там поменять заслуженные ею знамена на знамена Георгиевские и к надписи “За взятие Анапы” прибавить еще новую надпись “За взятие Варны”. Впоследствии оба эти полка, почти в полном своем составе, поступили на формирование нового лейб-егерского полка после известной катастрофы, постигшей этот старый полк в окрестностях Варны.

Не лишнее сказать, что с судьбой Анапы тесно связаны воспоминания о двух замечательных людях, в свое время игравших крупную роль среди кавказских горцев.

В числе пленных, взятых при сдаче крепости, был некто Сефер-бей, шапсуг по рождению. В молодых годах, попав в плен к русским, он некоторое время учился в Одесском лицее, но не мог примириться с европейской жизнью и ушел в горы. Случай привел его в Царьград, и там его приняли в службу султана. Природные дарования его были замечены, а некоторое образование, полученное им в России, дало турецкому правительству мысль употребить его как агента не только для сношений с кавказскими горцами, но даже с арабами в Египте и Алжире. В Анапу Сефер-бей попал случайно, перед самой осадой, и скоро сделался душою ее обороны. Во время вторичного плена он жил в Пазарджике и был хорошо принят в доме коменданта генерал-майора Куриса, которого посещал почти ежедневно. Как о замечательной черте его характера рассказывают следующее. В Пазарджике он видимо стал тосковать и раз сказал Курису: “Меня убивает мысль, что я, находясь почти на свободе, не пользуюсь случаем бежать в соседние леса, откуда через несколько часов буду в Шумле. Долг чести требует, чтобы я попытался бежать, но я обязан вам гостеприимством и знаю, что

мой побег причинит вам большую неприятность, а потому прошу вас, прикажите смотреть за мною строже. Отняв у меня возможность бежать, вы тем облегчите мою совесть”. Два года прожил Сефер-бей в Пазарджике и, по заключении мира, возвратился в Турцию.

Другой из этих людей – знаменитый своей романтической судьбой Амалат-бек, герой Кавказских гор Ермоловской эпохи. Вынужденный бежать после убийства полковника Верховского, он, после долгих скитаний, укрылся наконец в Анапе. Но здесь ему суждено было снова встретиться с русскими. Как известно, Марлинский в своей “Кавказской были”, озаглавленной именем этого героя, рассказывает, что на одной из вылазок, 18 или 28 мая, ядром оторвало Амалат-беку руку и что будто бы он взят был в плен и умер в русской траншее. Справедливость требует, однако, сказать, что он действительно был тяжело ранен на вылазке, но горцы успели увезти его из крепости прежде, чем она сдалась. Остаток жизни он прожил среди черкесов в нищете и неизвестности и кончил ее, пораженный оспой.

Прошли многие годы. Время изгладило следы кровавой борьбы, совершившейся под Анапой, и только вечно бурливое Черное море лижет подножие старинных стен и немолчным грозным рокотом рассказывает таинственную сагу о промелькнувших перед ним временах и героях. Но, в некогда гордой мусульманской твердыни, и поныне сохранился памятник подвига, совершенного в 1828 году русскими войсками. Это – большая каменная православная церковь, обращенная из главной турецкой мечети, поврежденной во время осады русскими ядрами. Она освящена в память того знаменательного дня, когда над ниспровергнутой магометанской луною поднялся Господний крест, как знамение покоя, тишины и вечного мира.

VI. АХАЛКАЛАКИ И ХЕРТВИС

После того, как 23 июня 1828 года Карс пал перед штурмующими русскими колоннами, прошел почти месяц, прежде чем могли начаться новые военные действия. Это замедление было результатом целого ряда сложных причин, созданных частью необходимостью, а еще более случайными обстоятельствами.

Дело в том, что едва русские войска овладели турецкой твердыней, как общая радость была омрачена неотразимым бедствием, равно ужасным и в мирных хижинах, и в ратном стане: в русском лагере появилась чума.

Еще при самом начале войны уже носились слухи, что в турецкой армии незадолго перед тем свирепствовала эта страшная болезнь и что в некоторых местах Арзерумского пашалыка она еще продолжается. Обстоятельства между тем не ждали, и поход был объявлен. Впрочем, все сведения, получаемые в последнее время из Карса, носили самый успокоительный характер. И лазутчики, и пленные единогласно говорили Паскевичу, что назад тому месяцев семь в крепости действительно появилась было чума, но что болезнь скоро утихла, и с того времени ни одного человека не умерло от заразы.

Все это было совершенно справедливо, и со стороны собственно карсских жителей опасности не было. Но военные обстоятельства привлекли в город подкрепления из Арзерума, а с ними пришла и чума, которая с самого начала осады уже таилась в рядах гарнизона. И вот, когда русские войска ликовали, празднуя победу, и с гордостью смотрели на кровавые трофеи штурма и тысячи пленных турок; когда все веселило сердце русского солдата: и приветливость начальников, и изобилие провианта, и сознание собственной богатырской силы, и когда даже сама природа улыбалась ему своей красою, расстилая перед ним свежую зелень обширной равнины, орошаемой живописной речкой, вдруг, 26 июня, по лагерю пронеслась грозная весть: один из раненых турок заболел чумою. Все вздрогнуло перед этой страшной вестью, каждому ясно было, что ужасы чумной болезни не минуют русского войска. В сражениях, особенно во время штурма, неизбежны были соприкосновения с зачумленными: солдаты вступали с турками в рукопашный бой, захватывали их лошадей и, среди беспорядочной битвы, врываясь в дома, забирали покинутые вещи. Многие из них, конечно, уже с тех пор носили в себе зародыш болезни. В видах предупреждения, тотчас объявлены были войскам карантинные правила, а пленных турок, под прикрытием батальона тридцать девятого егерского полка и двух орудий, поспешили отправить в Гумыры.

Русский корпус замер в тревожном ожидании, но ждать пришлось недолго. 27 июня на одном рядовом Грузинского гренадерского полка сказались несомненные признаки чумы. Больного отвезли в карантин, а Паскевич распорядился немедленно передвинуть лагерь на другое, более удобное место, причем каждая часть была поставлена отдельно и окружена особой цепью, чтобы прекратить непосредственные сообщения полков, как между собою, так и с городом.

Строгие меры, принятые против смертоносной болезни, остановили ее ужасное действие. Тем не менее через день, через два в какой-либо части корпуса чума вспыхивала, как огонь из-под тлеющего пепла, и сжигала одного-двух человек. Заболевающий вдруг начинал чувствовать чрезмерную слабость, сопровождаемую обмороками; взгляд его становился блуждающим, беспокойным, появлялись головная боль, рвота, страшная жажда, затем наступали судороги – и смерть. У некоторых в самом начале болезни появлялись карбункулы, у других они обнаруживались только после смерти. Немногие умирали через сутки, большинство мучились от восьми до девяти дней. Над больными испробованы были все способы лечения: им пускали кровь, ставили мушки, заставляли пить сладкую ртуть, хину или настой александрийского листа с горькой солью; но если одним эти средства облегчали

страдания, то других еще быстрее сводили в могилу. Вообще замечено было, что только крепкие телом и духом могли противиться болезни, большинство умирало. Бедствие не приняло, однако, слишком больших размеров, и через подвижной карантин прошло всего двести девяносто три человека.

Благодарная память современников сохранила имя начальника подвижного карантина, храброго в бою и ревностного ко всем обязанностям службы полковника Бородина, командовавшего в то время Ширванским полком. Забывая о собственной опасности, он появлялся всюду, где только видел страдание, и деятельно, безупречно вел дело помощи страждущему человечеству. И действующий корпус обязан многим этому великодушному офицеру.

А в то время, как русский лагерь боролся против неожиданного бедствия и когда трудно было думать о немедленных наступательных действиях, опасность со стороны неприятеля возрастала. Стало мало-помалу выясняться, что падению Карса турки не придавали серьезного значения, настолько важного, чтобы оно могло обнаружить слишком большое влияние на дальнейший ход военных действий, и всю вину за него слагали на Эмин-пашу, сдавшего крепость. Действительно, из бумаг, найденных у карсского коменданта, было ясно, что в Арзеруме слишком поздно узнали о движении Паскевича из Гумров, но из них же было видно, что при первом известии о близкой опасности Киос-паша, пренебрегая всеми затруднениями своего положения, без достаточного числа артиллерии и продовольствия, покинув в горах обозы и тяжести, только с четырьмя орудиями и лучшими войсками бросился к Карсу. С пути он известил Эмин-пашу, что 23 июня будут под стенами крепости и что из самых отдаленных округов арзерумского пашалыка – из Ахалцихе, Лазистана и даже из Трапезунда – идут значительные силы. Киос-паша сдержал свое обещание. Карс капитулировал в десять часов утра, а к одиннадцати турецкий корпус уже мог быть на месте битвы.

Приближаясь форсированным маршем, Киос-паша слышал постепенно усиливавшуюся пальбу, и роковое известие о падении Карса застало его всего в пяти верстах от Кичик-Кевского лагеря. Тогда Киос-паша остановился и отошел к Ардагану. Таким образом, продержись Эмин-паша в цитадели лишний час, и русские штурмующие колонны имели бы в тылу у себя двадцатитысячный турецкий корпус.

Все эти обстоятельства бросали сильную тень на деятельность карсского коменданта; пошли разные слухи, обвинявшие его то в чрезвычайном малодушии, то прямо в измене. Слухи эти находили пищу уже в самой личности Эмина. Некогда простой мулла в селении Тегиш, он получил пашалык только вследствие протекции и больших связей, которые имел в Цареграде. Однако звание двухбунчужного паши не принесло ему ни знатности происхождения, ни военных талантов, ни образования, и Эмин по-прежнему оставался тупым и слабодушным человеком. “Звук оружия слишком сотрясал его нервы, – говорит о нем Муравьев, – и слабый Эмин вовсе не был похож на правителя области, а тем более на предводителя войск”.

И теперь сдача Карса приписывалась турками не силе русского оружия, а только обидной случайности, результату крайней неспособности Эмина. Распространился даже слух, что паша сдал цитадель, подкупленный Паскевичем, и это предположение удержалось в народе до наших дней. Конечно, это говорилось теми, кто не видал, с каким упорством, особенно в Армянском предместье, дрались турецкие солдаты, уступая каждый шаг земли только облитым своей и русской кровью, кто не хотел понять, что с того момента, как русские ворвались в крепость, в турецких войсках и в жителях должна была произойти неминуемая паника – ее вызывало все: и ожидание в городе общей резни, и измена армян, и вид пушек и штыков, железным кольцом охватывавших цитадель и грозивших разнести ее по камням прежде, чем подоспеет какая-нибудь помощь. Но падение Карса было так неожиданно быстро и так невероятно для турок, что слух о подкупе упорно держался, несмотря на то соображение, что если сам Эмин и мог соблазниться значительной суммой денег, то

невероятно, чтобы эта ничтожная и малоспособная личность могла побудить к сдаче крепости и весь гарнизон ее.

Так или иначе, но значение карсского штурма в умах турок было ослаблено всеми этими обстоятельствами до последней степени; и чем больше обвинений сыпалось на голову Эмин-паши, тем большие надежды возлагались на Киоса, к которому тем временем все подходили и подходили подкрепления. Население, поставленное войной в необходимость волей или неволей служить сильнейшей стороне, приняло таким образом весть о сдаче Карса с двумя противоположными чувствами: одни, пораженные страхом, спешили покориться русским, другие дышали еще большим мщением и всеми силами готовы были помогать Киос-паше. Весть о чумной заразе, связавшей русскую армию, также должна была сыграть в этом смысле видную роль, ободряя турок. Паскевич стоял теперь среди враждебного населения, не имея даже возможности добыть достоверные сведения о намерениях неприятеля. Малочисленному и зачумленному русскому корпусу со всех сторон грозила опасность.

К счастью, Киос-паша бездействовал. Не решившись без артиллерии и боевых запасов в день карсского штурма тотчас же идти на приступ, чтобы силою вырвать у русских занятый ими город, он стоял в Ардагане, заботясь исключительно о прикрытии этого важного пункта, в том предположении, что русские пойдут на Ахалцихе. Между тем Паскевич, со своей стороны, тотчас после взятия Карса, отрядил генерал-майора Муравьева с четырьмя батальонами гренадерской бригады, частью казаков и десятью орудиями, чтобы собрать точные сведения о местопребывании турецкой армии. Но едва этот отряд вышел из лагеря, как Киос-паша получил известие о мнимом движении всего русского корпуса к югу, на Арзерум, стоявший теперь совершенно открытым, и в тот же день быстро ушел назад, за Саганлугские горы. Движение это было так спешно, что турецкая пехота сделала в один переход более шестидесяти верст и остановилась только у Гассан-Кале, верстах в тридцати от столицы. Легкие кавалерийские партии, высланные Муравьевым к Ардагану, нигде не встретили неприятеля. И в то время, как Муравьев, вернувшийся с рекогносцировки 1 июня, нашел весь русский лагерь окруженным карантинной цепью, неприятель уже был далеко, в противоположной стороне от Ахалцихе.

Эти ошибки и бездействие турецкого военачальника дали русскому корпусу возможность оправиться. Чума затихла, и Паскевич приказал готовиться к новому походу. О наступлении на Арзерум, однако, нечего было и думать. Нужно было прежде всего озаботиться защитой Карса, а потому три полка: Крымский пехотный, тридцать девятый и сороковой егерские, с двумя казачьими полками и двенадцатью орудиями, под начальством генерал-майора Берхмана, оставались в его гарнизоне. А за их отделением в действующем корпусе насчитывалось всего девять батальонов пехоты, шесть конных полков и сорок восемь орудий – силы слишком ничтожные не только для похода на Арзерум, но и для стоящего на очереди завоевания Ахалцихе, с покорением которого сопряжено было главным образом спокойствие Грузии. Паскевич потребовал, чтобы все мелкие резервы, какие только можно было взять без крайнего ослабления пограничной защиты, направились бы к нему частью через Кулали, а частью через Караван-Сарайский перевал, рассчитывая встретиться с ними уже в Ахалцихской области.

От Карса на Ахалцихе лежали две дороги: одна через Ардаган, другая через Ахалкалаки. Чтобы держаться ближе к русской границе и сблизиться со своими резервами, Паскевич предпочел последний путь. К тому же дорога, ведущая к Ахалкалакам, прикрыта слева Чалдырским озером, и малочисленный русский корпус мог свободно следовать по ней, не подвергаясь фланговым нападениям. Самое покорение Ахалкалаков доставляло уже большие выгоды по его стратегическому положению, так как крепость стоит на соединении двух дорог, идущих из Грузии к Ахалциху.

Чтобы скрыть от неприятеля свои намерения, Паскевич подвинул 12 июля весь действующий корпус на один переход по Арзерумской дороге и стал у селения Текме. К вечеру передовые пикеты его открыли конные неприятельские партии, которые поспешно скрылись. Это были разъезды Киос Магомет-паши, перешедшего опять в наступление. Однако весть о появлении русских до того смутила турецкого главнокомандующего, что войска его быстро отступили опять к Арзеруму.

Паскевич также возвратился назад, оставив на позиции только заслон из войск карсского гарнизона.

Вернувшись из Текме, войска не застали уже своего вагенбурга, который, под прикрытием батальона пехоты, еще накануне выступил по дороге к Ахалкалакам. Вслед за ним, 17 числа, двинулся туда же и весь действующий корпус. Перед выступлением к Паскевичу явилась депутация от Карса и в душевных словах выразила главнокомандующему благодарность за мирное обращение с жителями, депутаты ручались, что и во время отсутствия войск тишина и порядок в крае не будут нарушены.

Корпус ночевал при Займе и на следующий день, миновав несколько опустевших селений, догнал свой вагенбург у деревни Кюмбет. Крутой спуск к реке Каны-чай задержал здесь обозы на целые сутки, и, чтобы дать им время стянуться, войскам пришлось 19 числа сделать дневку. За Каны-Чаем начинаются первые высоты Чалдырского хребта, и войска разбили свой лагерь в прекрасной глубокой долине, на берегу обширного Чалдырского озера. Озеро это, имеющее длину семнадцать, а в ширину четырнадцать верст, очаровывает взгляд своей красотой. На островах и по берегам его прежде существовали, как говорят предания, многочисленные христианские обители, но ныне не только монастырей, но даже и самих островов уже не видно на поверхности озера. Только народные легенды, да одна сохранившаяся на северной стороне развалина свидетельствуют о бывшем здесь когда-то населении. Самое название Чалдыр значит “Бескровный” и дано озеру потому, что никто не помнил на нем какого-нибудь несчастного случая. “Необыкновенное изобилие рыбы, студеная вода от множества родников, расположившихся по дну озера, отличная высокая трава и красота местоположения,— говорит очевидец, участник похода,— представляли роскошь, редко встречаемую в трудных азиатских походах”.

Здесь случилось одно обстоятельство, не имевшее прямого отношения к военным действиям, но произведшее в отряде на всех глубокое впечатление, как живое свидетельство пекущегося о людях Божьего промысла. Когда в русском лагере уже все затихло, и только оклики часовых нарушали безмолвие ночи, на аванпосты явились два казака, бежавшие из турецкого плена. Их тотчас доставили в ставку Паскевича, и они рассказали о своих похождениих следующее.

Еще в самом начале войны несколько донских казаков посланы были с бумагами из Эривани в Гумры и на Абарани наткнулись на шайку блуждавших карапахов. Часть донцов была перебита, а эти двое взяты в плен и проданы в Карсе за четыре рубля какому-то аджарскому беку. Бек увез их с собою в такую далекую и глухую сторону, которой даже названия казаки не могли припомнить. Жилось им в плену не особенно дурно, но казаки только гадали и думали, как бы вернуться к своим. И вот, как только грозная весть о падении Карса облетела край и заглянула в их отдаленный угол, они решились бежать. В ту же ночь выкрали они из конюшни бека двух лучших его жеребцов и пустились скакать наудачу, не зная даже, в каком направлении Карс и куда приведет их дорога. Днем, опасаясь встреч, они укрывались в пещерах, а ночью ехали, придерживаясь скалистого берега Куры, и часто по таким местам, где жители даже днем едва отыскивают тропы. Три дня казаки ничего не ели, на четвертый, совершенно истощенные голодом и потерявшие всякую надежду на спасение, они случайно вышли к Чалдырскому озеру и, пробираясь по его берегам, услышали оклик

русского пикета. Провидение указало им путь и само привело их к русскому стану. Паскевич приказал дать казакам лошадей, оружие и щедро одарил их деньгами.

С рассветом 20 числа корпус двинулся дальше. Дорога, то поднимавшаяся на крутые, почти отвесные утесы Чалдырского хребта, то сбегавшая вниз в глубокие пропасти, становилась час от часу труднее. Колесного пути не было вовсе, обозы приходилось тащить на руках и назначить к ним в помощь посменно целые батальоны. В некоторых местах, чтобы расширить дорогу только на одну повозку, приходилось рвать порохом огромные каменные скалы; в других встречались болота, пересекаемые множеством источников, и приходилось устраивать перекидные мосты, а для этого саперам нужно было тащить с собою громадные бревна и доски. Остановки являлись почти на каждом шагу. Тем не менее войска хотя медленно, но упорно подвигались вперед и 21 июля ночевали уже на вершине Гек-Дага, высочайшем отроге Чалдырских гор. Здесь еще царила зима. Вечерняя роса, падавшая на землю, к утру замерзала, и войска в июле ночевали в обледенелых палатках.

Густой туман все время покрывал вершины безлесных гор и своими волнами, клубившимися по каменистым скатам, скрывал от глаз даже ближайшие окрестности.

Костров развести было нечем, и солдаты, кутаясь в свои истертые шинели, дрожали от холода.

Наконец прошла эта тяжелая ночь. Взошедшее солнце рассеяло туман, и с вершин Гек-Дага перед войсками, в туманной дали обширной равнины, забелели стены Ахалкалакской крепости. Это были те самые Ахалкалаки, с которыми у каждого, служившего в то время на Кавказе, соединялось так много боевых воспоминаний. Невольно восставали картины минувших дней: и страшный штурм Гудовича, бесплодно положившего на этих серых стенах большую часть своего храброго корпуса, и блистательный разгром турецких и персидских полчищ, три года спустя, отважным Лисаневичем, товарищем и другом Котляревского, и взятие Ахалкалаков самим Котляревским с одним Грузинским полком, Георгиевские знамена которого, живые памятники славного боя, гордо развевались теперь, по прошествии семнадцати лет, опять перед теми же самыми стенами.

Спустившись с гор, отряд ночевал в этот день в селении Гендары. Неприятель до сих пор нигде не показывался, но перед вечером конная партия, человек в четыреста, проскакала мимо отряда по окрестным высотам – это были карапахи окрестных селений, оставшиеся здесь, чтобы наблюдать за русским корпусом. Казаки, склонив наперевес свои пики, пустились было их преследовать, но горные, привычные кони карапахов быстро унесли их из виду и казаки вернулись с пустыми руками.

Ночь прошла спокойно. 23 июля, пока переправлялись через небольшую речку Гендер-Су, Паскевич с частью авангарда лично произвел рекогносцировку крепости. На обширной равнине, у подошвы Чалдырских гор, там, где слияние двух рек – Топорвань-Чай и Гендар-Су – образует острый мыс, доступный только с юга, стоят Ахалкалаки. Некогда окруженные предместьями, а потому многолюдные, Ахалкалаки, во времена Паскевича, представляли только груды развалин, едва вмещавшие в стенах своих одну мечеть и до сорока бедных ничтожных саклей. Самая крепость была окружена высокой каменной стеной с бойницами и башнями, но не имела рвов, которые заменялись с двух сторон гигантскими утесами обеих рек. Трое ворот вели из крепости на север, запад и юг; они имели фланговую оборону, были окованы железом и завалены с обеих сторон большими камнями. Выхода из крепости не было никакого. Внутри Ахалкалаков, в юго-восточной части их, возвышалась цитадель с обороной в два яруса, а вне крепости, в самом углу, где сливались реки, были видны следы большого форштадта. Говорят, что именно это-то предместье и было уничтожено Гудовичем, который заплатил за то ахалкалакскому гарнизону двумя полевыми пушками и жизнью тысячи двухсот солдат. Это обстоятельство служило до позднейших времен предметом достославных воспоминаний и гордости для каждого местного жителя. В

то время, когда подошел Паскевич, на месте этого богатого форштадта лежал обширный пустырь, и только развалины христианской церкви, да минарет – немые свидетели совместной жизни двух иноверных народов – одни указывали на кипевшую здесь некогда жизнь.

Самая крепость представляла вид такого запустения, что, казалось, неприятель давно ее покинул. Более часа русские конные патрули разъезжали под стенами, ближе чем на ружейный выстрел, и гарнизон ничем не обнаруживал своего присутствия. Но едва показались русские колонны, как в углу одного из бастионов вдруг развернулось турецкое знамя, и пестрые значки, как по сигналу, сразу заколыхались на крепостном валу, а между зубцами стен, возле орудий, стали показываться люди. Но эти люди, бесстрастно смотревшие на подходившие к ним войска, скорее были похожи на мирных жителей, чем на воинов, бесповоротно обречших себя на защиту и гибель. Такое впечатление произвел на всех наружный вид Ахалкалаков. Чиновник дипломатической части Сахно-Устимович и майор Беренс, по приказанию Паскевича, отправились к коменданту крепости с требованием сдачи. В крепость их, однако, не впустили, а четверо вооруженных турок явились на стене и повели переговоры. Через несколько минут посланные вернулись назад и, к удивлению всех, передали Паскевичу следующий гордый ответ гарнизона.

“Мы не эриванские и не карсские жители – мы ахалкалакцы; с нами нет ни жен, ни имущества, мы умрем на стенах, но не сдадим крепости. Исстари ведется пословица, что один карсский бьет трех эриванских, а двое карсских не стоят одного ахалкалакца”.

Еще ранее был слух, что в Ахалкалаках засела тысяча отчаянных турок, которые не выйдут из-за стен в открытое поле, а станут драться только на штурме, и драться насмерть. Этот слух теперь подтвердился. Паскевич, не желая рисковать потерями, решил покорить крепость не штурмом, а правильной осадой и бомбардированием.

Выгоднейшим пунктом для постановки батарей, бесспорно, был левый берег Гендар-Су, господствовавший над крепостью. Отсюда штурмовал Гудович, и здесь же, в трех с половиной верстах от города, расположился теперь и корпус графа Паскевича.

Как только наступила ночь, колонна, под начальством генерала Королькова, тихо приблизилась к крепости. Батальон сорок второго егерского полка и рота пионер немедленно приступили к заложению осадной батареи. Другой батальон того же полка, с двумя легкими орудиями, составил прикрытия. На случай вылазки отряжены были на правый берег Гендар-Су дивизион Нижегородского драгунского полка, сотня линейных казаков и два орудия. Другой дивизион драгун, также с двумя орудиями, поставлен был в двух верстах от лагеря, на дороге, ведущей в Ардаган из ближних деревень, откуда могли показаться неприятельские партии.

Как ни тихо производились работы, но движение, гул голосов и стук артиллерии возбуждали внимание турок. Гарнизон открыл ружейный огонь. Ему не отвечали, и пальба скоро затихла. Генералы князь Вадбольский барон Остен-Сакен, Гилленшмит и полковник Бурцев, опять назначенный траншей-майором, всю ночь оставались на работах. В четыре часа утра две батареи, наскоро сложенные из мешков, насыпанных землею, были окончены. На одной из них, в ста семидесяти саженьях от крепости, установили две двухпудовые мортиры, восемь батарейных и два легких орудия. В нескольких саженьях впереди нее стала другая батарея на шесть кегорновых мортирок, под командой одного из лучших артиллерийских офицеров подпоручика Крупенникова. А на крепостной стене все еще горели огни, и все еще осажденные стояли под ружьем, ожидая нечаянного приступа.

С появлением зари, когда по обычаю мусульман раздался с минарета утренний возглас муллы, в крепости началось всеобщее пение, продолжавшееся более часа. Турки, твердые в своем намерении умереть с оружием в руках, с вечера надели белые рубахи, как обреченные на гибель, и теперь спешили приготовиться молитвой к решительному часу. Их не тревожили. “Картина молитвы, – говорит один очевидец, – столь умирительная на поле битвы,

совершалась перед нашими глазами, и усердные напевы Корана весьма явственно были слышны на батарее”. Как только замолкло пение, из цитадели сверкнул пушечный огонь, загремел выстрел, и первое турецкое ядро врылось в парапет батареи; второй выстрел – и неприятельская бомба, ударившись в пороховой погреб, пробила его крышу. Страшная катастрофа грозила батарее полным разрушением. Все затаили дыхание, но в этот момент два фейерверкера первой батарейной роты двадцатой артиллерийской бригады бросились внутрь погреба и выбросили бомбу прежде, чем она успела разорваться. Тогда восемнадцать русских орудий открыли в ответ жестокий огонь по крепости, и через полчаса неприятельская артиллерия уже замолчала, зубцы почти со всех башен были сбиты, цитадель повреждена, стены во многих местах обрушились. Осажденные, не находя возможным держаться на валу, укрылись в казематах, и на стене осталось только несколько человек, которые отчаянно махали руками и делали знаки, как бы желая вступить в переговоры. Огонь прекратился. Сотник сборного линейного казачьего полка Обухов подъехал к воротам с несколькими казаками. Вдруг со стены грохнул предательский залп, и Обухов пал, смертельно пораженный несколькими пулями. Казаки отскочили назад, едва успев подхватить тело своего офицера. Снова разгорелась канонада. Четыре батарейные орудия, вызванные из резерва, переправились на правый берег Гендар-Су и развернулись против цитадели, два легкие орудия, продвинутые еще вперед, под прикрытием батальона ширванцев, стали бить по крепостным воротам. Нет никакого сомнения, что храбрые ахалкалакские турки сумели бы умереть на штурме, но выдержать адского огня артиллерии они не могли, очевидно, они совсем не ожидали подобного образа действий и только напрасно запаслись множеством истребительных средств, готовых обрушиться на головы русских я минуту, когда солдаты ползут на стены. Один очевидец рассказывает, что наверху, между зубцами стен, вмазаны были особые остроконечные камни, и к ним на ремнях привешены громадные бревна, перекинутые наружу, так что стоило только перерезать ремни – и эти бревна раздавили бы штурмующих. Но все эти средства – и толстые бревна, и огромные камни, и котлы с кипящей водой – оказались теперь бесполезными. Надежда ахалкалакцев, что если они и уступят победу, то обольют стены своей старой крепости русской кровью, что каждый из них продаст свою жизнь дорогой ценою, исчезла. Десятками ложились осажденные под тучей русских снарядов, не имея и того утешения, чтобы видеть смерть свою отомщенной смертью хоть одного гяура: крепостные пушки их молчали, ружейные пули не достигали русских. И дух защитников поколебался.

Заметив смятение, все более и более усиливавшееся в крепости, командир Ширванского полка полковник Бородин послал еще раз потребовать сдачи. Еще раз русские батареи прекратили огонь. Но в ту минуту, когда покорность турок казалась уже близкой, на площади появился Фархад-бек, начальник гарнизона, и напомнил защитникам клятву умереть с оружием в руках. Общий крик и ружейный залп, направленный в сторону русских, послужил ему единодушным ответом. Но это был уже последний порыв, последний подъем нравственного духа. Едва опять открыли огонь, и новая туча свинца и чугуна осыпала город, как часть гарнизона бросилась бежать, спускаясь с высоких стен по веревкам в лошину реки Топорвани. Ширванский батальон, быстро обогнув крепость, тотчас вошел в ту же долину: две роты бросились преследовать бежавших, а остальные готовились идти на приступ. Рассказывают, что в тот момент, когда солдаты, не имевшие штурмовых лестниц, приостановились, осматриваясь, как бы взобраться на стены, один барабанщик первый увидел висевшие веревки, которые в суматохе турки не успели убрать за собою; по этим веревкам он вскарабкался на стену и там ударил тревогу. Его моментально убили, но путь уже был проложен. Барон Остен-Сакен, полковник Бородин и за ними две роты ширванцев, подсаживая друг друга, по тем же веревкам быстро взобрались на стены. И едва знамя Ширванского полка развернулось по валу, остаток гарнизона, запершийся в цитадели, сложил оружие. Комен-

данта крепости, Фархад-бека, уже там не было: он бежал вместе с другими; в плен сдался областной ахалкалакский начальник Мута-бек, шестнадцать офицеров, десять байрактаров⁴ и до трехсот нижних чинов. Трофеями русских в крепости были четырнадцать орудий и тринадцать знамен, из которых шесть были отбиты ширванцами, а семь сданы гарнизоном вместе с оружием.

Из бежавших защитников Ахалкалаков почти никто не спасся. Одни из них долго защищались против пехоты в тесном ущелье реки, среди разбросанных камней, и, потеряв четыре знамени, были истреблены ширванцами. Другие, успевшие перебраться далее, были настигнуты Нижегородским дивизионом, Донским полком и линейными казаками в глубоких теснинах реки Ахалкалаки. Здесь был убит сам Фархад-бек, отнято еще четыре знамени и изрублено до четырехсот турок. Пленных не было. Так жестоко мстили линейцы за вероломное убийство их офицера.

С русской стороны, кроме убитого сотника Обухова, ранен инженер путей сообщения поручик Мельников и выбыло из строя тринадцать нижних чинов.

Едва крепость была взята, как со стороны Ардагана показалась неприятельская конница. Потом узнали, что она была послана Киос-пашой для усиления полутора тысяч лазов, назначенных в ахалкалакский гарнизон и уже приближавшихся к крепости. Против нее немедленно выслана была часть кавалерии, но турки, заметив, что крепость уже пала, поспешно отступили в горы.

Вообще, нельзя не сказать, что сераскир безрасчетно пожертвовал ахалкалакским гарнизоном. Гораздо полезнее бы было взорвать старую крепость, а тысячу храбрых защитников перевести в Ахалцихе, столь важный для турок во всех отношениях.

С военной точки зрения, взятие Ахалкалаков являет некоторые обстоятельства, достойные особого внимания. Можно отдавать справедливость мужественной решимости ахалкалакского гарнизона, но не следует, как это делают многие, преувеличивать значение подвига и выставлять его образцом героизма. Не надо забывать, что это были люди, выросшие среди опасностей, жившие разбоями и приученные годами считать Ахалкалаки своим родным гнездом. Защищать их, следовательно, им было естественно. Но от слова до дела далеко, и в последнюю минуту им все-таки не достало решимости умереть под развалинами этого родного гнезда. Одни из них искали спасения в бегстве, другие сложили оружие. Настоящими героями этого дня, напротив, были те две ширванские роты, которые, не задумываясь о том, что ждет их впереди, смело ворвались в крепость. В обеих ротах не было более двухсот-двухсот пятидесяти штыков, а на какую-нибудь помощь извне им рассчитывать уже было нечего. Ближайшие резервы находились от них в двух-трех верстах, да если бы они и подоспели скоро, то пока солдаты нашли бы средства взобраться без помощи лестниц на стены, ширванцы сто раз могли бы погибнуть все до последнего человека. Вступая в крепость, никто не знал, в каких именно силах найдут неприятеля, но все знали, что этот неприятель поклялся умереть с оружием в руках, и потому все рассчитывали не на безмолвную сдачу, а на упорный и кровавый бой. И если бы даже те триста турок, которые положили оружие, пошли бы в кинжалы и шашки, Ахалкалаки, конечно, все-таки были бы взяты, но не многим ширванцам пришлось бы вместе с другими торжествовать победу. Надо было много решимости, холодного героизма, уверенности в самих себе, чтобы отважиться на такое рискованное дело. Так именно и взглянул на него император Николай Павлович, сумевший увидеть в этом порыве проявление высшей военной доблести. Полковнику Бородину пожалован был орден св. Георгия 3-ей степени⁵; Сакену – алмазные знаки ордена св. Анны 1-ой степени; Паскевич назначен шефом Ширванского пехотного полка. “Я назначаю вас, – говорилось в рескрипте

⁴ Знаменщиков.

⁵ Награда эта не застала Бородина в живых – 15 августа он был убит на штурм Ахалцихе.

на имя, Паскевича, – шефом Ширванского полка, который более всех ознаменовал себя под вашим начальством”. В то же время государь писал из-под Варны барону Дибичу: “Наш храбрый Паскевич опять одержал блестящие успехи: Ахалкалаки взяты штурмом одним батальоном Ширванского полка... Я дал Ширванский полк Паскевичу – они достойны друг друга”.

Покорение Ахалкалаков, успокоив пограничную часть Самхетии, вместе с тем открывало русскому корпусу путь и в Ахалцихе. На полдороге туда стояла еще крепость, важная по тому положению, которое она занимала в пункте, где сходятся дороги из Ахалкалаков, Ахалцихе и Ардагана. Эта крепость – Хертвис. Покорение ее было необходимо уже для того, чтобы хлеботородный Ахалкалакский санджак открыл изобильные средства для продовольствия русского войска.

От Ахалкалаков до Хертвиса всего двадцать пять верст. Собраны были о нем подробные сведения. Крепость стояла на правом берегу речки Ахалкалак-Чай, при самом впадении ее в Куру, там, где эта река, рассекая высокую горную отрасль Цихеджваре, образует глубокое ущелье. Скалистые берега обеих рек возвышаются здесь саженей на двести и делают приближение к Хертвису возможным не иначе, как только налегке, без обозов. Дорога, входя в ущелье, на протяжении двух верст находится под выстрелами цитадели, а эти две версты нужно проходить растянувшись в нитку и разрабатывая дорогу для артиллерии взрывами огромных камней. Существовали и другие пути, но те были еще хуже и годились только для выюков.

Крепость не играла значительной роли в качестве крепкого опорного пункта; ее стены не превышали одной или полутора саженей, а башни были неудобны для помещения в них артиллерии; но зато цитадель, стоявшая на громадной скале, была неприступна.

Двухсотенный гарнизон мог обороняться в ней долго и упорно. В самой крепости помешались только мечеть, казармы, да двадцать-тридцать жалких строений. Все остальное население жило в форштадтах, примыкавших к крепостной стене с севера и юга; здесь было от восьмидесяти до ста домов, мечеть, синагога и обширные сады, славившиеся во всем Ахалцихском пашалыке, каждый дом и каждый забор были снабжены бойницами. Несмотря на эту наружность, поражающую своей боевой обстановкой, местное население было, однако, мало воинственно; оно состояло из турок, грузин, армян, евреев, и, может быть, именно вследствие такого смешения вер и народностей, самые турки не отличались здесь тем непримиримым фанатизмом, как, например, в Ахалцихе.

И крепость действительно не оказала никакого сопротивления.

На третий день после взятия Ахалкалаков, утром 26 июля, значительный русский отряд двинулся для покорения Хертвиса. В этом отряде была гренадерская бригада, сводный кавалерийский полк (два эскадрона драгун и два улан), полк казаков, двадцать орудий и двести человек татарской конницы, только еще накануне прибывшей в состав действующего корпуса. Начальство над отрядом Паскевич поручил начальнику штаба генерал-майору барону Остен-Сакену.

Пройдя от Ахалкалаков верст десять, пехота сделала привал. Кавалерия, налегке, с одними казачьими орудиями, пошла вперед, гоня перед собою конные неприятельские разъезды. Скоро показался и Хертвис, весь окруженный густой зеленью своих садов. Кавалерия остановилась. С ближайших возвышений ей было видно, какие замешательство и суматоха происходили в форштадтах. Еще накануне, в ночь на 25 июня, жители приведены были в ужас рассказами тех немногих беглецов, которые успели спастись из Ахалкалаков, и теперь, при внезапном появлении русского войска, они, не полагаясь уже на неприступность своей цитадели, толпами бросились спасаться в горы. Полковник Раевский с татарской конницей пустился наперерез бегущим. Татары в погоне рассыпались, а Раевский, пробираясь в извилистом ущелье, по едва заметным тропам, с конвоем из двадцати татар, внезапно на одном

повороте очутился под самыми стенами Хертвиса. Не раздумывая долго, он поднял белый платок и послал к коменданту требовать сдачи. Ворота крепости растворились, и Раевский занял цитадель со своими двадцатью татарами. Хертвис сдался без выстрела, тринадцать пушек и одна мортира поступили в число русских трофеев.

Занятие Хертвиса представляло для судьбы дальнейшей войны две важные выгоды. Во-первых, оно пересекало прямое сообщение по долине Куры между Ахалцихе и Ардаганом, и потому все турецкие подкрепления, направляемые с той стороны, должны были или проходить под самыми выстрелами крепости, или следовать окружными, весьма неудобными путями, по глубоким поперечным оврагам. А во-вторых, все жители населенной и обработанной долины Куры, загнанные страхом войны в далекие ущелья, теперь стали возвращаться в свои дома, приступили к уборке хлеба и стали доставлять его в русский лагерь. Таким образом в Хертвисе, под охраной небольшого гарнизона, явилась возможность устроить значительные склады продовольствия.

В то время, как Раевский овладел Хертвисом, русский лагерь все еще стоял под Ахалкалаками, куда стали теперь подходить резервы из Грузии. Прибыли две роты херсонских гренадер, взятые из Цалки, пришли из Манглиса и Гумров батальон эриванцев и две роты Козловского полка, а из Башкичета – сводный батальон сорок первого егерского полка с двумя легкими орудиями двадцать первой артиллерийской бригады, еще ранее их явились двести пятьдесят донских казаков и двести всадников-татар из Борчалинской дистанции. Действующий корпус увеличился на две тысячи триста штыков.

Новые успехи русского оружия были отпразднованы 30 июля благодарственным молебствием. Перед войсками прочитан был приказ главнокомандующего, заканчивавшийся словами: “Еще несколько дней – и мы явимся под стенами Ахалцихе, одной из важнейших крепостей азиатской Турции. Да поможет нам Бог!”

Осада Ахалцихе, к которой готовился Паскевич, являлась предприятием отважным, так как все доходившие сведения удостоверяли в том, что русский корпус встретит там продолжительные труды и битвы. Сам Паскевич доносил государю, что Ахалцихе готовится к упорной защите, что более десяти тысяч человек уже собраны в крепость и ожидают туда же прибытия самого арзерумского сераскира с сорокатысячной армией. Но ни сомнений, ни колебаний не было в русском корпусе, и войска, с верой в помощь Божью, готовились и к трудам и к битвам.

На горизонте Ахалцихе собирались грозные военные тучи.

VII. НАСТУПЛЕНИЕ К АХАЛЦИХЕ

К концу июля 1828 года перед действующим корпусом выдвигалась обстоятельством трудная задача, от решения которой зависела вся дальнейшая судьба войны. Позади был уже ряд совершенных подвигов: перед мужеством войск склонился неприступный Карс, пали Ахалкалаки сдался Хертвис; но впереди лежало неизвестное будущее, – там, вдали, грозный Ахалц, исконное гнездо разбойничьего племени, как древний сфинкс, загадочно обращал свое воинственное лицо, требуя немедленной разгадки предложенной им задачи или грозя истреблением.

Как ни испытанно было мужество кавказских войск, как ни был поднят дух их предшествовавшими славными делами, но покорение Ахалцихе едва ли не превышало силы малочисленного восьмидесяти тысяч русского корпуса, по крайней мере оно обещало ему чрезвычайные трудности. Вечная угроза Грузии, Ахалцихе по-турецки Ахизка, то есть “сильная крепость”, сам по себе был почти неприступен. Он стоял на высоком утесистом берегу Ахалцихе-Чая, окруженный страной, носившей на себе печать вековой борьбы и доказательства мощи того смешанного племени, которое образовалось и смогло в ней укрепиться. Пашалык, имевший до ста сорока тысяч жителей, вмещал в себе двадцать четыре санджака – в пять раз более, чем пашалык Карсский. На всем протяжении его, повсюду были следы существования здесь гораздо значительнейшего христианского населения, которое должно было сойти со сцены жизни и уступить ее в этом крае более сильным: развалины замков чередуются там с разрушенными деревнями и опустелыми полями, заросшими дикой растительностью.

История гласит, что руины башен, остатки христианских церквей и владельческих замков – памятники тесной связи судеб этого маленького края со злой судьбой иверийского народа. Поныне весь пашалык наполнен именем Тamar-Депотали – царицы Тамары. О ней говорят воображению народа и башни, с давних времен грозно сторожившие с вершин недоступных утесов спокойный сон и безопасность жителей, и обширные тенистые сады в живописном Маргастанском ущелье, недалеко от Ахалкалаков, где были некогда увеселительные дворцы и зверинцы Тамары, и наконец Вардзия, этот поэтический замок легендарной царицы. Самый Ахалцихе, некогда столица Верхней Картли, назывался городом князей, и в нем жили наместники, именовавшиеся тогда атабегами. В развалинах Сафарского монастыря, лежащих в мрачном, уединенном ущелье, в семи или восьми верстах от Ахалцихе любопытный путешественник найдет и теперь многочисленные следы прежнего величия и жизни этих властителей. Каменная ограда, защищавшая когда-то святую обитель, давно развалилась, но за нею и поныне видны остатки дворца атабегов и целый ряд надгробных часовен, служивших им усыпальницами.

Когда Иверия, истощив свои последние силы в борьбе с могучими соседями, стала клониться к упадку, Ахалцихская область от нее отложила, и атабеги провозгласили себя независимыми. Вынужденные этим на борьбу с грузинскими царями, они обратились за помощью к лезгинам, и тогда-то впервые появляются здесь ополчения кавказских горцев. Многие из этих горцев, прельстившись роскошной природой страны, в которую попали случайно, скоро забыли мрачные вершины своего Кавказа и основались в новой земле, где им не возбранялись даже привычные для них набеги на соседние области. Слух о привольной жизни, богатстве и праздности беспечных жителей Ахалцихе стал привлекать сюда удалцов со всего Кавказа, и они-то не только упрочили независимость области, но и развили в природных жителях воинственные свойства, которые скоро сделали имя Ахалцихе известным всей Малой Азии.

Между тем настала эпоха тюркских нашествий. Раздираемая междоусобиями своих феодалов, Грузия не могла оказать противодействия нахлынувшему на нее толпам фанатич-

ных пришельцев, и в конце XVI века турки овладевают Ахалцихской областью. Атабеги еще удерживают власть, но уже с титулом турецких пашей, да и это достоинство покупают ценою измены своей вере и народности. Недолго, однако, пришлось ренегатам управлять страной даже и в этой условной форме. В тридцатых годах семнадцатого столетия, во время кровавой персидско-турецкой войны, персияне овладевают Ахалцихе, турки берут его обратно после двадцатитрехдневной тяжелой осады, и с тех пор турецкий вождь Гассан с потомством своим наследует от грузинских атабегов титул паши ахалцихского. Последняя тень грузинской самостоятельности в этом цветущем и богатом крае пала навеки, и владычество турок прочно утверждается над всей Верхней Картли. Турецкие паши, распространители ислама, стремятся прежде всего обратить в свою веру представителей грузинского дворянства. Последнее не оказалось на высоте своей политической задачи и склонилось перед волею турок. Ради получения пустых знаков внешних отличий, ради корысти и личного благополучия представители древних грузинских дворянских родов оставляли веру своих предков и преклоняли колени перед Кораном.

Совращенный с истинного пути примером своего дворянства, простой народ скоро забыл православные церкви и могилы отцов, покоившихся под сенью христианских храмов. Духовные пастыри, видя вокруг малодушное отречение, обрекали себя на вечное затворничество, удаляясь в пещеры, или безбоязненно отдавали себя в руки изуверов на страшные истязания и смерть. Христианские храмы запустели в вековом безмолвии без пастырей и паствы и обратились в развалины, и лишь величавые остатки их поныне безмолвно, но красноречиво говорят о горькой судьбе обитавшего здесь христианского народа. В Ахалцихской области водворились турецкие порядки; магометанство окончательно вытеснило собою христианскую веру, и память о былом осталась лишь в имени народа, который, будучи мусульманским по вере, называет себя гурджи, да в сохранившихся в чистоте до нашего времени грузинских названиях деревень и местностей.

Эта эпоха борьбы, смут и всеобщего разрушения не могла не отозваться и на составе населения страны. Значительная часть коренных жителей пала под ударами мечей, другая из политических видов была выселена внутрь турецкой империи, и их место заняли инородцы-магометане. И в двадцатых годах нынешнего столетия население Ахалцихского пашалыка состояло из грузин, армян, по преимуществу католиков, аджарцев, лазов, карапахов, курдов и туркмен.

Аджарцы – это те же грузины. Но так как они жили в лесистой и горной стране, то долее других отстаивали свою независимость и более других сохранили у себя стародавние грузинские обычаи. В горных же санджаках, посреди едва проходимых ущелий, обитали лазы, один из древнейших азиатских народов, сохранивший все боевые доблести предков, памятных в истории больших переворотов в Малой Азии. Живя войной и грабежами, лазы чужды того покоя и неги, которым отдаются с такой безмерной страстью обитатели восточных долин; они, напротив, ищут опасностей, не боятся смерти и готовят себя к ней всей своей полудикой и суровой жизнью. В рядах турецких войск они составляют лучшую пехоту, и в этом смысле получили известность во всей Малой Азии, отличаясь меткой стрельбой и умением держаться в горах, на пересеченной местности. Как лазы были замечательны способностью к пешему бою, так карапахи, курды и туркмены представляли отличную легкую конницу. Что же касается потомков тех горных выходцев, которые были известны под общим именем лезгин, то они населяли преимущественно самый Ахалцихе и его окрестности.

По системе, принятой турецким правительством, мусульмане ахалцихской провинции освобождались от всех податей, но зато были обязаны иметь исправное вооружение и по первому требованию являться в поле. Христиане и евреи не участвовали в этих народных ополчениях; они отбывали подать за всех, и, сверх того, платили по червонцу с души на

содержание войска. Таким образом, Ахалцихский пашалык резко отличался от соседнего с ним пашалыка Карсского, где мирное население или вовсе не принимало, или принимало только пассивное участие в обороне родины.

Турки с самого начала увидели выгоду иметь на своей границе такое крепкое гнездо предприимчивых и храбрых людей и старались всеми мерами поддерживать здесь прилив воинственного населения. Сюда и бежало все, что не хотело подчиняться русским порядкам, что искало спасения от кары закона. Отсюда так же, как из Анапы и Поти, высылались беспрестанно мусульманские проповедники, возбуждавшие мятеж среди подвластного России татарского населения и служившие сильнейшим тормозом к утверждению русского владычества за Кавказом. Но зато буйные обитатели Ахалцихского пашалыка знали себе цену и ни во что не ставили турецкое правительство. Народная сила не раз обуздывала неограниченную власть своих беспокойных властителей. Бывали нередко случаи, что когда какой-нибудь аджарский или чалдырский бек приезжал в Ахалцихе на поклон к паше, то последний принимал все военные предосторожности, запирали ворота крепости и усиливал ее гарнизон, так как бека сопровождало обыкновенно несколько сот отчаянных головорезов, имевших к тому же приятелей в городе. При самом свидании происходили весьма оригинальные сцены. По этикету подчиненный бек должен был входить к паше один, оставив свою вооруженную свиту где-нибудь на дворе, но почти всегда десяток или более людей из этой свиты вламывались в приемный покой и молча становились у дверей, не трогаясь с места до конца аудиенции, и паша должен был делать вид, что не замечает их присутствия. Жалобы правителей, тяготившихся таким положением дел, не раз доходили и до султанов, но когда один из них, Ахмет III, желая укротить наконец дерзкую вольницу, послал против нее славного Пеглеван-пашу с двадцатипяти тысячным корпусом, ахалцихская дружина разбила его наголову, и константинопольский двор должен был признать перед нею свое бессилие. Последний султан, преследуя и истребляя янычар повсюду, не смел, однако, коснуться Ахалцихского пашалыка, и эти страшные враги правительства безбоязненно жили там до самого присоединения Ахалцихе к России. Так исторически сложились взаимные отношения между турецким правительством и ахалцихским народом. Султаны, в конце концов, оставили его в покое, довольствуясь добровольным подчинением себе грозного Ахалцихе. Зато и Ахалцихе служил твердым оплотом малоазиатских провинций.

С этими-то воинственными племенами Паскевичу и предстояла теперь кровавая борьба.

Правда, из пяти крепостей в пашалыке две – Ахалкалаки и Хертвис – уже находились в русских руках, но оставались непокоренными еще три: Ацхур, закрывавший вход в Боржомское ущелье, Ардаган, на пути к Арзеруму, и, наконец, самый Ахалцихе гордо хранивший память о том, как девятнадцать лет перед сим он устоял перед напором русской силы, когда подходил к нему сам Тормасов. Событие это утвердило Ахалцихе в мысли, что он никому кроме самого себя покоряться не будет. Ряд поражений, понесенных турецкими войсками в последнее время, не заставил его серьезнее взглянуть на предстоящую ему борьбу, напротив, падение Карса, Ахалкалаков и Хертвиса только подняло гордость его и породило презрение к побежденным. В порыве первой ярости жители выгнали из города своего правителя, военные дарования которого возбуждали сомнение, и послали сказать Киос Магомет-паше, спешившему к ним на помощь: “В наших стенах более десяти тысяч храбрых защитников, и потому мы не нуждаемся в помощи твоих воинов, которых трудно будет продовольствовать, сами выдержим все усилия русских”. И Ахалцихе, уверенный в самом себе, спокойно выжидал прибытия русских войск, которые уже двигались к крепости.

От Ахалкалаков к Ахалцихе вели две дороги: одна окружная в сто шестьдесят верст, удобная для колес и изобильная пастбищами, шла на Ардаган; другая, кратчайшая, имела всего верст шестьдесят, но зато проходила через высокий лесистый хребет Цихеджваре, по

таким местам, где до сих пор не только не проезжало ни одной арбы, но и выючная езда считалась неудобной. Несмотря, однако, на все неудобства и трудности упомянутой дороги, Паскевич избрал именно этот последний путь, так как кратчайшее расстояние давало ему возможность предупредить армию Киос Магомета под Ахалцихе и взять крепость ранее прибытия к ней турецких подкреплений; между тем, двигаясь по дороге через Ардаган, он условно должен был столкнуться с этой армией, и тогда движение к Ахалцихе могло бы быть гарантировано только при условии полного поражения Киоса Магомет-паши. В лучшем случае, если бы Паскевич успел захватить Ардаган даже ранее турок, то и тогда пришлось бы оставить в нем сильный гарнизон, то есть раздробить войска, которых и без того было мало.

Правда, последние известия, доставленные лазутчиками, говорили, что главные турецкие силы стоят еще в Саганлугских горах и намерены оттуда двинуться к Карсу, чтобы атаковать эту крепость. Но известия могли быть ложны, да и намерения Киос-паши могли измениться, а расстояние, которое отделяло его от русской армии, было не настолько велико, чтобы помешать ему внезапно явиться перед осажденным Ахалцихе. Ввиду таких соображений поход на Цихеджваре был решен окончательно, и русский корпус выступил из-под Ахалкалаков 2 августа.

Но едва войска сделали один переход, и Цехеджварские горы приняли их в свои грозные каменные объятия, как предусмотрительность Паскевича начала оправдываться: получены были известия, что Киос Магомет-паша, спустившись с Саганлугских гор и оставив Карс в стороне, спешно идет к Ардагану с тем, чтобы предупредить Паскевича под Ахалцихе. Известия эти шли от карапахов. Паскевич тотчас отправил к ним прокламацию, приглашая весь карапахский народ вступить в русское подданство. Карапахи отвечали, что охотно приняли бы такое предложение, если бы не угрожало им прибытие турецких войск, которые идут в числе тридцати тысяч человек, при пятнадцати орудиях. Известие о Киос-паше чрезвычайно усложнило положение русского корпуса и вновь выдвинуло на сцену вопрос о выборе дороги.

Явилось опасение, что турки, заняв Ардаган, вышлют особый отряд преградить прямую горную дорогу к Ахалцихе, а в этом последнем случае малочисленный русский корпус, застигнутый со своими тяжелыми обозами посреди утесистых гор и лесных дефиле, рисковал очутиться в самом невыгодном положении.

Естественно поэтому было подумать, не идти ли сначала на Ардаган, чтобы разбить турок в полевом сражении и отбросить их к Карсу, за твердое положение которого можно было ручаться. С другой стороны, возникали подозрения в верности самих известий: карапахам не трудно было выдумать их, чтобы найти благовидный предлог избежать русской зависимости. А в этом случае, идя на Ардаган, Паскевич бесполезно терял драгоценное время и, действительно, мог дать туркам возможность подоспеть на помощь Ахалцихе. Колесование, однако, продолжалось не долго. При невозможности послать к Ардагану сильные кавалерийские партии, Паскевич решил отправить ночью, для проверки известий, переодетого переводчика капитана Шемир-Беглярова, а корпусу приказал идти напрямик через горы.

Хребет Цихеджваре – поистине один из самых недоступных отрогов Малого Кавказа. Таких гор нет ни в Армении, ни в Грузии. Там, не исключая заоблачного Безобдала, существуют хоть какие-нибудь арбяные дороги, а здесь не было даже выючных. Чтобы отважиться на такой поход, нужно было иметь, действительно, глубокую веру в мощную натуру кавказского солдата. И в военной истории не много найдется примеров, где бы усилия человека до такой степени торжествовали над преградами, воздвигаемыми ему природой. Без путей и дорог прошла русская армия через высокие горы, где ходили лишь тучи, да гуляли вольные ветры, и через дремучие, веками нетронутые леса, где каждый шаг добывался тяжелыми усилиями.

Целая гренадерская бригада, вместе с пионерным батальоном, высланная вперед прямо из Хертвиса, два дня разрабатывала лесную тропу, то лепившуюся по крутым скалам над страшными безднами, то спускавшуюся в такие тущобы, откуда, казалось, не было выхода. По этой-то прорубленной войсками дороге, среди густого леса, тянулась в гору осадная артиллерия и скрипели арбы ее тяжелого и длинного парка. К каждому орудью пришлось назначать по двести человек рабочих; даже легкие повозки, и те тащили на канатах или же подвязывали к их колесам огромные сосновые деревья, которые, волочась по земле, служили тормозами и сдерживали их при спусках. По словам одного очевидца, при одном крутом повороте на спуске, двадцатичетырехфунтовая пушка, вырвавшись из сильных рук ста двадцати гренадеров и опрокинувшись, своей страшной тяжестью исковеркала железные дороги, на которых лежала, раздавила дышловых лошадей и, покотившись вниз, вырвала с корнями две вековые сосны. Испытанная выносливость кавказского солдата не раз подвергалась здесь тяжким испытаниям, но она все превозмогла и вышла победительницей из борьбы с самой природой. Довольно сказать, что по этой ужасной дороге войска в три дня, без роздыха, прошли более шестидесяти верст, и 3 августа, в лучах уже заходившего солнца, перед ними открылся Ахалцихе, подобный орлиному гнезду, висевшему на неприступных утесах.

Авангард, спустившись с гор, стал на правом берегу Куры. За ним постепенно подходили остальные войска.

Невесело, кровавой полосой, захватывавшей собою полгоризонта, спускалось солнце за угрюмые вершины окрестных гор. Вокруг русского стана запылали костры из сухого кустарника и срубленных смолистых сосен, и скоро над ними черными облаками закрутился дым. Утомленные солдаты, в ожидании ужина, дремали; не слышно было ни песен, ни музыки; и только с глухим рокотанием, будившим сонное эхо, падали горные ручьи на дно глубоких оврагов, да на вершинах гор, тихо качаясь, шумел сосновый вековой лес; а из-за леса плавно поднималась молодая луна и кидала робкий свет на тихий сон Кавказского корпуса.

Во всю эту ночь тяжести тянулись еще через горы. Последний обоз и арьергард переместились только под самое утро и нашли русский корпус, уже стоявший лагерем на берегу Куры, в шести верстах от Ахалцихе.

Только здесь явился, наконец, из своей опасной поездки капитан Бегляр; он категорически объявил Паскевичу, что на помощь карапахов рассчитывать невозможно; что Киос-паша уже прошел Ардаган и сегодня, то есть 4 августа, должен быть в Ахалцихе. Отдаленные залпы крепостных орудий не замедлили подтвердить это известие. Было ясно, что турки предупредили русский корпус, что силы и средства их учетверились против тех, которые надеялся найти в Ахалцихе Паскевич, и что теперь придется иметь дело уже не с одним гарнизоном. Положение русских было тем опаснее, что ожидаемые подкрепления еще не пришли, и под Ахалцихе стояло не больше восьми тысяч штыков; эти штыки были ермоловского закала, вернувшиеся из Персии, испробованные в Карсе, но все же их было слишком мало против сорока тысяч отважных людей, прикрытых грозной крепостью. Правда, из Грузии, через Боржомское ущелье, форсированным маршем уже двигались на соединение с Паскевичем шесть рот Херсонского гренадерского полка и полк донских казаков с четырьмя орудиями, но и эти силы прибавили бы к корпусу всего тысячу восемьсот человек, да и прибыть они могли не ранее 7 августа.

К полудню гул пушечных выстрелов, которыми крепость, вероятно, встречала прибывших пашей, смолк. Но в сумерках поднялась сильная ружейная перестрелка за Курой – турки напали на русских фуражиров. Малочисленное прикрытие вовремя, однако, заметило врагов и приняло их огнем и штыками. Чтобы ночью не повторилось тревоги, батальон егерей, под командой подполковника Миклашевского, переправлен был за Куру и на одной из

высот заложил редут. Предосторожность оказалась далеко не лишней, и редут пригодился на следующее же утро.

Наступило 5 августа. Солнце застало Паскевича на высокой горе, откуда он долго и внимательно рассматривал в зрительную трубу окрестности Ахалцихе. Остаться на позиции, не имевшей даже достаточного количества пастбищ, казалось еще опаснее, чем идти вперед, и Паскевич решился подвинуться к городу, чтобы, по крайней мере, иметь за собою большее пространство для фуражировок.

Оставив на прежнем месте вагенбург, под прикрытием сорок второго егерского полка с двенадцатью орудиями, он приказал остальным полкам переправляться на левый берег Куры. Переправа началась в десять часов утра; быстрая вода подходила солдатам подмышки, и тем не менее, под прикрытием поставленного на том берегу редута Миклашевского, войска перешли через реку в стройном порядке. Неприятель, попытавшийся помешать переправе, попал под пушечные выстрелы с редута и, отодвинувшись к городу, расположился на высотах, по обе стороны Ахалцихе-Чая. Русские войска также остановились. Был полдень, солнце палило невыносимо; солдаты составили ружья в козлы и отдыхали под прикрытием густой завесы стрелков. Конные толпы турок дерзко наездничали перед русской цепью, но стрелкам не велено было завязывать боя.

Между тем, осматривая окрестность, Паскевич остановил внимание на высоком холме Таушан-Тапа, который командовал крепостью. Туда и назначено было вести главную атаку. “Если нам удастся овладеть этой высотой,— сказал Паскевич окружившим его генералам,— то лагерь наш будет вполне обеспечен”. В четыре часа пополудни, когда жара заметно спала, колонны стали в ружье и с барабанным боем двинулись вперед. Шестнадцать батарейных орудий рысью выехали на высоту и открыли учащенный огонь по турецким батальонам, стоявшим в поле. Турки отступили; часть их потянулась в крепость, другая на противоположный берег Ахалцихе-Чая. Пока русская кавалерия с конной артиллерией преследовала отступавших, пехота беспрепятственно заняла Таушан-Тапа, лежавший на пушечный выстрел от крепости, и Паскевич тотчас приказал заложить на вершине его редут, чтобы прочно удерживать за собою эту возвышенную позицию. Позади этого холма, на левом же берегу Ахалцихе-Чая, в двух с половиной верстах против восточного фаса города, решено было поставить лагерь, и вагенбургу послано приказание следовать туда же.

Прикрытый со стороны Ахалцихе сильным редутом на высоте Таушан-Тапа, русский лагерь не был, однако, обеспечен с левого фланга. Местность противоположного правого берега Ахалцихе-Чая, измытая оврагами, позволяла туркам делать засады и незаметно подкрадываться почти к самым палаткам. Чтобы избежать этого серьезного неудобства, Паскевич выдвинул на правый берег батальон егерей, с подполковником Миклашевским, приказав ему заложить новый редут так, чтобы преградить дороги, выходящие из гор со стороны небольшой подгорной деревни Марда. На правый же берег отправлен был и сводный кавалерийский полк — из дивизиона драгун и дивизиона улан,— под общей командой полковника Раевского.

Было шесть часов вечера. Неприятельская конница держалась на высотах, примыкающих к городским палисадам, и пряталась в оврагах. Но едва переправа и движение русских обозов к новому лагерю обозначились ясно, как вся масса этой конницы тронулась вперед, по обе стороны Ахалцихе-Чая, и вдруг понеслась в карьер, стараясь с двух сторон прорваться к вагенбургу. Четыре тысячи турок обрушились на правый фланг русской позиции, где стояла батарея под прикрытием Эриванского полка. Встреченные картечью и беглым огнем двух батальонов, они круто повернули влево, чтобы проскакать ложиной, и наткнулись на батальон Грузинского полка, стоявший также с батареей на самой оконечности правого фланга. Два казачьи полка и татарская конница надели на бегущих и взяли знамя.

На левом фланге, за рекой Ахалцихе-Чай, шло, между тем, также жаркое дело. Едва егеря Миклашевского приступили к работам редута, как должны были сомкнуться в каре, чтобы отбить атаку несущейся на них кавалерии. Батальон устоял; но одна атака сменялась другою, и, в конце концов, егеря рисковали быть раздавленными, если бы не помогла удачная стрельба четырех орудий, бывших под командой гвардейской артиллерии поручика Черневского. А тут вскоре подоспел на помощь и батальон Эриванского полка, бегом направленный Паскевичем с правого фланга. Заметив его приближение, неприятель отхлынул от егерей и теперь всей массой обрушился на подходившие сюда же эскадроны Раевского. Завязалось жаркое кавалерийское дело.

Отправленный с места еще при самом начале боя, Раевский взял направление как раз во фланг неприятелю. Однако неровная местность, овраги, крутые подъемы и спуски замедлили несколько движение конницы, и едва головные части ее стали вытягиваться из глубокого, длинного оврага на высоты левого берега, как турки понеслись к ней навстречу. Раевский со своей стороны подал сигнал, и первая линия пошла в атаку. Командир сводного уланского полка полковник Анреп сам вел Серпуховский эскадрон и врезался в густые толпы неприятеля. Весь левый фланг турок был опрокинут и прогнан к Ахалциху. Занятые горячим преследованием, уланы не могли видеть, что делалось позади их, а там совершалась кровавая катастрофа.

Четвертый эскадрон Нижегородского полка, под командой майора Казасси, бросившись вперед одновременно с уланами, смял правое крыло неприятеля, но, увлеченный погоней, занесся слишком далеко и был окружен тысячными толпами турок. Храброму эскадрону приходилось рассчитывать за свое увлечение. Видя, что в конном строю устоять невозможно, драгуны, не теряя мужества, спешили, сомкнулись в кружок и несколько минут держались в таком положении. Но ряды быстро редели, Убитые кони расстраивали круг, оборона слабела, и эскадрон, держа в поводу лошадей, медленно стал отодвигаться назад, теснимый толпами неприятеля. Только одна минута колебания – и гибель стала бы неизбежной. Но колебания не было. Бегом подоспел сюда батальон Миклашевского, во весь опор прискакал со второй линии третий эскадрон Нижегородского полка, с подполковником Андрониковым, и картина боя мгновенно изменилась. Освобожденный от натиска, эскадрон Казасси быстро сел на коней, и оба эскадрона разом ринулись на массу конных турок. Недолог, но упорен был бой. Все перемешалось в одну общую кучу. Не было счета героическим подвигам одиночных драгун, с редким самоотвержением выручавших друг друга в этой неравной сече. Прапорщики Петренко и князь Чавчавадзе (Язон) пробились почти до самых знамен, увлекая за собой эскадроны. Лошадь под Чавчавадзе изранена, переменить ее было некогда, и он рубится на ослабевшем, покрытом кровью коне, рискуя ежеминутно, что не выдержит добрый карабахский конь и рухнет вместе со всадником наземь, под конские копыта... Вот толпа конных турок навалилась на прапорщика Буткевича. Издали видно только, как, сверкая на солнце, поднимаются и опускаются вражеские сабли. Рядовой Макаров (из разжалованных) бросается к нему на помощь; он уложил двух-трех турок, но не спас своего офицера и вынес только изрубленное тело его. В другом месте какой-то отчаянный турецкий наездник, врезавшийся в ряды эскадрона, крушит все, что попадет под руку; он уже изрубил двух драгун и насел на третьего, как прапорщик Попков смертельным ударом сабли повергает его на землю. Здесь какой-то драгун схватился один с целой массой курдов, но на помощь к нему летит прапорщик Чавчавадзе Третий (Спиридон); он разгоняет куртин и вырывает из их рук драгуна, уже раненного тремя ударами пик. Под другим Чавчавадзе (Романом) убита лошадь; он пеший отбивается над трупом ее один от целой кучи врагов... Его выручают драгуны. Там офицер спасает солдата, здесь солдат умирает за своего офицера...

Не выдержали турки боя с этими сказочными, сверхъестественными бойцами, и тысячи их, объятые страхом, бежали перед двумя эскадронами... Драгуны, врезаясь в толпы их, рассчитывались теперь за свою первую неудачу.

А между тем, в то время, когда большая часть кавалерии уже введена была в дело и в резерве оставался только один эскадрон Борисоглебского уланского полка, стоявший под начальством ротмистра Лау во взводной колонне, новая двухтысячная толпа турок, никем не замеченная, скрытно пробралась глухим, бездорожным оврагом и вдруг выдвинулась в тылу борисоглебцев. От этой минуты зависело все. Дрогны борисоглебцы – и русский корпус потерял бы половину своей кавалерии: расстроенная боем, стиснутая двумя живыми стенами с фронта и с тыла, она неминуемо погибла бы в жестокой сече одного против пятнадцати. Но ротмистр Лау был отличный офицер, обладавший необыкновенным спокойствием духа. Внезапность его не озадачила. “Назад строй эскадрон!” – скомандовал он ровным спокойным голосом, и эскадрон в карьер, как на ученье, исполнил построение и стал, как вкопанный, лицом к неприятелю. Еще секунда – прозвучала труба, пики наклонились, и эскадрон ринулся “с места марш, марш”.

Турки, пораженные моментальным превращением маленькой кучки людей в стройный развернутый фронт эскадрона, стремительно несущийся прямо на них с наклоненными пиками, повернули назад и беспорядочной толпой кинулись в ту же ложину, из которой выскочили. Уланы пронеслись за ними почти вплоть до оврага. Но вот эскадрон круто осадил лошадей, стройно заехал назад, свернулся на походе опять во взводную колонну, и ротмистр Лау рысью отвел его на прежнее место. “Стой! Равняйся! Пики по плечу!” И эскадрон стал, точно за минуту перед тем он и не готовился вступить в упорную битву с сильнейшим врагом.

Главнокомандующий с высокого кургана видел это молодецкое дело и в подвиге храброго ротмистра справедливо оценил больше всего то, что, не увлекаясь бесцельной погоней, он поспешил возвратиться к прямому своему назначению – служить поддержкой для первой линии.

Дело ротмистра Лау было эпилогом, закончившим бой 5 августа. Быстро спускавшаяся ночь разъединила боровшихся противников. Преследование мало-помалу прекратилось, и нижегородцы вместе с серпуховскими уланами на взмыленных, измученных лошадях вернулись в лагерь. Свели счета и оказалось, что вся потеря в корпусе не превышала сорока четырех человек, выбывших преимущественно из эскадрона майора Казасси.

Горсть русской кавалерии, сражавшаяся на левом фланге, покрыла себя в этот день блестящей славою. Сам Паскевич писал государю, что кавалерийский бой 5 августа есть один из тех редких случаев в военных событиях, который обращает на себя особое внимание и дает настоящую меру для определения превосходной храбрости полков Нижегородского драгунского и Сводного уланского. Не могли не признать этого и сами враги, участвовавшие в битве. Когда, по окончании сражения, главнокомандующий спросил одного из пленных карапахских старшин, как действовала русская конница, тот отвечал: “Мы прежде рубили ваших казаков, как капусту, а сегодня, одетые в какие-то белые балахоны, они без страха лезли вперед, и против них устоять было невозможно”. Карапахский старшина простодушно полагал, что донские казаки, которых они встречали при вторжении в Грузию, – единственная русская конница, и драгуны с уланами, сражавшиеся в летних кителях, казались ему все теми же донскими казаками. Кавалерская дума нашла походного атамана генерал-майора Леонова, полковника Анрепа, майора Казасси и ротмистра Лау достойными ордена св. Георгия 4-ой степени. О подвиге Раевского Паскевич свидетельствовал перед государем, ходатайствуя о награждении его орденом св. Георгия 3-ей степени, но государю угодно было заменить эту награду чином генерал-майора.

Битва 5 августа была заключительным актом тяжелого похода к высоким стенам Ахалцихе, но в то же время она является и первым звеном в цепи предстоящих кровавых событий. Над осажденной крепостью и над русским лагерем ангел смерти уже распростер свои мрачные крылья.

VIII. РАЗГРОМ ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ТУРЕЦКОГО КОРПУСА

Трудно и ненадежно было положение русского корпуса под стенами Ахалцихе. Отбросив 5 августа массы турецкой кавалерии, стремившейся преградить ему путь, он занял на восточной стороне города более или менее обеспеченную позицию; но этот успех был каплей в море перед тем, что еще оставалось преодолеть. Восемь тысяч русских солдат имели перед собой не одну только сильную крепость, но им приходилось еще считаться с целой тридцатитысячной турецкой армией, которая каждую минуту могла перейти в наступление. Никогда, быть может, репутация Паскевича и судьба его корпуса не были в таком сомнительном положении, как под стенами Ахалцихе. Здесь решался вопрос целой кампании, и все последующие успехи русских войск в азиатской Турции были только следствием упорных битв, выдержанных ими под этой крепостью.

К счастью, Паскевич нашел себе, хорошего союзника в вечной медлительности и нерешительности турок. Вместо того, чтобы 6 августа возобновить нападение свежими силами, в которых у турок недостатка не было, Киос Магомет-паша предоставил русским войскам беспрепятственно укреплять свою позицию, и Паскевич в тот же день поставил два новые редута, обеспечившие тыл и правый фланг русского лагеря. Теперь спокойнее можно было ожидать подкреплений, уже спешивших из Грузии. И, действительно, в полдень 7 августа прибыли, наконец, шесть рот херсонских гренадер, донской полк Грекова и четыре орудия, под общей командой генерал-майора Попова. Турецкая конница маячила по соседним горам, но не осмелилась помешать его соединению с Паскевичем.

Нужно сказать, что небольшой отряд Попова еще с начала войны отправлен был в Боржомское ущелье для разработки дороги к Ахалцихе. В наши дни в целой Грузии нет более красивого и живописного места, как знаменитый Боржом с его прелестными дачами. Но в те времена это была дикая, пустынная местность, в дремучих дебрях которой скрывались только лезгины, делавшие отсюда свои кровавые набеги на Картли. Из трех дорог, ведущих из Грузии, боржомская была самой трудной. Она лепилась по левому берегу Куры и так была стеснена нависшими скалами, что по ней едва могли проходить грузинские арбы; а там, где Кура стремительно билась о преграждавшие ей путь каменные утесы, и этот трудный путь исчезал.

Приходилось вести дорогу обходами по карнизам скал, подниматься на высоту шести тысяч футов, и по таким тропам, по которым не всегда рисковали пускаться даже привычные туземцы. Самый выход из ущелья сторожил небольшой, но крепкий замок Ацхур, построенный на высоком отвесном утесе. Это был ключ Боржомского ущелья. И здесь-то, где теснина так суживалась, что дорога пролежала под самыми пушками замка, ацхурский гарнизон попытался преградить дорогу херсонцам. Гренадеры прогнали вылазку пушечными выстрелами и переправились через Куру под огнем неприятеля, потеряв ранеными двенадцать нижних чинов. 5 августа, в тот день, как Паскевич подступил к Ахалцихе, Херсонский полк вышел наконец в долину Куры и с ближних гор ясно увидел дым пушечных выстрелов и облака пыли, поднимавшиеся со стороны осажденной крепости. Через два дня отряд Попова уже подходил к главному русскому лагерю.

7 и 8 августа прошли спокойно. Неприятель бездействовал; а между тем эти три дня, так нерасчетливо потерянные турками, дали возможность русским войскам отдохнуть и оправиться. Паскевич каждый день производил рекогносцировки, ближе знакомясь с положением крепости, изучая ее верки, соображая свои средства со средствами противника. Эти сравнения были далеко не в пользу русского корпуса; оказывалось даже, что главный редут,

Таушан-Тапа, не соответствовал своему назначению, и артиллерия, помещенная в редуте, вовсе не могла обстреливать пространства, лежавшего впереди кургана. Чтобы обеспечить лагерь от нечаянной вылазки со стороны восточных ворот, пришлось на полугоре, обращенной к крепости, устроить каменные завалы для стрелков и ложемент на целую роту пехоты. Но этого было еще недостаточно, и в ночь на 8 августа Паскевич заложил внизу, между курганом и крепостью, новый редут всего в трехстах саженях от городского палисада.

К утру редут был готов, и на нем стояло уже девять батарейных орудий и одна двухпудовая мортира, которые могли начать бомбардирование города. Так положено было начало осаде Ахалцихе.

Между тем, 8 августа, в этот последний день обоюдного бездействия противников, случилось обстоятельство, выведшее русские войска из их выжидательного положения. Утром Паскевич получил тревожное известие, что на помощь к Ахалцихе идут еще десять тысяч лазов, под начальством паши мейданского, и что через несколько дней они уже будут под крепостью. Явилось предположение, что турки только потому и бездействовали, чтобы усыпить внимание русских и, дождавшись прибытия лазов, разом уже всеми своими силами нагрянуть на их лагерь. Паскевич собрал военный совет. Подавляющее неравенство русских и турецких сил было так очевидно, что на решение совета предложен был роковой вопрос: оставаться ли под Ахалцихе, или отступить через Боржомское ущелье в Грузию, чтобы собрать там подкрепления, и только тогда уже снова двинуться к Ахалцихе? Не подлежало никакому сомнению, что настоящая осада могла начаться только с того момента, как вспомогательный турецкий корпус будет разбит под стенами крепости, и в вопросе, поставленном Паскевичем, это разумелось само собою. Пущин, в своих записках, рассказывает, что он участвовал в этом совете и, как младший, первый подал голос за наступление. «Мое мнение, — сказал он, — сегодня же ночью внезапно напасть на турок в их собственном лагере, разбить их и тем освободиться от блокады, в которой они держат наши войска». Мнение это было принято всеми единогласно.

С вечера отданы были все приказания. Генерал Муравьев с гренадерской бригадой, сводным батальоном и тремя ротами пионер остался для прикрытия лагеря, остальные войска — восемь батальонов пехоты, вся конница и двадцать пять орудий — предназначались для ночной экспедиции, под личным предводительством главнокомандующего. Поход был объявлен в полночь.

Из показаний лазутчиков Паскевич уже знал, что турецкая армия стояла в четырех лагерях, из которых первый располагался на высотах против северного фаса крепости; другой — на западе, близ укрепленной башни Каядага; а остальные два — у Су-Килисса и Ашаг-Памачь, на большой ардаганской дороге. Эти два последние лагеря держали под своим наблюдением весь правый гористый берег Ахалцихе-Чая, и дорога к ним прикрывалась сильным ретраншементом, поставленным турками у подгорной деревни Марда. Действовать по этому пути Паскевичу было крайне рискованно, и атака должна была начаться с северного лагеря.

Но и там кратчайшая дорога, лежавшая у подошвы северных высот, преграждалась сильным люнетом, сложенным из бревен и укрепленным двумя бастионами.

Нужно было найти другой, более скрытый путь, а это, при совершенном недостатке благонадежных проводников, было нелегко. К счастью, некто Мута-бек, один из ахаллакских старшин, плененный при взятии крепости, добровольно предложил свои услуги. Обласканный Паскевичем, этот суровый, непреклонный мусульманин предался ему всей душой, и теперь на его верности основан был весь успех экспедиции. Мута-бек отлично знал окрестную местность и повел отряд обходной дорогой на селения Цыйра и Цхурут, огибая крепость с северной стороны, на расстоянии двух или трех верст.

Войска следовали ложиной, прикрытые горами, и не могли быть замечены турками. Дорога вообще не представляла особенных трудностей, но ночь была так темна, что войска, при частых подъемах и спусках, растянулись, а Херсонский полк, следовавший в арьергарде, и вовсе сбился с дороги. Пока его ждали, прошло добрых полчаса. Стало уже светать, а войска, вместо того, чтобы быть на месте, только что еще выдвигались из селения Цыйра. Между тем тяжелый гул шагов идущей пехоты и стук колес артиллерии давно обратили на себя внимание турецких аванпостов. И едва в предрассветной мгле обозначились перед ними темные полосы двигавшихся колонн, как грянул сигнальный выстрел, и тревога быстро разнеслась по всем четырем турецким лагерям.

Теперь русскому отряду самому нужно было с минуты на минуту ожидать нападения, а он находился еще в трех верстах от головного турецкого лагеря и среди местности совершенно неудобной. Но всякие сомнения и колебания были уже невозможны, приходилось принять бой там, где застал неприятель. Впереди отряда виднелись высоты, идущие параллельно северному фасу крепости, и Паскевич быстро решил занять их, как единственную позицию, которая представлялась ему в этой малоизвестной местности. Но пока войска переходили крутые рытвины и выбивались из рыхлых пашен, против них уже были сосредоточены огромные массы вражеских сил. Позиция, случайно занятая Паскевичем, имела свои выгоды и свои недостатки. Она представляла собой довольно большое плато, на котором свободно могли расположиться войска. Но против этих высот лежали такие же, параллельные им другие высоты, отрезанные от первых глубоким извилистым оврагом с крутыми скалистыми берегами, и там-то, на крепкой позиции, теперь уже стояла турецкая пехота с большим числом артиллерийских орудий. Самый овраг тянулся сперва параллельно крепости, а потом вдруг круто, почти под прямым углом, поворачивал к северу и, огибая высоты русской позиции, терялся вдаль, в низменных болотах за деревней Цхурут. За этой-то второй частью оврага сосредоточились огромные массы турецкой конницы. Таким образом, русская позиция представляла собой прямой угол, вершина и стороны которого обстреливались перекрестным огнем неприятеля.

Правда, овраг, подобно рву, прикрывал позицию со всех сторон; но зато, по тому же оврагу, как по траншеям, неприятель мог безопасно подводить свои войска и укрывать резервы.

Но так или иначе, а другого выбора не было, и Паскевич поставил отряд в оборонительное положение. Два донские полка с четырьмя орудиями отправлены были назад для связи с отрядом Муравьева и для прикрытия дороги к вагенбургу. На левом фланге позиции, под командой гвардии полковника Сенявина, стоял сводный пехотный полк, составленный на время экспедиции из батальона эриванцев и батальона сорок первого егерского полка, с шестью орудиями. В центре, в самой вершине угла, образованной перегибом оврага, расположился Херсонский гренадерский полк с четырьмя орудиями, под начальством генерал-майора Попова. Правый фланг отбрасывался направлением оврага совершенно назад, почти под прямым углом к левому флангу, и был занят сводным батальоном пехоты (две роты козловцев и рота пионер), двумя казачьими полками и двумя полевыми орудиями. На самой оконечности его, уже упираясь в деревню Цхурут, стоял Ширванский пехотный полк с четырьмя батарейными орудиями. Кавалерийская бригада Раевского, татарская конница, линейные казаки и весь сорок второй егерский полк составляли резерв; при нем находился и граф Паскевич.

Едва русские войска разместились на позиции, как турки, под покровительством огня своей артиллерии, с двух сторон повели атаку. Было часов шесть утра. Русская артиллерия, почти вся выдвинутая в первую линию, встретила наступавших жестоким картечным огнем и остановила напор. Неприятель смешался и стал отступать, горячо преследуемый огнем стрелковых цепей. Одновременно с этим и на левом фланге турецкая кавалерия также пыта-

лась обскакать позицию, чтобы прорваться к русскому лагерю, но, встретив не менее мужественный отпор со стороны егерей и видя приближавшиеся рысью казачьи полки, повернула назад. Из этого первого столкновения Паскевич вынес уверенность, что на занятой позиции можно отразить все нападения турок, и решил сохранять оборонительное положение до тех пор, пока неприятель, утомленный бесплодными атаками, сам не предоставит ему удобного случая к победе.

Малочисленность отряда Паскевича не укрылась, между тем от внимания Киос Магомет-паши, и, раздраженный неудачей, он приказал во что бы то ни стало смять русский корпус. В семь часов утра началась вторая атака. Турецкие колонны шли по дну глубокого оврага против русского центра, прикрытые от огня артиллерии высокими берегами; они шли смело, с распушенными знаменами и с криком “Алла!”. Чтобы удержать их натиск, Херсонский гренадерский полк подвинулся вперед к самому оврагу, а стрелковая цепь его спустилась еще ниже на полускат и лицом к лицу встретила с поднимавшейся из оврага турецкой пехотой. Обе цепи столкнулись и кинулись друг на друга с ожесточением. Начался упорный штыковой бой. Спорный овраг несколько раз переходил из рук в руки, наполняясь трупами.

Подняться из оврага, с тем чтобы ударить на русских в упор и разом всей своей массой, у турок не хватало духа, они по мелочам тратили свою запальчивую храбрость, и рукопашный бой шел то кучками, то врассыпную. Стоявшие сзади колонны подкрепляли свои стрелковые цепи. Начальник штаба барон Остен-Сакен сам отправился на место сражения. Спокойно, шагом разъезжал он посреди стрелков, под огнем неприятеля, и делал нужные распоряжения, иногда посылая сказать Паскевичу, что “стрелки ведут себя хорошо”.

Целый час шла в этом пункте отчаянная борьба, турки наконец не выдержали и стали подаваться назад. Стрелки второго батальона, увлеченные преследованием, перешли за ними через овраг и раскинули цепь уже на той стороне его, по гребню двойной высоты, тянувшейся параллельно русскому правому флангу. Это была неосторожность, за которую они и поплатились кровавыми жертвами. Еще стрелки не успели оглядеться на новой позиции, как из-за гребня соседней горы внезапно выдвинулись высокие остроконечные шапки делибашей, и человек четыреста турецкой конницы ринулись на цепь, не успевшую даже сбежаться, как следует, в кучки. Херсонцам пришлось отбиваться поодиночке штыками, прикладами и выстрелами в упор. Батальоны, стоявшие вдали, бегом бросились на выручку и открыли через овраг батальонный огонь, с большой центральной русской батареей также посыпались ядра. Но все это, казалось, уже не могло спасти стрелков, и минут десять их даже не было видно за турецкой конницей. Все считали их погибшими. Паскевич с высокой горы видел, как на ладони, все поле сражения. Он отвернулся и сказал с досадой: “Не надо было так далеко высылать стрелков – вот и пропали!”

Вдруг кто-то крикнул: “Ваше сиятельство! Цепь уцелела!” Паскевич обернулся: разорванные, перемешанные с делибашами, кучки херсонцев бойко отбиваются, а толпы делибашей редуют и в беспорядке скачут назад. Паскевич велел тотчас узнать фамилию офицера, командовавшего стрелками, и, минуя другие ордена, послал ему прямо Владимирский крест. Поредевшую цепь тотчас отвели назад за овраг.

Наступило получасовое затишье. Турки готовились к третьей атаке, и их колонны опять формировались в овраге. Но на этот раз Паскевич решил предупредить удар контрударом и сам двинул вперед сводный полк Сенявина. Третий батальон Эриванского полка, давно не бывший в деле⁶, наступал в первой линии, егеря – во второй. Под сильным огнем спустились они с высот, дошли до оврага, и эриванцы ударили в штыки. Турки, в свою очередь, приняли эриванцев штыками же, и кровь полилась рекою. В несколько минут из батальона все ротные командиры, пять офицеров и до ста нижних чинов выбыли из строя.

⁶ Третий батальон не участвовал в персидской войне; он оставался в своей штаб-квартире.

Здесь был убит и командовавший стрелковой цепью молодой офицер лейб-гвардии Финляндского полка подпоручик Дубровский, первый проложивший дорогу в ряды неприятеля. Несмотря на страшную убыль, эриванцы дружно ломили вперед, и турки уже готовились уступить, как вдруг грянул оглушительный треск, и дрогнуло поле. Неприятельская граната попала в зарядный ящик, стоявший при одной из рот сорок первого полка, и взорвала его. В одно мгновение несчастное каре потонуло в густых клубах черного дыма, из которого среди огненных языков мелькали растерзанные трупы. Пальба на мгновение смолкла, и, казалось, все застыло в трепетном недоумении. В этот момент все неприятельские резервы, доселе скрытые за высотами, вдруг выдвинулись на горы, оглашая воздух неистовыми криками. Но эриванцы уже успели оправиться от своего минутного смущения. Ротные командиры штабс-капитаны Калпинский, Гуралев и Кириллов – все трое уже раненые – снова явились перед своими ротами, еще раз сомкнули их и с такой стремительностью бросились вперед, что турки дали тыл, и гренадеры отбили у них два знамени.

Сделать больше того, что сделали эриванцы, было нельзя, и батальоны отвели назад. Они шли гордо, с сознанием исполненного долга, и живым свидетельством этого были развевавшиеся впереди них турецкие знамена.

Было уже два часа пополудни. Усталость и зной заставили обе стороны приостановить свои действия. Уже восемь часов шла непрерывная битва; русские отразили все нападения, но сами не подвинулись ни шагу вперед, и турки, опираясь правым флангом на крепость, по-прежнему сохраняли свои позиции. Овладеть оврагом также не удалось, и три полка, последовательно ходившие отбивать его у турок, потеряли, как говорит очевидец, до пяти-сот человек. Положение становилось серьезным. Паскевич, по рассказам Пушкина, сидел на батарее в самом мрачном настроении духа; никто из частных начальников, знавших его раздражительность, не решался подходить к нему ни за советом, ни за приказанием. А между тем, турки, ободренные бездействием русских, в четвертый раз перешли в наступление.

Ружейная перестрелка цепей скоро обратилась в живой непрерывный огонь, смешанный с громом орудийных выстрелов, а турецкие колонны опять стояли в роковом овраге.

В это время Пушкин, как рассказывает он сам, желая чем-нибудь помочь делу, сел на коня и, не сказавшись никому, поехал вдоль оврага, чтобы ближе ознакомиться с местностью. Этот обзор навел его на счастливую мысль, которую, возвратившись назад, он не замедлил сообщить Паскевичу. “Взять и удержать за собою овраг, – сказал он ему, – невозможно. Все дело в сильном люнете, который мы миновали ночью и который стоит у самого устья оврага. Возьмите его, и тогда и овраг, и лагерь – все будет ваше!”

Паскевич увидел верность этого замечания и, после короткого раздумья, спросил: “А кого я пошлю штурмовать?” Пушкин указал на Ширванский полк. Полк этот действительно еще не был в деле, и Паскевич потребовал к себе командира его, полковника Бородин. Бородин, бывший адъютант Паскевича, отлично знавший характер своего начальника, спросил, как бы в рассеянности: “Какое укрепление, ваше сиятельство?” И когда тот указал ему на люнет, Бородин промолвил небрежно: “Ну, его можно взять мимоходом”. – “Так с Богом!” – сказал на это обрадованный Паскевич. Бородин поскакал к полку, чтобы вести его в битву. Одним ширванцам штурмовать крепкий люнет было бы, однако, крайне рискованно, и потому решено было выдвинуть из резерва весь сорок второй егерский полк и в то же время послать приказание Муравьеву, чтобы он с одним или с двумя батальонами штурмовал люнет с другой стороны. С этим приказанием посланы были два казака и вместе с ними Пушкин. Они пустились по разным направлениям и, проскакав в интервалы между турецкой конницей, стоявшей на дороге, все трое благополучно достигли лагеря. Приказание было передано, и Муравьев с первым батальоном Эриванского полка двинулся к люнету. За ним пошли две роты егерей и две роты пионер, под общей командой лейб-гвардии Преображенского полка полковника Бентковского.

Между тем, чтобы отвлечь внимание турок именно от этого люнета, Паскевич распорядился сделать демонстрацию против левого неприятельского фланга. Батальон Херсонского полка, кавалерийская бригада Раевского, Донской полк Карпова и татарская конница, с четырьмя орудиями, переправились через овраг и стали в боевом порядке на высотах против главного турецкого лагеря, расположенного по ту сторону Ахалцихе-Чая у Су-Килисса. Внезапное появление на этом пути сильной русской колонны озадачило турецких пашей. Вся неприятельская конница быстро стянулась к своему левому флангу и завязала дело. Но Карпов, высланный вперед с донцами и татарами, маневрировал так превосходно, что втянул ее в бой, и, когда неприятель вплотную напал на казаков, те рассыпались и открыли стоявшую позади них батарею. Картечный залп – и турки поскакали назад, преследуемые справа нижегородцами, слева уланами.

Поражение конницы, устлавшей путь людскими и конскими трупами, заставили Киос Магомет-пашу серьезнее взглянуть на опасность, которая грозила главному турецкому лагерю, оставшемуся почти без войск, и большая часть пехоты, стянутой против русской позиции, спешно переведена была к Су-Килиссу. Таким образом боевая линия турок растянулась влево почти на десять верст, и оборона люнета ослабела. Этого только и ждал Паскевич от своей демонстрации. Он приказал генерал-майору Гилленшмитцу выдвинуть вперед, на высоты против турецкого люнета, восемь батарейных и шесть легких казачьих орудий, под прикрытием которых должны были собраться штурмовые колонны.

Турки с изумлением смотрели на эти передвижения войск, не понимая их цели, а между тем к люнету уже подходил сорок второй егерский полк с генерал-майором Корольковым. Ни одним выстрелом не отвечали бастионы на огонь русской артиллерии, и это дало повод думать, что укрепление или вовсе брошено, или защищено очень слабо. Отчасти под этим впечатлением, отчасти видя приближение ширванцев с одной и колонны Муравьева с другой стороны, Корольков решился начать атаку с одними егерями. Свинцовые тяжелые тучи, давно надвигавшиеся с запада, теперь закрыли весь горизонт и разразились сильным дождем с громом и молнией. В это самое время шесть казачьих орудий, под командой есаула Зубкова, вынеслись вперед и, снявшись с передков в расстоянии восьмидесяти саженей от люнета, открыли по нему картечный огонь.

Под его защитой сорок второй егерский полк бросился на укрепление. Неприятель молча подпустил его на сто шагов и вдруг встретил убийственным залпом.

Опешившие егеря остановились. Генерал Корольков, желая ободрить солдат, выскочил вперед с криком: “За мной! На батарею!” – и в ту же минуту пал, пораженный двумя пулями в грудь и в голову. Его смерть окончательно смутила егерей, и они открыли беспорядочную пальбу по люнету. Тогда турки сделали вылазку и бросились на них в штыки и кинжалы.

Плохо пришлось бы егерям, если бы в эту минуту не подоспели ширванцы. В грозной тишине и порядке вел Бородин свои батальоны, не обращая никакого внимания на то, что происходило перед его глазами. Скользя по мокрой траве, с намокшими ружьями, выдвинулись они из-за фланга сорок второго полка и с криком “Ура!” пошли прямо на турецкое укрепление. Но в ту же минуту загремело “Ура!” и с другой стороны – то штурмовал люнет первый батальон эриванцев, прибывший сюда с Муравьевым.

Теперь турки, сделавшие вылазку, были отрезаны и, бросившись обратно в люнет, нашли его уже занятым русской пехотой. Тем отчаяннее закипел бой под самым люнетом. Майор Михайлов и командир первой роты поручик лейб-гвардии егерского полка барон Врангель первые пробили дорогу к брустверу, и вслед за ними егеря ворвались в шанцы. Но на их долю уже не досталось боевых трофеев: четыре орудия и семь знамен были взяты колоннами Бородина и Муравьева. И долго после того два храбрые полка, Ширванский и Эриванский, оспаривали друг у друга честь взятия люнета. Справедливость требует, однако, сказать, что Ширванский полк встретил меньшее сопротивление и овладел бастионом почти

без урона, тогда как батальон эриванцев в кровавом рукопашном бою потерял тридцать пять нижних чинов и лишился почти всех своих офицеров. Одному только полковнику Бентковскому, первому взошедшему на вал во главе эриванцев, удалось выйти целым и невредимым, командир батальона подполковник Кошутин был ранен в то время, когда взбирался на бруствер; ротный командир поручик Оников ранен в рукопашном бою кинжалом; командир второй роты поручик Мищенко прострелен пулей в грудь навывлет; командир третьей роты поручик Елисейский убит. И недаром писал Паскевич в своем донесении государю, что “атака на укрепленный бастионами лагерь сделана была с удивительной храбростью”. “Это одно из лучших дел,— говорит он,— которые я видел в моей жизни. Офицеры удивительной храбрости...”

С падением люнета пал и раскинутый на Северных высотах турецкий лагерь. Из числа полутора тысяч турок, находившихся в ретраншементе, более трети легло на месте, остальные бежали, увлекая за собою и войска, бывшие в лагере. Преследование продолжалось почти до самого городского палисада, и узкое пространство между люнетом и воротами города было завалено трупами. Сам Киос Магомет-паша, пытавшийся восстановить порядок, был ранен пулей в ногу и отведен в Ахалцихе, куда отступил и весь пятитысячный отряд его пехоты.

Теперь демонстрация против главного лагеря превратилась неожиданно в действительное наступление. Как только Пущин привез известие о взятии люнета, Паскевич двинул вперед всю кавалерию, а за нею херсонцев и сводный полк егерей. Многочисленные толпы неприятеля, видя кругом себя общее поражение, быстро были охвачены паникой и беспорядочно отступали по всему протяжению боевого поля. “Странно было видеть,— говорит один очевидец,— как перед какими-нибудь четырьмя-пятью батальонами бежали эти огромные массы, не оказывая даже сопротивления, которого надо было ожидать, судя по началу боя”. Преследование их продолжалось с такой живостью, что два казачьи полка и татары на плечах турок ворвались во второй лагерь, драгуны и уланы — в третий.

Выбитый из Су-Килисса, неприятель пытался было занять высоты, примыкавшие к этой деревне, чтобы прикрыть отступление своей артиллерии и многочисленных обозов, столпившихся на ардаганской дороге, но деморализация во всем турецком войске была уже такова, что едва показался головной эскадрон Нижегородского полка, как снова все обратилось в бегство. Драгуны, уланы, казаки, преследуя бежавших, мимоходом захватили четвертый лагерь и взяли два орудия, пять знамен и до пятисот пленных.

Вспомогательный турецкий корпус теперь весь рассеялся, и турки, поодиночке, пробираясь лесными тропами, бежали к Ардагану.

Трофеями боя были: десять орудий, десять знамен, четыре лагеря со всем имуществом, все обозы, подвижные магазины, транспорты, парки. Говорят, что число знамен и орудий могло бы быть гораздо значительнее, если бы конница продолжала преследование, но Паскевич сам остановил ее, сказав окружающим: “Припомните, господа, слова одного римского полководца, что бегущему неприятелю надобно строить золотой мост”.

Недешево досталась и русским эта блестящая победа: одно орудие было подбито, один зарядный ящик был взорван; действующий корпус потерял, по официальным сведениям, одного генерала, более тридцати офицеров и до пятисот нижних чинов; но, по словам современников, потери русских были гораздо значительнее. Те же современники свидетельствуют, что подъем нравственного духа в войсках и в начальниках был так велик, что командир Ширванского полка полковник Бородин просил разрешение Паскевича тотчас штурмовать Ахалцихе, и это разрешение едва не было дано ему. Быстро спускавшаяся ночь, однако, устранила всякую мысль о возможности нового штурма. Русская пехота ночевала в отбитом люнете, кавалерия — за двадцать верст от Ахалцихе, там, где окончила свое преследование. На следующий день весь экспедиционный отряд возвратился в лагерь.

Теперь Ахалцихе стоял перед русскими один, беспомощный, но грозный твердой решимостью погибнуть или отстоять свою вековую независимость.

IX. ОСАДА АХАЛЦИХЕ

Утром 10 августа 1828 года русские войска стояли перед Ахалцихе – грозные, победоносные. Вчетверо сильнейший турецкий вспомогательный корпус накануне в панике бежал от стен, которые пришел защищать, и естественно было предположить, что события минувшего дня расположат ахалцихский гарнизон к большей уступчивости. Руководимый желанием избежать напрасного кровопролития, Паскевич в тот же день отправил в крепость Мута-бека передать турецким пашам, что дальнейшая защита крепости будет бесполезна и что в случае упорства город испытает все ужасы штурма. “Семьдесят пушек обстреливают оборонительные линии, и крепость не сдастся, пока не будет перебит весь пятнадцатитысячный гарнизон ее”, – отвечали турки. Этот гордый ответ устранил всякую мысль о возможности дальнейших переговоров, и Паскевич решил приступить к правильной осаде города. Для русских войск наступали дни новых тяжки к усилий и борьбы не только с упорным врагом, но и с природой, щедро наделившей Ахалцихе многочисленными средствами защиты.

Действительно, с тогдашним оружием и теми ничтожными средствами, которыми располагал Паскевич, нелегко было покорить крепость, подобную Ахалцихе. Весь город был отстроен на левом берегу реки Ахалцихе-Чай, или Посхов-Чай, верстах в семи от впадения ее в Куру, в тесном ущелье, посреди гористой и чрезвычайно пересеченной местности. С юга его ограждал высокий хребет Цхенис-Цхале, голые и неприступные утесы которого образовывали, как раз против крепости, правый нагорный берег реки, и, таким образом, доступ к Ахалцихе с той стороны был почти невозможен. С севера на полверсты подходят к нему разорванные отроги Картлинских гор, которые, охватывая город с востока и запада, постепенно сливаются с высотами левого берега Посхов-Чая. Как раз против северной части города, на склоне горного хребта, один из уступов его образует собою довольно обширную возвышенную плоскость. Это так называемые Северные высоты, которые, господствуя над крепостью, соединялись с ближайшими домами Католического предместья узким перешейком, идущим между двумя оврагами. Здесь, на этой высоте, и стоял у турок сильный люнет, взятый русскими 9 августа. С юго-запада, обрываясь крутыми спусками в реку, подступала к самому городу и частью даже входила в черту его высокая гора Кая-Даг, составлявшая продолжение береговых утесов Цхенис-Цхале. На этой горе стояла большая круглая башня, которая обстреливала не только окрестное поле, но и почти всю внутреннюю площадь города. Только восточной стороной своей город выходил в небольшую низменную долину реки, но и эта долина не представляла осаждающим ни малейшей выгоды. Крутые утесы, на которых раскинуты были здесь крепостные линии, и скученность построек в восточной части города, где дома подымались один над другим непрерывным амфитеатром, стоили бы штурмующим громадной потери. Таким образом, замкнувшись кругом высокими горами, столица Ахалцихского пашалыка вполне была достойна своей области и громкого имени разбойничьего гнезда, которое утвердилось за ней во всей Малой Азии.

Но если такова была местность, окружающая Ахалцихе, то еще внушительнее выглядел сам укрепленный город, более трех столетий не видевший в своих стенах чужеземных знамен.

Собственно Ахалцихская крепость состояла из двух отделений: крутая голая скала, обнесенная каменной стеной, составляла цитадель, а несколько ниже примыкала к ней так называемая Верхняя крепость, построенная на высоком береговом утесе и обнесенная двойным рядом стен, фланкированных башнями. Сорок орудий обороняли эти стены, слежавшиеся веками в такую плотную массу, против которой бессильно было действие полевой артиллерии. В крепости помещались все казенные здания, дом паши и главная ахалцихская мечеть, при которой имелась одна из богатейших библиотек мусульманского Востока.

Нужно сказать также, что в крепости имели право жить только магометане и что поэтому она была вполне гарантирована от измены чуждого ей населения.

Окружая с трех сторон крепость и непосредственно примыкая к стенам ее, раскидывался обширный город, доходивший своими крайними пределами почти до самой реки. Главная сила Ахалцихе и заключалась не в крепости, а именно в этом самом городе с его двадцатипяти тысячным населением. Наружная оборона его состояла из четырех бастионов, соединявшихся между собою толстым сосновым палисадом, в котором в несколько рядов прорублены были бойницы. Этот палисад имел семь аршин высоты и был так прочен, что не только ядра батарейных орудий не могли произвести в нем никакого повреждения, но даже снарядам осадной артиллерии редко удавалось свалить вертикально поставленные бревна. Эскалада подобного палисада была в высшей степени затруднительна, так как атакующему, взойдя на него, приходилось спрыгивать вниз, с высоты более двух саженей, прямо на штыки неприятеля.

Но и при всем том овладеть палисадом еще далеко не значило приблизиться к покорению города. Перед штурмующими воздвигался ряд новых препятствий, созданных и людьми и самой природой. Два глубокие оврага разделяли всю городскую площадь на три неровные части. Один из них тянулся с севера в прямом направлении и затем круто поворачивал на запад, огибая подошву Кая-Дага; другой разрезывал город по диагонали от северо-запада на юго-восток и упирался почти в самую реку. Между этими оврагами, в обширном треугольнике, и обитало все коренное мусульманское население Ахалцихе; в остальных частях города – за оврагами и у северной окраины – жили исключительно евреи и армяне-католики. Овладение одним из заовражных кварталов, без сомнения, требовало бы немало жертв, но не доставляло никаких результатов. На пути движения войск, как средоточие всех сил и средств обороны, еще лежал громадный мусульманский город, замкнутый двумя оврагами. Там, на пространстве квадратной версты, среди страшно изрытой буграми и ямами местности, в хаотическом беспорядке разбросано было до пяти тысяч домов; не было там ни площадей, ни улиц, и городские жилища, висевшие одни над другими, едва разделялись небольшими переулками, которые и составляли, подобно узким горным тропинкам, внутренние пути сообщений. Все вообще дома построены были здесь в два яруса, с плоскими крышами, представлявшими собою возвышенные террасы, и каждый дом, взятый отдельно, мог уподобиться небольшому, но крепкому замку.

Над всеми этими домами и зданиями, почти на краю северного квартала, возвышалась заметная своей архитектурой и древностью католическая армянская церковь с высоким и узким куполом, со стрельчатыми окнами и с целым лабиринтом темных и узких коридоров внутри. Только этот пункт, да еще башня Кая-Дага, из всех городских построек и равнялись высотой с верхом самой крепости. Остальной город лежал внизу, и крепость командовала им настолько же, насколько цитадель командовала самой крепостью. Таким образом, ахалцихская оборона располагала огнем в три яруса: первый составлял городской палисад с его бастионами, второй – стены крепости, и самый верхний – цитадель. И нелегко было штурмующим войти по этим трем ступеням, чтобы снять с цитадели турецкое знамя. Это прекрасно знали и сами турки. Они говорили: “Прежде надо снять месяц с неба, а потом уже луну с ахалцихской мечети”.

Русским войскам предстояло теперь показать, что можно снять луну с ахалцихской мечети, не заботясь о месяце в небе. 9 августа, когда войска ночевали еще на поле сражения, Паскевич, несмотря на общую усталость, уже распорядился осадными работами. Занятие северных высот, на которых стоял турецкий лагерь, значительно облегчало эту задачу, так как самый целесообразный пункт для атаки представляла именно северная часть города, где была католическая церковь. С ее возвышения легче, чем откуда-нибудь, можно было проникнуть в самый центр города и здесь же удобно было устроить батарею против стен цита-

дели. Поэтому разрушение турецкого бастиона, прикрывавшего Армянский квартал, и сделалось ближайшей целью осады. И вот, с 10 на 11 августа, в одну ночь выросла на северных высотах, на месте отбитого люнета, громадная осадная батарея № 6. Четыре тяжелые двадцатичетырехфунтовые пушки, четыре двухпудовые мортиры, два единорога, двенадцать батарейных и шесть легких орудий к свету уже стояла на платформах и грозно смотрели жерлами из своих амбразур на городские укрепления. К ним присоединились, кроме того, восемь легких орудий, находившихся ночью в прикрытии рабочих, и десять турецких пушек, отбитых накануне; но их разместили уже на валу и приспособили для стрельбы через банк. Утром одиннадцатого августа, едва забрезжил свет, Паскевич приехал на батарею, и по его знаку сорок шесть орудий, находившиеся от городского палисада на расстоянии всего двухсот сажень, открыли жестокую канонаду. Начались обычные бедствия осады – городские строения рушились и погребали под своими развалинами и войска и жителей. Скоро в северном квартале выкинули белый флаг, и вслед за тем к Паскевичу явилась депутация просить пощады. Она объявила, что к начальствующим пашам также посланы выборные лица с тем, чтобы настоять на немедленном открытии переговоров. Два часа протекло в бесплодном ожидании ответа – паши и большая часть коренных ахалцихских жителей отвергли предложение и не хотели слышать о сдаче. Эту отчаянную решимость приписывают особой настойчивости Киос Магомет-паши, который, опоздав на выручку Карса и потеряв сражение в поле под Ахалцихе, хотел кровопролитной защитой крепости восстановить свою пошатнувшуюся военную репутацию. Канонада возобновилась. Неприятель не отвечал на нее ни единым выстрелом, как бы сберегая их до последней минуты ожидаемого приступа.

А между тем осадные работы постепенно начинали развиваться и на других пунктах русской позиции. Нужно сказать, что с потерей Северных высот турки сами оставили бесполезные для них контр-апроши на правом берегу Посхов-Чая, так как с уничтожением турецких лагерей там прикрывать уже было нечего. Граф Симонич с Грузинским гренадерским полком еще ночью девятого августа, как только отгремело сражение, занял покинутые контр-апроши, потом селение Марду и, наконец, сады, примыкавшие почти к самой крепости. Передовая цепь его утвердилась на южных высотах прямо против цитадели, а в ночь на 11-ое число, здесь, на месте турецкого ретраншементы, стояла уже батарея № 7, устроенная, по тесноте, в два яруса, так что три орудия помещались на нижней, а два на верхней площадке. С этой минуты сообщение жителей с берегом и прогон скота к водопою чрезвычайно затруднились, так как каждая подобная попытка стоила туркам нескольких жертв.

В эту же ночь Паскевич приказал уничтожить батарею № 5, стоявшую на левом берегу, впереди Таушан-Тапы, а взамен ее заложил новую, № 8, на семь батарейных орудий и восемь кегорновых мортир, всего в ста двадцати саженьях от восточного бастиона. Постройка этой батареи производилась уже под огнем крепостных орудий, и с русской стороны несколько офицеров, и в том числе начальник артиллерии генерал-майор Гилленшмит, были контужены. Войска, между тем, также передвигались на новые позиции. Главнокомандующий с Эриванским полком и шестью ротами херсонских гренадер стал на Северных высотах, где была большая осадная батарея. Правее главной батареи, на случай вылазки из крепости, поставили сильный редут № 9, занятый полубатальоном козловцев с четырьмя орудиями, а позади него расположились Ширванский пехотный и сорок второй егерский полки, так что всякое покушение турок против Северных высот легко могло быть уничтожено. Для прикрытия траншейных работ на левом фланге оставлены были в садах, по обе стороны реки, два батальона Грузинского полка и батальон сорок первого егерского, рота которого выдвинулась еще вперед, на городское кладбище, где было каменное здание, тотчас приспособленное ею к обороне. Одновременно с этим две роты херсонских гренадер заняли у Кая-Дага старое кладбище, где стоял турецкий лагерь, а кавалерийская бригада Раевского расположена была у Су-Килиссы. Таким образом, крепость была обложена со всех сторон, и все

сообщения ее прерваны. Паскевич нашел этот момент удобным, чтобы еще раз потребовать сдачи. Но штабс-капитан Корганов, ездивший в крепость, привез в ответ восточную фразу: “Одна сабля разделяет нас”.

Тогда, чтобы ускорить развязку, Паскевич приказал в ночь на 13 августа заложить на расстоянии ста тридцати саженей от северо-восточного угла городского палисада редут № 10, в который поместились брешь- и демонтир-батареи – обе на шесть осадных и батарейных орудий. Лунная светлая ночь не позволила скрыть работ от неприятеля, и турки обра- тили сюда сильнейший огонь со всех ближайших верков, стреляя картечью и двойными ядрами. К счастью, саперы успели скоро заслонить этот пункт турами, и вся потеря здесь в течение ночи не превышала десяти человек.

К свету редут был готов и открыл сильный и удачный огонь. С первых же выстрелов демонтир-батареи рухнула вершина башни Кая-Даг, и турки принуждены были снять оттуда орудия и пристроить их кое-как на площадке, чтобы хоть сколько-нибудь отвечать на канонаду. Еще разрушительнее было действие брешь-батареи, направленной против глиняных стен северного бастиона. Положение города с каждым днем становилось безнадежнее, но гарнизон все же оставался многочисленнее осаждающего корпуса, и вся возможность покорения крепости штурмом могла основываться только на беспримерной отваге кавказского солдата. Русские надеялись, что значительное христианское население Ахалцихе облегчит осаду внутренним междоусобием; теперь стало известным, что Киос-паша принял свои меры и обезоружил всех находившихся в городе и грузин, и армян. А те немногие, которые с величайшей опасностью успевали прокрадываться в русский лагерь, подтверждали только весть об отчаянной решимости Ахалцихских турок драться до последнего. Между тем продовольствие в русских войсках начинало истощаться, ходили слухи о движении из Арзерума к Ахалцихе новых секурсов. При таких условиях нужно было как можно скорее покончить с упрямой крепостью, и Паскевич решил взять ее штурмом.

Перед вечером 14 августа, объезжая по обыкновению лагерь, Паскевич остановился у Ширванского полка и, поздоровавшись с людьми, сказал: “А завтра, братцы, город надо взять!” – “Возьмем, ваше сиятельство!” – отвечали ширванцы с таким единодушием, что полковник Бородин тут же просил Паскевича предоставить полку славу и опасность первой атаки.

Штурм предполагалось начать 15 августа, в день Успения Пресвятой Богородицы, в четыре часа пополудни. Мысль штурмовать сильную крепость среди белого дня могла показаться слишком отважной. Но Паскевич поступил так, руководствуясь указанием опыта. Предшествовавшие штурмы Карса и Ахалкалаков были на рассвете, и они-то приучили турок к усилению осторожности именно в это время. В продолжение всей осады Ахалцихе турки собирались по ночам к палисадам, а с наступлением утра расходились по домам и кофейням, оставляя у стен лишь небольшие караулы. На этом и построил свои расчеты Паскевич. А чтобы приучить турок равнодушнее смотреть на дневные передвижения войск, в последние дни осады, именно около четырех часов пополудни, народно производилась на батареях смена рабочих прикрытий. Этот час избран был для начала приступа еще и потому, что наступление вечера позволяло скрыть малочисленность русских резервов.

С вечера 14 августа граф Симонич получил приказание оставить бесполезную при штурме батарею № 7 и перевести Грузинский полк на левый берег Посхов-Чая, расположив его бивуаком против восточного фаса крепости. Перемещение полка было замечено турками и показалось им не случайным; из крепости открыли сильный огонь, и неприятелю удалось подбить лафет у одной из русских пушек, но цель, которую имел ввиду Паскевич, была достигнута. Турки, ожидая штурма восточных ворот, целую ночь не отходили от палисадов. А между тем, пока внимание их привлечено было в ту сторону, на небольшом холме, лежа-

шем под северными высотами, заложена была новая брешь-батарея на четыре двенадцатифунтовые пушки, всего в восьмидесяти саженьях от северного бастиона.

Главным пунктом атаки назначена была высота католической церкви с прикрывавшим ее бастионом. Штурм должен был начаться с редута № 9, и честь первого удара на городские укрепления предоставлена полковнику Бородину с его Ширванским полком. Непосредственно за ширванцами должен был следовать восьмой пионерный батальон с турами и фашинами; на него возложено было срубить палисады, ввести в город орудия и на кровле католической церкви устроить батарею для продолжения осады. Таким образом, войска должны были взять бастион, овладеть костелом, потом занять вправо и влево ближайшие части Армянского квартала и здесь укрепиться. Атаке этих трех передовых батальонов должны были покровительствовать все осадные и полевые орудия, сосредоточенные на северных высотах, где находился сам главнокомандующий и стоял резерв: Херсонский гренадерский, Эриванский карабинерный и линейный казачий полки. На прочих пунктах, по крайней мере в первые минуты штурма, действия предположено было ограничить только одними демонстрациями.

Всю ночь русские батареи гремели по северному бастиону и по прикрывавшей его куртине, обреченной на приступ. К рассвету пальба стала стихать, и едва заря занялась над твердынями Ахалцихе, замолчала совсем.

Наступило утро 15 августа.

Х. ШТУРМ АХАЛЦИХЕ

То был век богатырей...

Давыдов

Кровавый день ахалцихского штурма, совпавший праздником Успения Пресвятой Богородицы, особенно чествуемый русским народом, был вместе с тем и днем полкового праздника Ширванского пехотного полка. Несмотря на предстоящий бой, в русском лагере своим чередом совершались обычные церемонии. В Турции, как и на родине, ширванцы начали день молитвой, а потом, по окончании парада, солдатам был устроен праздничный обед, а офицеры отправились к полковому командиру на закуску. Закусывали на этот раз походному, чем Бог послал; “однако, говорит один современник, под конец явилось шампанское, и близость боя нисколько ни помешала бивуачному веселью”.

В три часа пополудни все генералы и частные начальники собрались к главнокомандующему за получением последних приказаний. В исходе четвертого часа, когда обыкновенно производилась в траншеях смена рабочих и прикрытия, штурмовые колонны стали в ружье. Паскевич еще раз объехал войска и отправился на Северную высоту, откуда мог лучше следить за ходом начинавшегося боя.

Прошло еще с полчаса, и вот, под гром сильнейшей канонады, загоревшейся в эту минуту по всему протяжению осадных батарей, два батальона Ширванского полка, с распущенными знаменами и музыкой, вышли из редута и двинулись к брешь-батарее, откуда им предстояло идти на приступ.

Привыкшие видеть в этот час смену рабочих, турки спокойно смотрели на движение войск, никак не ожидая, что это движение – начало грозного штурма. Нужно сказать, что ночью из русского лагеря бежали два фельдфебеля Херсонского полка, которые предупредили осажденных о близкой опасности, но, к счастью, беглецам не поверили. Утомленные ночной бдительностью у палисадов, турки, как всегда, с утра разошлись по домам, а при батарее на атакуемом бастионе осталось только шестьдесят человек. Но эти шестьдесят храбрецов, как увидим дальше, сумели постоять за себя.

Когда ширванские батальоны вышли из-за брешь-батареи, Бородин скомандовал: “Песенники, вперед!”

Ой, во поле липонька стояла,—

затянули ширванцы и под эту задушевную народную песню двинулись к проломам полуразбитого бастиона. Впереди шли двести человек охотников – лучшие люди, выбранные из полка и предводимые храбрым майором Родзевским. Этот Родзевский, старый ширванец ермоловских времен, до настоящего дня состоял при главной квартире Паскевича в скромном звании зрителя походных госпиталей. Давно уже лишенный счастья разделять боевые опасности со своими товарищами, он выпросился у Паскевича на штурм Ахалцихе и получил в команду охотников. К нему присоединились волонтерами лейб-гвардии Преображенского полка поручик Дик, Белгородского уланского полка поручик Анненков и Серпуховского – корнет Абрамович.

Батальоны подходят к крепости все ближе и ближе. Мелодичная песня сменилась уже веселым русским мотивом.

Не будите меня молоду раным-рано поутру,—

гремит хор, а ему вторят рожки, звенят тарелки, громяхают бубны. Крепость молчит, но тем тревожнее бьются сердца в ожидании рокового залпа, тем страшнее смотрят из своих

амбразур широкие жерла турецких пушек. Вот обе ширванские колонны поднялись уже по отлогости холма на половину высоты против рокового бастиона.

Выгоняйте вы скотину на широкую долину,—

весело заливаются песенники. И вдруг грянул страшный, убийственный залп. Передние ряды ширванцев повалились, как подкошенные. Подпоручик князь Вачнадзе Третий и двадцать нижних чинов были убиты наповал. В ответ на это грянуло “Ура!”, и как неудержимые волны, хлынули охотники в открывшиеся перед ними проломы. Полковой барабанщик Головченко первый вскочил на бастион и ударил тревогу почти в самом кругу ошеломленных турок. За ним вошел штабс-капитан Разнатовский, потом — поручики Дик и Вачнадзе Первый. Бастион моментально был взят. Храброе, но малочисленное прикрытие его ни шагу не подалось назад и геройски пало под штыками русских. Несколько знамен, стоявших на бастионе, и три орудия, облитые кровью своих защитников, были первыми трофеями ахалцихского приступа. Разнатовский и Дик — герои этого штурма — были вынесены ранеными. Разнатовскому две пули прострелили обе ноги навывлет, раненый Дик был окружен неприятелям и только обязан спасением своей жизни унтер-офицеру Водницкому (из разжалованных декабристов), который вырвал его из рук неприятеля и вынес на своих плечах из боя. Между тем подоспевшая сюда пионерная рота быстро принялась рубить палисад, чтобы открыть свободный вход штурмовым колоннам. Но пока кипела работа, полковник Бородин и прапорщик Пущин, не выждав конца ее, перескочили частокол и увлекли за собой ширванцев. Теперь войска очутились в городе, на узком и тесном перешейке, с двух сторон очерченном крутыми оврагами. Прямо перед ними гордо возвышалась старинная католическая церковь, закрывавшая собою дальнейший вход в центральную часть города. Взять этот костел являлось безусловной необходимостью, но предварительно нужно было очистить овраги, из-за которых уже начинался убийственный перекрестный огонь. Первый батальон Ширванского полка, под командой подполковника Юдина, немедленно стал пробиваться вправо; второй, подполковника Овечкина,— влево; колонна охотников осталась в центре, против самого костела, связывая своей густой цепью фланги обоих батальонов.

В это время турецкий резерв, спокойно отдыхавший внутри католической церкви, выскочил на тревогу и бросился было на защиту уже потерянной брешы, но встреченный дружным залпом охотников, он тотчас же подался назад и укрылся обратно в церковь. Весть, что русские взяли северный бастион и что они уже в городе, с быстротой молнии распространилась по всем закоулкам Ахалцихе, и через несколько минут весь город уже был на ногах. Вскакивая ото сна, бросая обед и кофе, вооруженные жители опрометью бежали из домов на помощь резерву. По главной улице, ведущей от крепости к пролому, поспешно двигались турецкие колонны. И вот вся эта масса врагов, обезумевшая от неожиданности и отчаяния, лицом к лицу столкнулась с ширванцами. Первый удар должен был вынести центр, где стояла густая цепь охотников, с которыми был в этот момент и сам Бородин. С горстью людей долго и упорно держался он, но видя, что устоять нельзя, потребовал к себе на помощь второй батальон, а первому приказал ударить во фланг неприятелю. Оба батальона бегом явились на место разгоревшейся битвы. Тогда начался отчаянный рукопашный бой на самом тесном пространстве между взятым бастионом и католической церковью, где сосредоточивались главные силы врагов. То неприятель отступал, опрокидываемый штыками ширванцев, то подавались назад ширванцы и, снова нападая, опять отбрасывали турок. Так раненый лев отступает назад, чтобы с новой силой и яростью сделать свой смертоносный скачок. Обе стороны были в борьбе достойны друг друга. Даже турецкие женщины, в мужской одежде и с лицами, вычерченными сажей, сражались в первых рядах и гибли вместе с мужьями и братьями. Не один раз ширванцы, преследуя турок, пытались овладеть костелом, взбирались даже на плоскую церковную кровлю, но только устилали ее своими трупами и снова скатывались вниз. Гибелен и страшен был этот бой за обладание костелом.

Вот уже полчаса, как вокруг него звучало и сверкало оружие, слышался гам битвы, и минутные крики торжества сменялись криками ужаса и стоном умирающих, а костел и примыкавшее к нему христианское кладбище, густо усеянное надгробными памятниками, все еще были в руках неприятеля. Тем не менее ширванцы не отступали. Крепко держали они то, что раз попало в их руки, и турки, как волны, набегавшие на утес, с ропотом и бессильной злобой отбрасывались от них назад. “Страшно было смотреть,— говорил один очевидец,— как ложились целые ряды бесстрашных ширванцев и как они, хотя медленно, шаг за шагом, но все-таки подвигались вперед”.

Но вот подоспела помощь. В городе грянул первый наш орудийный выстрел и гулко раскатился тысячным эхом вдоль тесных улиц. То был есаул Зубков, успевший, при помощи саперов, перетащить свои два орудия через палисад и, взобравшись на высокий бугор, открывший огонь через головы ширванцев. Вслед за пушками, с Бурцевым во главе, прибежала саперная рота. Дружно, с невероятной отвагой работала она до сих пор под непрерывным свистом неприятельских ядер: одни рубили палисады и расширяли проходы, другие на руках перетаскивали через ров орудия. Гром пушечного выстрела и прилив свежих сил разом оживили утомленных бойцов. “Слава Богу, теперь устоим!” — послышалось в рядах. Мгновение — и второй батальон стремительным ударом в штыки еще раз опрокинул турок и вырвал из рук их кладбище. Прочно стали теперь ширванцы на занятом ими пункте, всего в пятнадцати шагах от католической церкви. Бородин послал сказать Паскевичу, что он надеется удержаться в городе. Но спустя несколько минут не стало храброго Бородина — пуля почти в упор поразила его в живот, и он упал и умер, как стоял, во главе ширванцев. Место его заступил полковник Бурцев. Он успел ввести в город еще несколько орудий и при помощи их удержался на своей позиции. Дорого достались ширванцам несколько сажень земли. Эту землю они взмочили своей кровью и устлали трупами любимых начальников. Более десяти офицеров выбыло из полка убитыми и ранеными; в числе их пал начальник охотников доблестный майор Родзевский и тяжело ранен командир второго батальона подполковник Овечкин. Простреленный в поясницу навылет — это была уже шестая рана, полученная им на службе,— он силой воли преодолел страдания и, поддерживаемый солдатами, не оставил своего места впереди батальона.

Паскевич стоял в это время на высокой горе, у главной батареи, куда посылались все донесения, и сам расспрашивал посланных о ходе кровавого боя. Рассказывают, что, заметив ширванского солдата, бежавшего мимо с каким-то приказанием, он подозвал его к себе и спросил: “Откуда?” — “Из крепости, ваше сиятельство!” — бойко отвечал запыхавшийся ширванец. “Ну что, каково там?” — “Жарко, ваше сиятельство”. — “А что турки?” — “Да трудно с ними справиться, упрямятся, ваше сиятельство”. — “Знаю, они молодцы, не поддавайтесь ребятам”. — “Молодцы-то молодцы, ваше сиятельство; да чего они бьются-то? Ведь знают, что мы назад не попятим”.

Эта простая решимость солдата лечь костями на своем посту, “под грозой роковой не дать шагу назад”, должна была действовать на всех воодушевляющим образом. С ними нечего было бояться за исход сражения.

“Чтобы выдержать отчаянную стремительность турок,— говорит один из участников боя,— надо было иметь впереди таких людей, как ширванцы, и под начальством такого офицера, как Бородин, носившего георгиевский крест еще с Бородинского боя. По счастью, достойный Бурцев вполне заменил своего погибшего товарища”.

Пока шла борьба за обладание кладбищем, весь пионерный батальон вступил в город с осадными материалами и принялся за устройство ложементов. Место для разбивки их было, однако, весьма неудобно: влево от самого бастиона тянулись дома, плотно примыкавшие к палисаду и так тесно поставленные друг около друга, что между ними не было пустого пространства; перед фронтом их лежала небольшая площадка, простиравшаяся вплоть до

католической церкви и значительно понижавшаяся к стороне неприятеля; вправо был крутой и глубокий овраг. Несмотря на то, устройство ложементов подвигалось быстро. Пионеры, овладев плоскими крышами верхних домов, поставили на них туры и распространили работу через бастионную горжу и церковную площадь вправо до самого оврага. Такое несколько изогнутое направление ложементов не только обеспечивало занятие брешки, но в то же время своим фланговым положением к католической церкви, доставляло русским большие выгоды.

С непостижимым хладнокровием и решимостью, следуя примеру офицеров, совершали пионеры свои тяжелые и гибельные работы, каким едва ли найдутся другие примеры в истории осадных войн. Всего в десяти саженьях перед линией рабочих теснились толпы сражавшихся холодным оружием; а из-за церкви, из-за надгробий кладбища, из-за обоих оврагов, справа и слева, градом сыпались на них турецкие пули; сюда же, в это тесное пространство, неприятель сосредоточил и огонь со всех своих батарей. Но пионерам приходилось не только работать, им нужно было еще самим прикрывать работы, а время от времени помогать и ширванцам. Пока одни рылись в земле, другие стояли под ружьем, и случалось нередко, что тот или другой пионерный взвод усиливал собою стрелковую цепь, так как резерв ширванского полка уменьшился уже до шестидесяти человек. И потери пионер, особенно в офицерах, были разительны. В короткое время поручик Шефлер был убит, поручик Соломка и штабс-капитан Шмит смертельно ранены, прапорщик Пущин прострелен в грудь навылет, прапорщик Нечаев – в руку, подпоручик Вильде, отряженный для постройки брешь-батарей внутри самого города, – в шею, и батарею после него закончил уже Нижегородского полка прапорщик Дорохов. Нижних чинов в трех пионерных ротах было убито и ранено более ста человек. Во всем батальоне осталось только три офицера, и они-то ободряли людей, безропотно сменявших товарищей в работе то штыком, то киркою.

К заходу солнца ложементы были окончены, стрелки расположились за прикрытием, и пять легких орудий, поставленных за бруствером, под командой есаула Зубкова, открыли огонь... Зубков получил две сильные контузии в грудь, но, лежа на бурке, продолжал распоряжаться огнем своей батареи. Ему наиболее ширванцы и обязаны тем, что удержались на кладбище. Легкой батарее горячо вторила батарея кегорновых мортир, но храбрый командир ее, поручик Крупенников, был вскоре ранен и вынесен из боя; мортирный огонь стал ослабевать.

В шестом часу пополудни к месту боя стали подходить подкрепления. Первым пришел батальон Херсонского полка и стал на кладбище в резерве за ширванцами. Тогда полковник Бурцев, пользуясь прибытием их, решился снова перейти в наступление, чтобы овладеть костелом до наступления вечера. Атака была произведена дружно и с замечательной энергией. Пока первый батальон ширванцев, посланный с подполковником Юдиным вправо, очищал церковную площадь и гнал неприятеля вдоль по оврагу, второй батальон, вместе с херсонцами, штурмовал костел. Несколько охотников быстро взобрались на церковную крышу и, пробив сверху отверстия, поражали ружейным огнем засевшего в нем неприятеля. Отчаянные защитники, при всем упорстве, наконец, не выдержали: костел был взят, и осажденные, покрыв трупами землю, едва удерживались теперь беспорядочными толпами в овраге и на главной городской улице. Немедленно втащили на кровлю католической церкви горный единорог, а в ложементах увеличили число кегорновых мортир, чтобы обстреливать самые улицы. Между тем подошел еще второй батальон Эриванского полка и составил новое подкрепление штурмовым колоннам. Таким образом, и церковь и окружающая ее площадь, так долго и упорно обороняемые турками, были прочно заняты русскими. Но победа оставалась, однако, еще далеко не решенной.

Со взятием костела разом наступило минутное зловещее затишье. Враждебные стороны, одинаково утомленные, одинаково ослабленные потерями, отдыхали всего в пятна-

дцати саженьях друг от друга. Но кратковремен был обоюдный отдых. Густые толпы турок, стеснившиеся в западном овраге, снова двинулись вперед, угрожая на этот раз раздавить своей массой ширванский батальон подполковника Юдина, занявший позицию в том же самом овраге. Завязалась страшная рукопашная свалка. Юдин, отбитый от своего батальона, очутился в толпе неприятеля, но был выручен отважным унтер-офицером (из разжалованных) Анисимовым, который, спасая своего командира, сам получил три тяжелые раны.

Опасное положение ширванцев заставило выдвинуть из резерва еще батальон сорок второго егерского полка, под командой полковника Реута, которому приказано было взять правее разрушенного бастиона и ворваться в Еврейский квартал, лежавший между западным оврагом и городской оградой. Турки, еще владевшие здесь палисадом, встретили наступавших егерей жестоким огнем. Тогда четыре донские орудия вынеслись вперед и принялись, в свою очередь, осыпать турок картечью.

Под их защитой штурмовая колонна смело подошла к городскому палисаду, но взять его она не могла. Егеря овладели только бойницами с наружной стороны его и, просунув в них ружья, в упор поражали защитников, турки отвечали тем же, и в одну минуту девять офицеров из батальона были убиты или ранены. К счастью, в эту критическую минуту подошла команда саперов, с прапорщиками Коновницыным и Богдановичем; она живо срубила палисад и из его же бревен устроила мост, по которому могла пройти артиллерия. Половина саперов была перебита, но остальные успели поставить туры, за которыми могли укрыться орудия. Воодушевление солдат и здесь было так велико, что приходилось сдерживать их от бесполезных потерь.

Когда палисад упал, и проходы были открыты, турки и егеря разом кинулись друг на друга в штыки. Два донские орудия, следом за егерями, лихо проскочили через пролом и, установившись на крыше ближайшей сакли, в упор обдали турок картечью, но в этот момент крыша, не выдержав тяжести, рухнула, и лафет одной из пушек опустился в саклю; минутное замешательство артиллерии придало энергию врагу. Турки разом потеснили егерей и прорвались к самым орудиям. Взвод донской артиллерии, при котором оставалось только восемь человек прислуги, был окружен их толпами. “Станичники! – крикнул тогда офицер. – Неужели нам придется расстаться с нашими старыми друзьями, ведь три года верно и неизменно они служили нам!” – “Не бывать этому!” – громко отозвались урядники Кундряков и Силкин. Воодушевленные их примером, казаки сами бросились в шашки. Двое из восьми человек пали мертвыми, но остальные, имея во главе широкоплечего и дюжего Кундрякова, отбились и отстояли орудия. Но вот егеря пересилили и, давя врага, проникли в город. Еще несколько минут упорного боя – и они сомкнули свою цепь с цепью Ширванского полка.

Между тем до пятидесяти русских орудий с командных высот громили город и своим грохотом заглушали мелкую дробь ружейной перестрелки. Сражение разгоралось. Ширванский полк и батальон херсонцев опять перешли в наступление. Теперь католическая церковь, вся залитая кровью, заваленная трупами, осталась позади, и перед ними лежал обширный город без площадей и улиц, где не было никакой возможности сражаться сомкнутым фронтом, а между тем, каждый дом приходилось вырывать из рук защитников. Было семь часов вечера, сгущались сумерки, и “величественно-грозной картине ночного боя, – говорил очевидец, – не доставало освещения”. Вдруг какая-то благодетельная граната зажгла строение на церковной площади, и пожар начался от костела прямо по направлению к крепости. Мысль воспользоваться пожаром, чтобы вытеснить неприятеля из города, не ускользнула от внимания Паскевича, и с Северных высот поскакали ординарцы с приказанием зажигать дома и поддерживать пожар всеми возможными средствами. Но исполнить это было не совсем легко. Многие дома, толсто обмазанные глиной, упорно противостояли усилиям огня, так что приходилось бросать ручные гранаты в окна и трубы, а это стоило каждый раз нескольких человек убитыми или ранеными.

Наконец ввели в город дивизион Нижегородского полка с огромными вязанками сена и соломы. Тогда дело пошло успешнее, и огонь, раздуваемый сильным ветром, мало-помалу охватил огромное пространство. При свете этого губительного пламени, среди удушающего смрада и дыма, еще с большим ожесточением шла битва. Никто из ахалцихских жителей не хотел сдаваться, и даже женщины проникнуты были таким фанатизмом, что многие, стараясь избежать плена, добровольно кидались в огонь; другие, вооруженные кинжалами, шли в битву. Один очевидец рассказывает, как ветхий, почти столетний старик защищался на пороге горевшего дома против трех егерей, и, убив одного из нападавших, сам геройски пал под ударами двух остальных, но ворваться им в этот дом все-таки не удалось: его упорно оттаивали турки, воодушевленные примером старика, и только обрушившийся потолок похоронил в пламени отважных защитников.

В другом месте ширванец, ворвавшийся в дом, наткнулся на двух турок, еще не успевших зарядить свои ружья, и мгновенно заколол одного, но другой уклонился от удара и сам нанес ему жестокую рану кинжалом в бок; в это время подскочила молодая турчанка с обнаженной саблей, и удар, моментально нанесенный ею, был так силен, что перерубил толстую перевязь, на которой висел солдатский подсумок, и причинил ширванцу страшную рану. Солдат имел еще силу, чтобы заколоть обоих, но и сам он, изнемогая от двух тяжких ран, упал в той же сакле. Товарищи нашли его еще живым и понесли на перевязку. “Эх, брат, не стыдно ли, баба свалила”, – заметил ему один из ширванцев. “Дура, братцы, баба-то, – проговорил умирающий, – не знает, где надо рубить, пожалела солдатской головы, да свою и оставила”. И целый ряд подобных сцен, полных ужасов, смерти и нечеловеческого возбуждения, следовал один за другим. В одной мечети сгорело до четырехсот человек защитников. В Ахалцихе был настоящий ад, способный потрясти самые железные нервы.

А между тем, как здесь борьба кипела не на жизнь, а на смерть, и каждый шаг обливался и русской и турецкой кровью, в северной части города быстро росли укрепления. Ложементы, начатые Бурцевым, теперь протянулись уже до самой католической церкви; костел превратился в недоступный редут, а на плоской кровле его и соседних домах поставлены были туры, обложенные мешками с землей для удобства ружейной обороны; тут же, в Северном квартале, строилась новая брешь-батарея, чтобы с рассветом громить крепостные стены. Работы кипели при ужасающем зрелище ночного пожара; вдруг огонь повернул в противную сторону, охватил церковную площадь и пошел к костелу. Пламя угрожало объять все русские работы, стоившие стольких трудов и крови храбрым саперам. А тут, к общему ужасу, среди и без того возраставшей опасности, открыты были в церковном здании еще громадные склады пороха. Семь человек турок поодиночке подкрадывались сюда, чтобы бросить в них горящие головни; удайся это – и эриванский батальон, занимавший костел, неминуемо взлетел бы на воздух. К счастью, часовые вовремя заметили и перекололи этих фанатиков, а каменная стена, ограждавшая церковь со стороны незастроенного домами кладбища, приостановила огонь. Тем не менее, пока ветер не изменил своего направления, пришлось очистить костел и вывести войска из ложементов. Занятый смертельной борьбой, неприятель не мог видеть собственной нашей опасности; да если бы он ее и видел, то вырвать Северное предместье из рук эриванцев все-таки не представлялось возможным. Положение турок с каждым часом становилось все гибельнее и гибельнее.

Из числа четырех наружных бастионов три уже находились во власти русских. Нужно сказать, что пока Ширванский полк шаг за шагом оттеснял неприятеля от Северного предместья, и пожар, принявший ужасающие размеры, освещал страшную картину беспощадной резни, в город, со стороны Еврейского квартала, введены были еще две роты сорок второго егерского полка, под командой подполковника Назимки. Они овладели угловым северо-западным бастионом (№ 4) и взяли в нем четыре орудия. В то же время рота Эриванского полка, направленная от католической церкви, двинулась против северо-восточного басти-

она (№ 2) и захватила его с тыла вместе с двумя орудиями и восьмью знаменами. Нельзя не сказать, однако, что этим легким успехом эриванцы много были обязаны меткому огню двух казачьих орудий сотника Шумкова, который с самого начала штурма, приблизившись к палисаду на шестьдесят сажень, один боролся с этим бастионом. Турецкий огонь, направляемый из башни, по временам бывал так губителен, что артиллеристы вынуждены были укрываться за камнями. Это, по-видимому, наскучило наконец одному из казаков, Старикову. “Эх, вы, лежебоки,— шутя укорил он товарищей,— вот посмотрите-ка, какую я задам выпляску на самом лафете. Пусть вся турецкая сила полюбуется мною!” И он, вскочив на лафет, действительно пустился в присядку, припевая:

Казак, казачок,
Казак, миленький дружок...

Пуля ударила его в грудь и сбросила с лафета. Но, падая, Стариков схватил фитиль и сделал последний выстрел из орудия.

С потерей трех бастионов турки уже не имели сил держаться в отдаленных кварталах и, отступая, сосредоточивались к крепости. Прибывший в это время на место битвы начальник корпусного штаба барон Остен-Сакен нашел возможным продолжать наступление и со стороны Еврейского квартала, с тем, чтобы овладеть грозным Кая-Дагом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.